Дети Атлантиды

Ф.Б. Керр

Джинн и королева-кобра

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Новые приключения Джона и Филиппы Гонт — нью-йоркских близнецов, в каждом из которых проснулся добрый джинн. В эпопее британского писателя Ф.Б.Керра «Дети лампы» чудеса случаются на каждом шагу: их творят представители добрых и злых джинн-кланов, постоянно борющихся друг с другом.

В третьей части цикла, «Джинн и Королева-кобра», в беду попадают дядя близнецов Нимрод и его старый друг, Ракшас. Детям предстоит спасти их из лап безумной индийской секты. Попутно Джон и Филиппа знакомятся с ангелами, маскирующимися под нищих, а также узнают, что такое «второе я» и «зеркало души». Следуя за близнецами и их приятелем Дыббаксом, вы сможете получить представление о страшном культе Девяти кобр и выяснить, кто скрывается под личиной снежного человека. Добро вновь одержит верх над Злом, но к удару судьбы окажется не готово.

- Филип Керр
  -
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
- notes
  - 1

- ○ 2
- ○ 3

Филип Керр
(Дети лампы — 3)
Джинн и Королева-кобра

Новые приключения Джона и Филиппы Гонт — Нью-Йоркских близнецов, в каждом из которых проснулся добрый джинн. В эпопее британского писателя Ф.Б.Керра «Дети лампы» чудеса случаются на каждом шагу: их творят представители добрых и злых джинн-кланов, постоянно борющихся друг с другом.

В третьей части цикла, «Джинн и Королева-кобра», в беду попадают дядя близнецов Нимрод и его старый друг, Ракшас. Детям предстоит спасти их из лап безумной индийской секты. Попутно Джон и Филиппа знакомятся с ангелами, маскирующимися под нищих, а также узнают, что такое «второе я» и «зеркало души». Следуя за близнецами и их приятелем Дыббаксом, вы сможете получить представление о страшном культе Девяти кобр и выяснить, кто скрывается под личиной снежного человека. Добро вновь одержит верх над Злом, но к удару судьбы окажется не готово.

Посвящается Брайану Букмену

Пролог

О том, что случилось в Лондоне
вскоре после того,
как в Нью-Йорке родились
близнецы Джон и
Филиппа Гонт

Ужас, как часто бывает, подступил глубокой ночью, когда люди обычно спят. Случилось это страшное происшествие в Лондоне, в обманчиво большом кирпичном правительственном здании в Уайтхолле, расположенном по самому старому и знаменитому адресу в мире. Снаружи, у всем известной черной парадной двери, стоял на посту полицейский, вдоль противоположной стороны улицы тянулись другие правительственные здания, в конце ее высилось Вестминстерское аббатство, за ним — здание парламента, а еще дальше текла мутная Темза.

Ночь совсем сгустилась, одна из холодных апрельских ночей последних лет прошлого тысячелетия… В доме десять на Даунинг-стрит царила тишина. Девочка одиннадцати лет была в комнате одна, но не спала, а, включив фонарик, читала под одеялом любовный роман. Ее родители, премьер-министр Великобритании и Северной Ирландии и его супруга, мирно почивали в своей спальне чуть дальше по коридору, а этажом ниже, в комнатке за залом заседаний кабинета министров, бодрствовали сотрудники премьера: начальник службы безопасности и пресс-секретарь. Приблизительно без двадцати час девочка нахмурилась и в некотором замешательстве оторвалась от книги. Ей показалось, что она услышала смех. Приглушенный, но явно девичий смех. Вернее, противное хихиканье.

Странно.

Девочка высунула голову из-под одеяла и прислушалась.

Нет, все тихо. Почудилось.

Но смех раздался вновь. Девочка отбросила книгу.

Кто тут хихикает? Аж мурашки по спине побежали…

Она решительно встала. Надела халат и, открыв дверь, выглянула в коридор. Похоже, хихикают в родительской спальне.

Кто же это? Точно не мама. Она не так смеется. А с тех пор, как они переехали на Даунинг-стрит, она вообще не смеется.

Девочка крадучись подошла к спальне родителей. Хихиканье внезапно стало громче и даже как-то противнее, но, как только девочка толкнула дверь спальни и ступила внутрь, оно тут же

стихло. Пусть на мгновение, но стихло.

Что тут все-таки происходит?

Мама, съежившись, с круглыми от ужаса глазами, забилась в угол комнаты. Папа, прямой как доска, сидел на кровати, и глаза у него были закрыты. Дышал он тяжело и часто, раздувая ноздри, точно пробежал изрядное расстояние. Папа был совсем на себя не похож: бледный, пижама мокрая от пота, волосы спутанные и влажные, как пропитанная дождем солома. А потом глаза его внезапно открылись, закатились на лоб, словно стеклянные шарики, и закрылись снова.

И тут девочка поняла, что в комнате нестерпимо жарко. Как в раскаленной духовке. Она бросилась к окну. Распахнула его настежь. Дотронулась до батареи. Холодная.

Вот так чудеса.

— Мама, что с тобой? — тихонько спросила девочка.

— Со мной-то ничего, — прошептала мать. — А вот с отцом…

Девочка подошла к кровати и отодвинула папиного любимого плюшевого медвежонка Арчибальда.

— Папа? С тобой все в порядке?

Он продолжал тяжело дышать. А потом папины зеленые глаза открылись и уперлись прямо в нее. И от этого взгляда по спине у девочки побежали мурашки.

— Папа, перестань. Это не смешно. Ты пугаешь маму.

И тут он начал смеяться. Или нет, не он. Это был девичий смех, словно внутри него сидела какая-то незнакомая и неприятная, даже вредная девица.

Кто это? Или… что?

Холодные безжизненные глаза, которые совершенно не соответствовали веселенькому хихиканью, сверлили ее еще несколько секунд, а потом послышался голос — и хозяйке этого голоса было, наверно, не намного больше лет, чем самой дочери премьера.

— Подать сюда министра внутренних дел! — произнес голос. — И начальника лондонской полиции. И главного государственного обвинителя сюда живо! И генерального прокурора! Мне срочно нужно кое-кого арестовать и заточить в Тауэр. Немедленно. Сегодня же. Нельзя терять ни минуты.

— Ты никого не можешь заточить в Тауэр, — сказала дочка премьер-министра. — Так больше не бывает. Чтобы посадить человека в тюрьму, существуют правила. Законы.

— Тогда соедини меня по телефону с королевой, — сказал голос. — Я хочу принять новый закон. Прямо сейчас. Закон, который разрешит мне кое-кого арестовать и казнить. Сегодня же.

Девочка аж рот разинула от изумления.

— Чего ты ждешь, тупица? — продолжал голос. — Набирай номер, да побыстрее. Разве ты не знаешь, кто я? Я — премьер-министр. И рот не забудь закрыть. А то ты — прямо говорящая золотая рыбка из сказки. Только тупая. Умной будешь, когда рак на горе свистнет.

Перепуганная дочка премьер-министра отпрянула и стала судорожно приглаживать волосы, вставшие от ужаса дыбом.

— И слушай, ты, рыбья морда, скажи им всем, что мне не до шуток. А не поймут — пусть пеняют на себя. Я им устрою простейшую демонстрацию своих возможностей. Поняла, рыбья морда?

Тут премьер-министр снова захихикал по-девичьи, а его дочь завопила в голос.

— Все-таки младенцы — забавные существа, — заметил Нимрод. — Настоящие маленькие звереныши, верно?

Нимрод прибыл в Нью-Йорк специально, чтобы познакомиться со своими новорожденными племянниками, Джоном и Филиппой Гонт, и теперь с некоторым ужасом рассматривал близнецов, лежавших в специальном лотке в родильном отделении. Вообще-то младенцев он недолюбливал, не в последнюю очередь потому, что хорошо, даже слишком хорошо помнил первые суматошные, мокрые дни, недели и месяцы собственной жизни. Какой же это кошмар — быть младенцем! Кстати, для джинн зрелого возраста такие воспоминания вполне характерны: многие из них помнят абсолютно все, что с ними происходило в любом, самом нежном возрасте. И совершенно не способны о чем-либо забыть.

— Нет, правда презабавные уродцы, — не унимался Нимрод. — Ну почему почти все младенцы напоминают Уинстона Черчилля? Или Бенито Муссолини? Все как один страдают недержанием, крикливы и драчливы, словно галки. Не говоря уж о неуемном желании быть пупом земли.

Сестра Нимрода, Лейла, тоже, как и он, джинн, сидела насупившись на больничной койке и слушала бестактные комментарии брата с растущим раздражением. Сами же близнецы, чувствуя брезгливость и отвращение дяди Нимрода, начали хором подмяукивать, точно пара голодных котят.

— К тому же близнецы! — добавил Нимрод погромче, чтобы перекрыть детский писк. — Такая обуза для тебя, сестренка. Смотрю я на этих зверенышей и начинаю верить легенде об основании Рима. Близнецов Ромула и Рема положили в корыто и пустили вниз по реке Тибр, а спасли их волчица и дятел. Кстати, эти двое долбят по ушам не хуже дятлов. Слушай, а как они лапами-то размахивают! Прямо как недоваренные омары.

— Это все, что ты хочешь сказать? — спросила Лейла, терпеливо улыбаясь. — Ты прилетел из Лондона только для того, чтобы наговорить гадостей о моих младенцах?

— Гадостей? Я? Отнюдь! — возразил Нимрод и поднял с пола коробку из-под обуви. — Я, их единственный дядя, привез им традиционный джинн-подарок: настоящую масляную лампу. Две лампы: по одной на брата. Точнее — на брата и сестру. И заметь, не какие-нибудь оловянные, с малазийского базара. Эти лампы сделаны из настоящего серебра. Ценные, старинные вещи. Времен Османской империи. А интерьерчики внутри угадай чьи? Отделаны щедрой рукой мастера, вашего покорного слуги…

— Вот и отлично. Можешь забрать лампы обратно в Лондон, — сказала Лейла. — Мои дети не будут воспитываться как джинн. Они будут людьми.

— Запали мою лампу, Лейла! — воскликнул Нимрод. — Что ты имеешь в виду?

— То, что слышишь, — ответила его сестра. — Почему бы им не стать людьми? Их отец — человек.

— И очень достойный человек, — сказал Нимрод. — Но эти дети никогда не смогут стать мундусянами. Ты это прекрасно знаешь.

— Буду признательна, если ты не станешь больше употреблять это слово, — процедила Лейла.

— Мундусяне? — воскликнул Нимрод. — Почему нет? Кто же, по-твоему, люди, как не мундусяне? Послушай, сестренка, джинн-сила передается по материнской линии, тут уж никуда не денешься. В какой-то момент в недалеком будущем, лет этак через десять-двенадцать, у твоих детей прорежутся зубы мудрости. Тогда произойдет то, с чем тебе и твоему мужу Эдварду останется только смириться. Лейла, твои близнецы — Дети лампы.

— Буду признательна, если ты об этом забудешь, — сухо сказала Лейла. — И оставишь нас в покое. Навсегда. Я не хочу никаких контактов с миром джинн. С тобой в том числе.

— Замечательно, — сказал ее брат, чувствуя себя изрядно уязвленным. — Только помни: оградив ребенка от общения с другими джинн, ты все равно не сможешь оградить его от джинн, что сидит внутри.

В тот же день Нимрод улетел обратно в Лондон.

По возвращении домой он спустился в подвал и принялся заворачивать в газету свой неудавшийся подарок близнецам, серебряные турецкие лампы, поскольку намеревался — до поры до времени — спрятать их в сейф. В этот момент в дверном проеме возник его однорукий дворецкий Джалобин.

— Сэр, в прихожей вас дожидается какой-то человек, — произнес он, причем слово «человек» в его исполнении звучало так, как другой дворецкий, возможно, сказал бы «свинья» или «гиена». — Он желает поговорить с вами, срочно.

— Он назвал свое имя?

— У меня язык не поворачивается, сэр.

— От страха? Он так ужасен?

— Нет, сэр, я не это имел в виду. Просто я несколько затрудняюсь с произношением.

— Все-таки попробуйте.

— Слушаюсь, сэр. — Джалобин привел мысли, губы и язык в боевую готовность и произнес: — Доктор Ручира П. Варнакуласурия.

— Та-а-ак, Джалобин. Вы, кажется, правы. С полпинка не выговоришь. А что он, собственно, хочет?

— Он не изложил свое дело, сэр. Только сказал, что это важнейший вопрос национальной безопасности. Ах да, еще он сказал, что вы были знакомы с его отцом, факиром Муруганом.

— Проводите его в библиотеку, Джалобин.

— Слушаюсь, сэр, — сказал Джалобин и удалился, что-то бормоча себе под нос.

Нимрод же запер масляные лампы в сейф и тоже отправился в библиотеку. Он действительно был знаком с покойным отцом неожиданного посетителя, известным индусским праведником. В знак своей великой веры и особой святости факир Муруган провел десять лет жизни, сидя на высоком шесте, причем в его грудь и спину были воткнуты восемь кинжалов. В Индии праведники частенько устраивают такие представления, и Нимрод никогда не мог взять в толк, зачем это нужно, хотя ясно видел, что сами праведники — несмотря на все страдания — совершенно счастливы, а Нимрод был не из тех, кто мешает чужому счастью.

В библиотеке его ждал маленький, упитанный человечек в синем полосатом костюме, темных очках и с красивыми золотыми часами на запястье. Манеры у доктора были безупречные — результат хорошего, дорогостоящего образования, полученного в таких заведениях, как Итонский колледж, Гротон, Гарвард, Лондонский университет и несколько знаменитых медицинских школ, в том числе в Бирмингеме и Эдинбурге. Увидев Нимрода, гость поклонился, а затем почтительно поцеловал ему руку, факир Муруган знал, что Нимрод — джинн, и, по всей видимости, сообщил об этом сыну.

После церемонного приветствия доктор сразу перешел к сути своего дела.

— Простите за вторжение, достопочтенный сэр, — начал он. — Я был вынужден вас потревожить, поскольку возникла серьезная угроза национальной безопасности.

— Да-да, — кивнул Нимрод, раскуривая сигару. — Джалобин мне передал.

— Сэр, я — практикующий врач, весьма успешный, работаю на Харли-стрит. Одна из моих пациенток — жена премьер-министра, миссис Уидмерпул. За много лет знакомства я стал ее другом и доверенным лицом. — Доктор Варнакуласурия нервно теребил узел своего галстука, точно был слегка смущен необходимостью упоминать всуе имя столь известного и влиятельного человека.

— Вы меня заинтриговали, — сказал Нимрод, выдувая кольцо дыма, которое тут же приняло форму двух огромных человеческих ушей.

— Очень хорошо! — воодушевился доктор Варнакуласурия, заметив растворяющиеся в воздухе уши. — Очень хорошо. — И затем продолжил, вспомнив о безотлагательности своей миссии: — Сэр, дело состоит в следующем Я полагаю, что в мистера Уидмерпула вселился джинн, и я прошу вас оказать нам любезность и помочь изгнать нечистую силу.

— Изгнать нечистую силу? — удивился Нимрод. — Что заставляет вас думать, что эта нечистая, как вы говорите, сила — именно джинн? А вдруг это демон?

— Мне далеко до моего отца, сэр, — сказал доктор Варнакуласурия. — Однако в пределах моих скромных знаний о джинн я сделал определенные выводы и убежден, что премьер-министром завладел именно джинн. Например, в спальне, где мистера Уидмерпула в настоящее время удерживают, жарко, а не холодно. Кроме того, я зажег около его рта спичку, и он ее не задул. Вместо этого он как бы втянул в себя пламя губами, как делает человек, когда пьет чай из блюдца.

— Да, это — очень точное описание, — кивнул Нимрод. — Что-нибудь еще? Специфический запах, например?

— Я почувствовал сильный запах серы, — ответил доктор Варнакуласурия.

— Опишите голос, который отвечал, когда вы разговаривали с премьер-министром.

— Это был голос девушки, — сказал доктор. — Даже девочки. Мне показалось, ей лет двенадцать. Образованная. Судя по выговору — американка Капризная, испорченная, грубая. Раздает распоряжения всем подряд и ожидает повиновения, поскольку делает это от лица премьер-министра. Вначале все приказы были одинаковы: арестовать некоего человека, заточить в Тауэр и

отрубить ему голову.

— Вот как? Что за человек? Она упоминала имя?

— Необычное сочетание звуков. Иностранное имя. Похоже на греческое. Вот, я записал. — Доктор Варнакуласурия пошарил в кармане своего жилета и вручил Нимроду визитную карточку с написанным на обороте именем. — Хотя не уверен, что тут нет ошибок.

Нимрод посмотрел на визитку и молча положил ее в карман брюк.

— Продолжайте, — сказал он. — Вы сказали, что вначале все приказы были одинаковы. А потом чего она потребовала?

— Когда стало ясно, что никто не собирается арестовывать этого человека, приказы изменились. Казалось, теперь они просто предназначены, чтобы дискредитировать мистера Уидмерпула. Чтобы все решили, будто он сошел с ума. Например, она приказала пресс-секретарю премьер-министра выписать ордер на арест американского президента по обвинению в государственной измене, если тот откажется разорвать Декларацию независимости и немедленно прилететь в Лондон, чтобы принести присягу на верность Ее Величеству королеве.

Нимрод усмехнулся:

— Забавная идейка. Интересно, насколько это реально. — Он на мгновение задумался. — Скажите-ка, доктор Варнакуласурия, в доме десять на Даунинг-стрит есть кошка?

— Кошка? Да, кажется, есть. Почему вы спрашиваете?

— Потому что она нам понадобится для изгнания… нечистой силы.

— Так значит, вы согласны нам помочь?

Нимрод взглянул в окно и улыбнулся.

— Почему бы нет? Сегодня — превосходный день для изгнания нечистой силы.

Длинношерстного черно-белого кота, бывшего беспризорника, проживавшего на Даунинг-стрит и питавшего слабость к печенью, звали Бугби. Несмотря на репутацию убийцы невинных птенчиков, Бутби пользовался в доме десять большим уважением, и настоящую неприятность после прибытия на Даунинг-стрит он пережил лишь однажды: когда чуть не оказался под колесами двухтонного пуленепробиваемого «кадиллака» президента Соединенных Штатов. Но теперь настало то самое апрельское утро, и на пути Бутби возник Нимрод.

Переступив порог дома десять, Нимрод потребовал вовсе не встречи с мистером Уидмерпулом — он захотел видеть Бутби. Поскольку кота в прихожей не было, доктор взялся поискать его

сам. Нимрода же провели в Колонную залу, куда минут через десять-пятнадцать пришел и недовольный доктор Варнакуласурия с котом на руках. Доктор вообще не любил котов, кроме того, ему не понравилось, что его сшитый на заказ костюм оказался весь в кошачьей шерсти. Особенно же ему не понравилась царапина, которой наградил его зверь, отчаянно пытаясь вырваться из непрошеных объятий.

— Уй-й! — Доктор слизнул кровь с тыльной стороны ладони. — Скотина какая! Паразит! Да как ты посмел? Мерзкая маленькая тварь!

Он уже готов был дать кошаре хорошего пинка, но Нимрод, понимая настоящую причину кошачьего беспокойства, отобрал животное у доктора.

— Эту комнату часто посещает привидение, доктор, — пояснил он. — Призрак жены премьер-министра Гладстона. Нам надо найти другое место, иначе кот не посидит спокойно, и я не успею сделать… гм… то, что необходимо сделать.

Доктор, прекрасно знавший расположение помещений в доме десять, отвел Нимрода в Терракотовую гостиную. Не спуская Бутби с рук, джинн сел на диван и начал поглаживать своего нового кошачьего друга.

— Дайте мне, пожалуйста, вон ту пепельницу, — попросил он доктора.

Доктор передал ему пепельницу.

— Скажите, вы предлагали премьер-министру пить? Стакан воды, например?

— Нет. Я только проверил пульс — и он оказался очень частым, — взял кровь на анализ, осмотрел зрачки и язык и ощупал лимфатические узлы на шее, чтобы понять, не увеличены ли они. Так и оказалось. Да, кстати, запах серы, который я упоминал, появился как раз после того, как я нажал на лимфоузлы мистера Уидмерпула.

— Там-то она и сидит! — воскликнул Нимрод — Я имею в виду, что джинн, вселившийся в человека, обретается как раз в шейных лимфоузлах. Вы их помассировали, и это привело к выделению чистой серы из тела премьер-министра. У джинн намного более высокий уровень серы в организме, чем у мундусян, то есть у людей. В нормальном человеческом теле содержится достаточно серы, чтобы вывести всех блох у большой собаки. А серы из тела среднестатистического джинн хватит, чтобы избавить от блох шерстистого мамонта. Кстати, по этой причине обоняние у людей намного острее, чем у джинн. Это — одно из немногих преимуществ, которые вы, люди, имеете перед нами.

Нимрод рассказывал все это доктору Варнакуласурии отнюдь не потому, что хотел расширить его знания о джинн — если Нимрод и умел скрытничать, то как раз в вопросах о природе своих собратьев, — а потому, что знал: его глубокий, звучный голос успокаивающе воздействует на кота. Нимрод хотел, чтобы Бутби совсем расслабился и позволил ему дотронуться до своих шикарных усов.

У котов имеется двадцать четыре подвижных усика, по двенадцать с обеих сторон, а Нимроду для ритуала изгнания вселившегося в премьер, министра джинн требовалось ровно семь. Ритуал этот известен как *Катто*, хотя само это название с котами совершенно не связано. Нимроду, с его мягким характером, было жаль Бутби, и он очень печалился, что для добывания кошачьих усов категорически запрещено использовать джинн-силу. Он прекрасно понимал, что по доброй воле Бутби вряд ли согласится на подобное посягательство. И, даже продолжая беседовать с доктором, Нимрод неотступно думал, как же загладить свою вину перед Бутби после того, как кот лишится целых семи усиков.

— Простите, что отвлекаю вас, сэр, — сказал доктор Варнакуласурия, беспокойно поглядывая на потолок, — но хочу напомнить, что ситуация некоторым образом требует быстрых действий. На завтрак к премьер-министру приглашен канцлер Германии. Быть может, пора осмотреть больного и решить, что необходимо предпринять в первую очередь?

Доктор Варнакуласурия нервно улыбнулся. Он совершенно не понимал, почему Нимрод возится с этим котом, в то время как в спальне наверху премьер-министр ведет себя точно вредная невоспитанная школьница. С другой стороны, он знал, что джинн нередко бывают очень вспыльчивы. Покойный отец рассказывал ему, что джинн надо долго успокаивать и улещивать, прежде чем они сделают для человека что-нибудь хорошее. Поэтому он подобострастно поклонился и добавил.

— Не соблаговолите ли осмотреть больного, когда закончите играть с котом, сэр?

Нимрод не отвечал и продолжал чесать Бутби за ухом. Кот довольно мурлыкал, и на мгновение доктор прикрыл глаза, словно Нимрод убаюкивал или даже гипнотизировал не кота, а его самого… Но в следующую секунду доктор так и подскочил, поскольку Бутби издал дикий вопль и в мгновение ока оказался под потолком — на самом верху оконной гардины. Нимрод же положил что-то в пепельницу, а потом, проворно поднявшись, подошел к окну и произнес свое слово-фокус, особое слово, с помощью которого джинн обычно сосредоточивают свою джинн-

силу:

— ФЫВАПРОЛДЖЭ!

Доктор оторопел, увидев, что в руке у джинн неизвестно откуда появилась тарелка с сырой рыбой. Он так и не понял, почему кот повел себя столь странным образом, но это было мелочью по сравнению с появлением тарелки. Воистину сверхъестественные способности! Доктор Варнакуласурия первый раз в жизни наблюдал джинн-силу в действии, и это зрелище произвело на него глубочайшее впечатление. Тем временем Нимрод поднес тарелку с рыбой поближе к гардине, где притаился возмущенный Бутби, и принялся извиняться перед котом.

— Рыба! — воскликнул доктор. — Вы ее сколдовали! Из ничего! Из пустоты! Ведь так?

— На самом деле Бутби заслужил куда более щедрое вознаграждение за неоценимый вклад в предстоящий ритуал, — сказал Нимрод. — Верно котик? — Он поднял рыбу повыше, чтобы кот почуял запах, а потом поставил тарелку на пол и отошел.

— Гм, не скажу, что я вполне уяснил суть происходящего. О каком именно вкладе вы говорите, сэр? Что он будет делать?

— Он уже сделал. — Нимрод показал доктору пепельницу, где лежали семь усиков, которые он выдрал у бедного Бутби. — Поделился своими усами. — Доктор продолжал глядеть на него озадаченно, но Нимрод принял это за неодобрение и добавил: — Не волнуйтесь. Новые вырастут. — Он кивнул на дверь: — Что ж, теперь прямиком туда. Время действовать, не правда ли?

Нимрод медленно вошел в спальню. Премьер-министр Великобритании и Северной Ирландии мистер Кеннет Уидмерпул лежал на спине, голова его покоилась на подушке. Рядом, скрестив руки на груди, стояла высокая блондинка, в которой Нимрод фазу узнал Шейлу, жену премьера. Она выглядела напряженной и утомленной. И полноватой, подумал Нимрод. В углу комнаты, на стуле, сидела девочка лет примерно одиннадцати-двенадцати; Нимрод предположил, что это Лусинда, младшая дочь премьер-министра. На лице стоявшего позади нее пресс-секретаря при появлении доктора Варнакуласурии и Нимрода отразилось разом и облегчение и раздражение.

— Наконец-то, — сказал он, посмотрев на часы. А затем, недоверчиво смерив взглядом красный костюм Нимрода, добавил: — А вы кто? Санта-Клаус?

Но жена премьер-министра встретила вошедших куда теплее. Со слезами на глазах она схватила и благодарно сжала руку

Нимрода.

— Благослови вас Господь, — пролепетала она. — Благослови вас Господь.

— Успокойтесь, дорогая леди. Премьер-министр попал в небольшую неприятность, но мы это скоро исправим, уверяю вас. — Он отвел ее подальше от кровати.

— О-о! И кто же это к нам пожаловал? — заговорил премьер-министр, вернее, вселившаяся в его тело джинниорка. У Нимрода не было никаких сомнений, что это джинн, поскольку изо рта премьер-министра отчетливо пахло серой.

— Я мог бы задать тот же самый вопрос тебе, — сказал Нимрод. Он присел на край кровати и продолжал: — Но мне интереснее другое: зачем ты все это затеяла? Ну не наглость ли? Обращаться с премьер-министром столь бесцеремонно! Я вижу, ты — крайне наглая девица.

— Ха! В том-то и дело, что ты меня не видишь! И не увидишь! Если, конечно, я сама не захочу тебе показаться.

— Да глаза б мои на тебя не глядели! Уходи отсюда. Пока прошу по-хорошему.

— А если я не хочу? — сказала девочка внутри премьер-министра и захихикала.

— Тогда я заставлю тебя убраться восвояси.

— Да ну? И как же у тебя это получится?

— Это уж мое дело.

Продолжая хихикать, девочка заставила премьер-министра сесть прямо.

— Не хочу никуда убираться! — продолжала она. — Туг так весело! Сам посмотри!

Не успела она договорить, как голова премьер-министра начала медленно, с ужасным скрипом и писком поворачиваться на плечах. Звук был премерзкий, точно кто-то царапал вилкой по тарелке.

Жена премьер-министра сдавленно ойкнула, заглушила свой крик ладонью и уткнулась лицом в плечо пресс-секретаря. Когда голова премьер-министра повернулась на триста шестьдесят градусов, джинниорка, сидевшая у него внутри, снова захихикала и сказала:

— Это я могу сделать с его головой. Теперь вообрази, что я могу сделать с его партией и с его политикой.

Отмахнувшись от нее, как от назойливой мухи, Нимрод спокойно произнес свое слово-фокус:

— ФЫВАПРОЛДЖЭ!

Вредная джинниорка мгновенно почувствовала неладное.

— Что случилось? Что ты сделал? Я не могу двигаться.

— Ничего особенного, — ответил Нимроя — Я просто ограничил твои возможности, вот и все.

— Зачем? Что ты будешь делать дальше?

— Вот и меня волнует то же самое, — пробормотал доктор Варнакуласурия.

— Вызовите полицию! — вопил премьер-министр девичьим голосом. — Немедленно арестуйте этого человека!

— Это был твой последний приказ, — произнес Нимрод и вынул из пепельницы один кошачий усик. — Закатай меня в бутылку, если это не так.

Премьер-министр опасливо всмотрелся.

— Что там у тебя?

Нимрод вынул зажигалку из кармана красного пиджака.

— Думаю, ты слышала, что ничто не пахнет хуже паленой кошачьей шерсти. Во всяком случае, джинн ненавидят этот запах больше всего на свете. — Нимрод усмехнулся. — В древности для *Kammo*, ритуала изгнания джинн, использовали целого кота. В наши дни подобная жестокость, по счастью, ушла в небытие, и мы обходимся всего семью кошачьими усиками.

Тут стоявший рядом доктор Варнакуласурия чуть не ахнул от изумления, потому что Нимрод щелкнул пальцами, и в них тут же появилась прищепка, какой пловцы зажимают нос во время соревнований. И Нимрод зажал себе нос, чтобы ненароком не вдохнуть вонь паленой кошачьей шерсти.

— Подозреваю, — сказал он, — что ты своим, поступком намеревалась устроить не меньшую вонь, только политическую.

— Вовсе нет, — сказала девица изнутри премьер-министра. — По крайней мере, в начале все было не так. Я хотела арестовать Иблиса, для этого все и сделала. Арестовать, казнить, пытать, в любом порядке. Думаю, ты слышал об Иблисе? Он разрушил мою семью.

Слушая девицу, Нимрод понимающе кивал. Он и в самом деле прекрасно знал Иблиса. Предводитель ифритцев, одного из трех кланов злых джинн, Иблис считался злейшим из злейших джинн в мире.

— С чего ты взяла, что премьер-министр может тебе помочь? — спросил Нимрод.

— Никакой другой джинн, включая моего собственного отца, похоже, не отваживается вступить в схватку с Иблисом, — сказал голос. — Поэтому я решила искать помощи у мундусян. У премьер-министра. Но теперь-то я вижу, что он — совсем не тот человек, каким представляется издали. Моя мама будет очень разочарована, когда я ей все расскажу. Она-то вечно им восхищается. А восхищаться тут нечем. У него вообще нет

никакой власти.

— У тебя осталась последняя возможность, — сказал Нимрод. — Уходи.

— Запали мою лампу! — Девица глумливо хихикнула. — Что это за глава страны, если он никого не может посадить под стражу? Вот пусть и расплачивается теперь за свое слюнтяйство! Вонючий политический скандальчик ему обеспечен. — Она расхохоталась. — Я об этом позабочусь. Вот увидите!

— Ты сама сейчас получишь столько вони, что нанюхаешься на всю оставшуюся жизнь, — рассердился Нимрод.

— Пугать меня вздумал?

— Сама увидишь.

Нимрод поджег первый усик. Поскольку джинн внутри премьер-министра был полностью обездвижен заклятием и мистер Уидмерпул не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, резкий запах и частицы паленой шерсти беспрепятственно проникли через ноздри в носовые пазухи, оттуда — в легкие и, наконец, в кровь премьер-министра.

— А-а-ай! Прекрати! Ужасный запах! Убери это!

— Ты сама просила повонять. — Нимрод положил испепелившийся усик обратно в пепельницу, поджег следующий и снова поднес к ноздрям премьер-министра. Потом еще один… и еще… Кровь мистера Уидмерпула быстро несла микроскопические частицы паленой шерсти к шейным лимфоузлам, а затем и в мозг. Вонь паленой шерсти была уже нестерпима, так что Лусинда Уидмерпул инстинктивно закрыла руками и нос и рот. Но то, что произошло в следующий миг, заставило ее забыть о запахе.

Кровать оторвалась от пола и начала подниматься вверх!

Дочка премьера ошалело уставилась на кровать. Тридцать сантиметров. Еще тридцать. Целый метр! На кровати лежал ее отец и сидел мужчина в красном костюме, но их вес ничуть не мешал кровати парить в воздухе. Мужчина продолжал совать в нос отцу горящий кошачий ус, а кровать поднялась еще чуть выше и зависла — как на представлении фокусника в цирке или кабаре.

— Господибожемой! — выдохнула миссис Уидмерпул, а пресс-секретарь несколько раз громко выругался.

— Ни о чем не волнуйтесь, милая леди, — сказал Нимрод, поджигая шестой волосок. — Сейчас наступила так называемая стадия ковра-самолета. Это момент в процессе изгнания джинн, когда его… или ее желание улететь становится почти нестерпимым. Почти. Впереди — еще один усик.

— Господибожемой! — повторила жена премьер-министра, которую не так тревожило парение кровати, как то, что

обнаружилось под кроватью на полу: недоеденные куски пиццы, старые газеты, состриженные ногти, несколько документов с пометкой «совершенно секретно», несколько непарных носков, штраф за нарушение правил стоянки, пара грязных трусов, фотография Ее Величества с автографом, несколько жеваных жевательных резинок, несколько иностранных монет (главным образом французских франков) и сломанная теннисная ракетка.

— Отойдите, мадам, — крикнул Нимрод, поскольку миссис Уидмерпул наклонилась, чтобы поднять фотографию королевы.

Мгновение спустя кровать внезапно вернулась на пол, а окно спальни распахнулось, выпустив на свободу невидимую джинниорку.

— Мы победили, — сказал Нимрод — Сейчас все выветрится.

Взмахнув рукой и пробормотав свое слово-фокус, он вернул подвижность премьер-министру, который уже более или менее походил на самого себя и, что еще важнее, заговорил своим собственным голосом.

— Что тут происходит? — нервно спросил премьер.

Нимрод встал и отошел от кровати, а доктор Варнакуласурия наклонился, чтобы проверить пульс мистера Уидмерпула и прослушать сердце через стетоскоп.

— Да я себя прекрасно чувствую, честное слово! — Премьер-министр улыбнулся дочери, которая вложила ему в руки его плюшевого медвежонка.

— Господин премьер-министр, — сказал Нимрод, — вы помните, что с вами случилось?

Мистер Уидмерпул смутился.

— Я думал, это дурной сон. Я не управлял своими действиями, не владел собственной речью. Точно кто-то в моей голове решал, что мне надо говорить или делать. — Он взглянул на пресс-секретаря, как будто проверяя, можно ли сейчас говорить столь откровенно. — Не кто-то, а девочка. Маленькая девочка, не старше моей дочки.

— А у этой девочки было имя? — спросил Нимрод.

— Не знаю. — Мистер Уидмерпул на мгновение задумался, потом пожал плечами. — Тина? — Он посмотрел на Нимрода. — Вам это имя что-нибудь говорит?

Нимрод покачал головой.

— Что ж, сэр, мне пора, — произнес он.

Все принялись наперебой благодарить Нимрода за чудесное спасение премьер-министра. Даже раздражительный пресс-секретарь разразился пылкой тирадой, состоявшей из множества «спасибо».

— Перестаньте, ерунда какая… — сказал Нимрод. — Меня

совершенно не за что благодарить. Запали мою лампу! Это был мой священный долг. Я же англичанин. Я — патриот. Нельзя же позволить, чтобы премьер-министр Великобритании ударил в грязь лицом перед канцлером Германии. Нет уж, пусть смеются над французским президентом, а не над нашим премьером.

Доктор Варнакуласурия проводил Нимрода в вестибюль и с превеликим уважением еще раз поцеловал ему руку.

— Мой отец, факир, рассказывал мне о джинн и об их могуществе, — сказал он. — Но, сэр, к моему огромному стыду, я мало верил его рассказам. Я же ученый, сами понимаете. Я не суеверен.

— И все-таки сюда меня привели именно вы.

— По правде говоря, я так до конца и не верил, что вы сможете помочь. Пока кровать не поднялась в воздух. Ну и, разумеется, меня потрясло, как вы из ничего сколдовали зажим для носа. Не говоря уж о рыбе для Бутби.

— Закатай меня в бутылку! Это же просто рыба, а не золотой слиток, — скромно сказал Нимрод.

— Но вы с таким же успехом могли сколдо вать и золото, верно? И вы смогли изгнать джинн из тела мистера Уидмерпула! Ведь и у этой девчонки огромная сила! Подумать только — сколько бед она могла натворить!

— Нам всем повезло, что у нее нет никакого опыта в такого рода делах. Однако если она — Тина или как там ее зовут — сумела завладеть речевым центром премьер-министра, это уже кое-что… Да, дров она могла наломать немало. — Нимрод посмотрел на часы. — Я, пожалуй, отправлюсь ее поискать. Она провела несколько часов в чужом теле и теперь может нуждаться в помощи — ей же надо найти свое собственное тело. А тела в нашем мире долго на месте не лежат, их подбирают и увозят. Даже в Лондоне. — Нимрод широко улыбнулся и хлопнул доктора по плечу.

— Скажите, — начал доктор Варнакуласурия, снимая очки, — это правда, что вы… Вы действительно можете выполнить три желания?

Нимрод понял, куда клонит собеседник:

— Ваш отец был очень мудрым человеком. Как-то он сказал мне, что человеку полезнее осуществлять свои желания самому, а не просить об этом других.

Доктор серьезно кивнул, но Нимрод видел, что отцовская мудрость его не очень-то впечатлила. Более того, Нимрод почувствовал в глазах доктора какое-то новое выражение, новую решимость…

Но пройдет больше десяти лет, прежде чем Нимрод узнает,

куда заведет эта решимость впечатлительного молодого доктора из Индии.

Глава 1
Жезл рейхсмаршала

Дело было в семь утра в кабинете директора Подготовительной школы Сонни Боно в Палм-Спрингс, штат Калифорния. Уборщик мистер Астор, согласно раз и навсегда заведенному порядку, сначала вымыл и натер пол, а затем извлек полиэтиленовый пакет с мусором из урны, стоявшей под столом мисс Саркисян. Дыббакс Сахерторт, находившийся в верхней части пакета, в пустой бутылке из-под минералки, почувствовал движение и, усевшись в самолетное кресло, которое он благоразумно установил на случай перемещений, быстренько застегнул ремень безопасности. После этого двенадцатилетний джинн надел шлем и защиту на шею, чтобы обезопасить себя от травм, которые в противном случае были бы неизбежны.

Джинн нечасто получают увечья, находясь в лампе или бутылке, но все-таки без травм не обходится. Родная бабушка Дыббакса заработала сотрясение мозга, когда стеклянная бутылка из-под виски, в которой она путешествовала, неожиданно разбилась. Короче говоря, предусмотрительность Дыббакса оказалась не напрасной: уже в следующую секунду уборщик открыл окно и сбросил пакет с мусором вниз, в контейнер, стоявший на школьном дворе.

Технические ухищрения позволили Дыббаксу даже насладиться полетом и мягкой посадкой. Приземлившись, он некоторое время оставался на месте, пока не убедился, что путешествие закончено и Астор ушел. Затем он начал вывинчиваться из бутылки, регулируя поток дыма, который вынес его атомы и молекулы сначала из горлышка, потом из неплотно закрытого мусорного пакета, из контейнера и наконец — на землю. Тут Дыббакс принял свое привычное человеческое обличье. Ужасно довольный тем, что его замысел удался на славу, он направился прямиком к своему другу Брэду и постучал в окно его спальни.

— Открывай. Это — я, Бакс.

Дыббакс ненавидел собственное имя и когда-то переименовал себя в Бака — в честь храброго пса из знаменитой книги Джека Лондона «Зов предков». Этот пес был его любимым литературным героем. Но и Баком мальчик звался недолго: друзья-остроумцы быстро обозвали его Баксом.

Спустя несколько секунд окно открылось, и Дыббакс залез внутрь. В комнате его ждал паренек-мундусянин, примерно его

ровесник: высокий, хотя все-таки ниже Дыббакса, и тощий как прут — в отличие от широкоплечего джинниора.

— Неужели получилось? — недоверчиво спросил Брэд.

— А то?! — хвастливо сказал Дыббакс и показал приятелю какие-то бумажки.

— Ты не шутишь? Это тест? Те самые вопросы?

— Не только вопросы! — гордо сказал Дыббакс. — Тут и ответы есть.

— Ну ты даешь… — обалдело выдохнул Брэд, все еще не веря дружку. — Но как тебе удалось? Там же видеокамера установлена и сигнальная сирена! А все документы мисс Саркисян запирает в сейф. Кто ты такой, Бакс? Вор-домушник?

Дыббакс никогда не признавался Брэду, что он джинн, а то еще попросит выполнить три желания. Даже Дыббакс знал, что человеку не всегда полезно, когда его заветные желания исполняются без его участия и усилий. Желания подчиняются законам Хаоса, что означает, что иногда они приводят к самым неожиданным последствиям. Поэтому, чуть замявшись, Дыббакс кивнул.

— Вор-домушник?.. Да, вроде того…

— Честно, что ли? — Восхищению Брэда не было границ. — Как в кино?

— Не бери в голову, — отмахнулся Дыббакс и принялся раскладывать бумаги на столе. — У нас всего пара часов. Надо поднапрячься, если мы вообще хотим сдать этот тест.

На следующий день после теста, который оба мальчика сдали лучше всех в классе, отец Брэда Бленнерхассита, Гарри, пригласил их на праздничный обед в ресторан, расположенный неподалеку от его букинистического магазина, в самом центре города. Мать Брэда давно умерла, и с отцом у него сложились очень близкие отношения. Настолько близкие, что Брэд счел возможным совершенно искренне рассказать отцу, как именно он добился таких замечательных результатов. Дыббакс ожидал выслушать строгую нотацию о недопустимости обмана, которую он, конечно, заслужил, но вместо этого мистер Бленнерхассит улыбнулся и горячо поблагодарил Дыббакса. Дыббакс чуть не подавился гамбургером.

— За что? — изумленно спросил он.

— За помощь сыну. Я полагаю, что ты продемонстрировал потрясающую находчивость и изобретательность, — сказал Гарри Бленнерхассит. — Немногие ребята в твоем возрасте смогли бы не попасть в объектив видеокамеры, перехитрить сигнальную систему и подобрать комбинацию для сейфа. Ты устроил

небольшое, но самое настоящее ограбление, мой юный друг. Неплохой дебют!

Дыббакс пожал плечами. Ну уж нет, он не станет сознаваться в преступлении! Вдруг это просто ловушка и его хотят разоблачить?

Мистер Бленнерхассит потягивал кофе и молчал. Дыббаксу он казался похожим на клоуна без грима: подвижный лоб и брови, широкая нервная улыбка и круглый нос-вишня.

— А ты мог бы это повторить, как думаешь? Ну… сможешь еще кого-нибудь ограбить? — спросил он.

Дыббакс неуверенно покосился на Брэда и помрачнел.

— Твой отец шутит или как? Если шутит, тебе несдобровать, потому что я никогда тебя не прощу. Ты меня выдал! И вообще, я отказываюсь ему отвечать, поскольку любое мое слово может быть использовано против меня. Если мать узнает — мне труба. Мы с ней и без того не сильно ладим.

— Бакс, не дрейфь, все в порядке, — настаивал Брэд. — Честно. Только дослушай папу, ладно? У него к тебе деловое предложение.

— Хорошо, — сказал Дыббакс. — Слушаю.

— Недавно я был в Мюнхене, в Германии, — начал мистер Бленнерхассит. — Ездил по делам как эксперт и перекупщик редких книг и гравюр. И в одном старом магазинчике я нашел папку с эскизами Пауля Футтернайда, который придумывал изделия из драгоценных камней и металлов для самого Карла Фаберже. Я купил эскизы и обнаружил, что на одном из них изображен жезл немецкого рейхсмаршала, около полуметра длиной, сделанный из слоновой кости, украшенный алмазами и золотыми орлами. Что самое интересное, внутри жезла была предусмотрена емкость для хранения ценностей, а открыть его можно было, нажав на определенную комбинацию алмазов и орлов А потом мое любопытство разгорелось еще больше, поскольку выяснилось, что жезл принадлежал Герману Герингу.

— Кто еще такой? — Дыббакс равнодушно пожал плечами. Этот Гарри Бленнерхассит, видно, считает, что он обязан знать всех на свете.

— Он был вторым человеком после Гитлера и возглавлял вооруженные силы нацистов, — пояснил Брэд.

— Так что с ним случилось? — спросил Дыббакс. — Я имею в виду, с настоящим жезлом.

— Сейчас расскажу, — отозвался мистер Бленнерхассит. — В тысяча девятьсот сорок пятом году, сразу после победы союзнических армий в Европе, американцы собирали в Германии военные трофеи. Как раз тогда генерал Пэтч, командующий

Седьмой армией США, захватил Геринга и передал жезл президенту Гарри Трумэну в качестве подарка с театра военных действий.

— С тех пор, — вставил Брэд, — жезл выставлен в штате Джорджия, в военном музее в форт-Беннинге. Понимаешь, Бакс, он хранился там все эти годы, его держали в руках много-много людей, но, похоже, никто из них не обнаружил секретного механизма и, что еще важнее, не извлек содержимое — то, что Геринг наверняка запрятал в жезл перед тем, как его взяли в плен. Например, алмазы. Папа говорит, Геринг очень любил алмазы.

Дыббакс был в полном восторге. Он любил рассказы о Второй мировой войне и обожал истории о потерянных сокровищах. Сейчас он услышал и о том и о другом разом.

— Ничего себе! — воскликнул он. — Интересно, сколько алмазов может поместиться в таком жезле?

— Давайте попробуем выяснить. — Мистер Бленнерхассит положил на стол какой-то длинный предмет в мягкой пузырчатой обертке. — Видишь, Бакс, я заказал копию жезла по имевшемуся у меня оригинальному чертежу. Эта копия сделана из полимерной смолы, а алмазы, разумеется, искусственные, но жезл в точности как настоящий, и с виду, и даже на ощупь. — Он отбросил обертку и принялся нажимать на алмазики и орлов. — Рабочий механизм, естественно, воспроизведен полностью.

Не успел он договорить, как один из усыпанных поддельными алмазами концов жезла щелкнул, открылся, и, перевернув жезл, Гарри Бленнерхассит вытряс на стол кучку крупных орехов.

— Тут помещается тридцать пять штук, — сказал он. — Если бы каждый из этих орехов был алмазом, Бакс… Ну, в общем, сам понимаешь, сколько это может стоить.

— Миллионы, — усмехнулся Бакс.

— Бакс, тебе причитается треть того, что мы найдем, — сказал Брэд. — Твоя задача — заменить настоящий жезл, который хранится в военном музее в форт-Беннинге, на тот, что лежит перед нами. Ты же классный вор, Бакс. Тебе это — раз плюнуть.

Дыббакс на мгновение задумался. Деньги его совсем не интересовали: будучи джинн, он мог получить деньги в любой момент, стоило только захотеть. Зато азарт и веселье в такой дыре, как Палм-Спрингс, курорт для пенсионеров, были поистине на вес золота. Судя по всему, операция предложенная отцом Брэда, будет довольно веселой. Дыббакс решил про себя, что это даже не преступление, поскольку потом он обязательно вернет настоящий жезл в музей. Что касается его содержимого, то уж это точно не кража. Дыббакс искренне не понимал, как можно

украсть алмазы, если музейные работники даже не знают об их существовании. Но справится ли он с этим делом, не посвятив Бленнерхасситов в то, что он на самом деле джинн? Ему ужасно не хотелось признаваться, поскольку это бы мгновенно испортило все дело: они бы тут же забыли о жезле Геринга и стали требовать от него, Бакса, исполнения трех желаний. В сущности, сохранить свое происхождение в тайне может оказаться куда сложнее, чем подменить жезл в музее.

Сложнее, но ничего невозможного нет. Дыббакс утвердительно кивнул.

— Так ты с нами? — обрадовался Брэд. — Ты согласен?

— Конечно согласен, — сказал Дыббакс и усмехнулся. Похоже, это будет забавно.

Прилетев в столицу штата Джорджия, Атланту, они взяли напрокат автомобиль и отправились в форт-Беннинг, расположенный километрах в двухстах к юго-западу. Сняв комнату, они прошли несколько кварталов до Музея инфантерии, где были выставлены разнообразные виды оружия, военной формы, бронетехники и всяких штуковин, в том числе — времен Второй мировой войны. Среди них был и жезл рейхемаршала Германа Геринга.

— Просто не верится! — воскликнул мистер Бленнерхассит. — Все эти годы жезл лежал здесь, и никто даже не предположил, что он полый. Представляете, ребята?

Но Дыббакс слушал его вполуха. Он уже начал разрабатывать план. Увидев среди экспонатов портативный бар, принадлежавший когда-то генералу Улиссу С. Гранту, он решил спрятаться в одной из бутылок янтарного стекла и там дождаться закрытия музея. Это будет совсем нетрудно. Проблема в другом… Сделать то же самое, но уже с жезлом в руке, не получится по одной простой причине: джинн-сила на алмазы не действует. Дыббакс понял, что жезл придется где-нибудь спрятать, а потом вынести из музея каким-то другим способом. Но как? Ответ стал ясен в музейном магазине. Он оказался так очевиден, что мальчик даже засмеялся, радуясь собственной изобретательности. Надо спрятать жезл в длинном трубообразном футляре для плакатов и репродукций, а наутро, как только музей откроется для посетителей, просто прийти и купить этот футляр.

— Думаешь, получится? — спросил Брэд, услышав довольный смех Дыббакса.

— Уверен. Все получится.

Дыббакс посмотрел на часы. До закрытия оставалось несколько минут, и, зная, что поддельный жезл лежит в рюкзаке у

мистера Бленнерхассита Дыббакс попросил Гарри отдать ему рюкзак.

— Не стоит терять времени, — сказал он. — Я сделаю это сегодня же. Но вы меня не ждите раньше завтрашнего утра. Я вернусь после открытия музея. Договорились?

Гарри Бленнерхассит сбросил с плеч рюкзак и отдал мальчику; но Дыббакс видел, что его что-то тревожит.

— Ну, в чем дело? — процедил Дыббакс, картинно закатив глаза. — Струсили, что ли?

— Может, и струсил… Ведь ты еще ребенок, — отозвался мистер Бленнерхассит. — Если тебя застукают, в тюрьму сяду я, а не ты.

— Расслабьтесь. Со мной все будет в порядке, — убежденно сказал Дыббакс. — Просто поверьте мне. Обо мне позаботится… ангел-хранитель.

Это было отчасти верно. Ведь для мундусян все одно: что джинн, что ангел… Дыббакс знал, что его мама — тоже, как и он, джинн — о нем всегда позаботится, хотя едва ли одобрит его времяпрепровождение. Миссис Сахерторт полагала, что сын вместе с Брэдом и мистером Бленнерхасситом отправились на экскурсию по памятным местам Гражданской войны 1861–1865 годов. Именно так объяснил ей свою поездку Дыббакс. В сущности, его не очень-то заботило, что именно она подумает. Интересовало его только одно: словить побольше кайфа.

— Гарри, я знаю, что делаю, — добавил он. — Поверьте, я еще не на то способен.

Дыббакс в точности выполнил обещанное: на следующее утро, ровно в десять тридцать, через полчаса после открытия военного музея, сияющий грабитель вернулся в гостиницу форт-Беннинга с футляром-трубой в руке.

— Слава богу! — воскликнул отец Брэда. — Целый и невредимый!

— Конечно невредимый, — ответил Бакс.

— Принес? — спросил Брэд. — Жезл у тебя?

— А ты думал, в футляре карта форта? — сказал Дыббакс. — Нет уж, приятель, я принес то, что вы ждете. — Он откинул крышку футляра, и жезл выскользнул на кровать Брэда.

— Принес! — повторил мистер Бленнерхассит, подхватил Брэда и стал танцевать с ним вокруг кровати. В конце концов он остановился, с облегчением вздохнул и запер дверь комнаты. — Я уже волновался, что с тобой что-то случилось, Бакс. Тебя так долго не было.

— Для таких дел требуется терпение, — сказал Дыббакс. —

Терпение и время. Именно поэтому грабителей часто сравнивают с кошками. Кошки, же терпеливые, не то что собаки. — Он плюхнулся на кровать возле жезла и откинул упавшую на глаза прядь. Длинноволосый, в джинсах, футболке тяжелых мотоциклетных ботинках, он куда больше напоминал юную рок-звезду, чем вора-домушника.

— Ты, наверно, с голоду подыхаешь! — воскликнул Брэд, окончательно проникшись трепетом перед своим удивительным одноклассником.

Дыббакс хотел было честно признаться, что вообще не хочет есть, поскольку, сидя в бутылке он уже устроил себе небольшой завтрак. Но сдержался.

— Я перевозбужден, поэтому есть уже расхотел, — сказал он. — Слушай, это такой кайф!

Мистер Бленнерхассит почтительно поднял жезл.

— Не могу поверить, что держу его в руках, — произнес он. — Живая история.

— Еще бы, — отозвался Дыббакс, чей интерес к истории ограничивался старыми фильмами про войну. Он терпеливо улыбался, надеясь, что мистер Бленнерхассит вот-вот перейдет к самому интересному.

— Я почти боюсь его открывать, — сказал мистер Бленнерхассит, заметно нервничая. На лбу у него выступил пот. Он закусил губу и поморщился. — Вдруг там ничего нет? Пусто?

— Есть только один способ это проверить, — сказал Дыббакс. — Ну же, мистер Бленнерхассит, открывайте. Всю душу уже вынули…

Гарри Бленнерхассит начал нажимать на утопленные в поверхности жезла алмазики и золотых орлов в той последовательности, которая была описана на оригинальном чертеже Футтернайда. Как только он закончил, раздался тихий щелчок, и с одного конца жезла, точно крышка, откинулась нашлепка с изображением алмазного орла, несущего в когтях нацистскую свастику.

— Здорово, — оценил Дыббакс и спрыгнул с кровати, ожидая, что на нее сейчас посыплются алмазы, поскольку мистер Бленнерхассит уже начал переворачивать жезл над стеганым покрывалом.

Но… из полуметрового жезла ничего не выпало. Вообще ничего. Ни алмазов, ни жалкой золотой монетки. Лица у всех троих вытянулись. Мистер Бленнерхассит приложил жезл к глазу, как подзорную трубу, и стал с тревогой вглядываться внутрь.

— Погодите, — сказал он. — Там все-таки что-то есть. Вроде свернутых в рулон бумаг. — Он вытащил находку из отверстия и

аккуратно развернул. — Вот это да!

— Только не говорите мне, что Геринг использовал жезл как футляр для плакатов, — сказал Дыббакс.

— На самом деле, Бакс, я думаю, что ты прав. — Гарри Бленнерхассит рассмеялся. — Только это не плакаты. Это эскизы… Ну, как вам объяснить? Рисованные сюжеты… Как комиксы или мультики.

Брэд нахмурился.

— Они не похожи ни на комиксы, ни на мультики.

И правда, какие же это мультики? Перед ними лежали рисунки на плотной, очень старой бумаге а изображены на них были какие-то люди… похоже на сцены из Священного Писания.

— Ты понял меня слишком буквально. — Отец, Брэда широко улыбнулся. — Сегодня комиксы и мультики — это, разумеется, барахло, которыми вас пичкают журналы и телевидение.

— А что же еще? — удивился Дыббакс.

— Но оба эти жанра берут свое начало от графических набросков или так называемых эскизов, которые художники делали, прежде чем начать писать красками. Герман Геринг был весьма просвещенным коллекционером. Я тут не специалист, но, похоже, это эскизы старых мастеров. Вот этот, возможно, рисовал Леонардо да Винчи. А этот — Микеланджело. И этот тоже. Этот, возможно, Рафаэль. Этот, пожалуй, еще один да Винчи. Полагаю, старина Геринг их припрятал, чтобы хватило на хлеб с маслом после войны. Они стоят по крайней мере по десять или пятнадцать миллионов долларов каждый. А их шесть. Нет, погодите… Все же пять. Шестой сильно отличается от остальных. Я не уверен в его ценности. Похоже, рисовали совсем недавно. Но сейчас это не важно. Остальные пять, вероятно, потянут не меньше чем на семьдесят пять миллионов долларов.

— Здорово! — сказал Дыббакс, и они с Брэдом победно хлопнули друг друга по рукам. — Я всегда любил мультики.

— И я тоже, — согласился его друг. — Пап, а что мы теперь будем делать?

— Поедем домой, в Палм-Спрингс. Я сразу свяжусь с каким-нибудь крупным музеем, из тех, что выкладывают за такие вещи кучу денег, и проверю, интересует ли музейщиков наша находка. А если они не захотят покупать, попробуем выставить эскизы на один из больших аукционов. — Он решительно кивнул. — Помяните мое слово, ребята. От покупателей отбоя не будет. В мире полно людей, которые готовы ближнего порешить, лишь бы заполучить эти эскизы.

Глава 2
День рождения

Джон и Филиппа Гонт готовились праздновать свой первый день рождения. Да-да, именно первый, поскольку истинным днем рождения джинн по традиции считается тот, который наступает вслед за удалением зубов мудрости и обретением джинн-силы, а все предыдущие дни рождения не в счет.

— Ты хочешь сказать, что мне только один год? — спросил Джон у матери.

— Именно так, милый, — ответила миссис Гонт.

Джон обалдел.

— Ты шутишь?

— Значит, на нашем пироге будет только одна свечка? — спросила Филиппа.

— Именно. Кстати, обычай втыкать свечки в пирог люди переняли как раз от джинн.

Но гнев Джона только нарастал, и он не собирался отклоняться от темы.

— Это же несправедливо! — возмутился он. — И как-то стыдно. Ведь все гости, все, кто придут на день рождения, будут над нами смеяться.

— Не вижу причин для смеха, милый, — сказала миссис Гонт. — Тем более что на день рождения придут только джинн. Боюсь, это еще одна традиция, которую мы обязаны соблюдать.

Близнецы, разумеется, хотели, чтобы к ним пришли их друзья-мундусяне, но было очевидно, что миссис Гонт уже решила иначе. И близнецы почувствовали, что спорить с ней совершенно бесполезно. После их возвращения из Вавилона миссис Гонт как-то отдалилась от детей и совершенно не терпела непослушания, а близнецы пребывали в счастливом неведении относительно судьбы матери, которой предстояло вскоре их покинуть, чтобы стать следующей Синей джинн Вавилона.

— Джинн, впрочем, соберется не так уж много, — добавила она. — В этом году ваш день рождения совпадает с джинн-праздником Самум, так что большинство нью-йоркских джинн уедут за город. — Она пожала плечами. — Тут уж ничего не поделаешь. Нельзя же переносить первый день рождения! Нет, его надо отметить именно в тот день, когда вы появились на свет.

— Самум? — повторила Филиппа. — Что это за праздник?

— Это праздник Дыма без огня, — объяснила миссис Гонт. — Как вы понимаете, именно дым без огня виден, когда мы

ввинчиваемся или, наоборот вывинчиваемся из бутылки или лампы. Самум праздник в честь того, что мы — джинн.

— Но мы не знаем других джинн нашего возраста, — сказал Джон. — Кроме Дыббакса.

— И ужасной Лилит де Гуль, — поморщилась Филиппа. — Ее я ни за что не позову.

— Я уже пригласила других Детей лампы, — сказала миссис Гонт. — В основном они, конечно, собираются с родителями за город. Но несколько джинниоров обещали прибыть.

— Несколько? — сказал Джон. — Сколько именно?

— Четверо, — ответила миссис Гонт.

— Хм… больше похоже на партию в карты или астрагалы, чем на день рождения, — заметил Джон.

— Знаешь, никакого праздника и не будет, если мы не успеем сходить в магазин, — оборвала его рассуждения миссис Гонт.

Они прошли несколько кварталов по Третьей авеню к маленькому супермаркету, где миссис Гонт обычно покупала продукты. По дороге взяли газету. Кричащий заголовок на первой странице сообщал об ограблении очередного манхэттенского стоматолога, уже десятого за последний месяц. Входя в магазин, Джон и Филиппа старательно не обращали внимания на сидевшего перед дверью бродягу, который протягивал ко всем прохожим грязную руку с пустым картонным стаканчиком и просил «не пожалеть мелочишку на пропитание». Каково же было удивление близнецов, не говоря уж об изумлении самого нищего, когда миссис Гонт открыла кошелек, вынула оттуда пятьдесят долларов и, свернув, сунула в стаканчик. Ошалевший от радости бродяга вскочил, сдернул с головы замусоленную бейсболку и рассыпался в благодарностях. Войдя в магазин, дети недоверчиво уставились на мать.

— Пятьдесят долларов! — Джон покачал головой. — Ты дала этому типу пятьдесят долларов. Наверно, по ошибке? Думала дать пять?

— Нет, дорогой. Я дала ему ровно столько, сколько хотела.

— Но пятьдесят долларов… — повторил Джон — Что он будет с ними делать? Ну… в смысле… это же куча денег!

— Пусть тратит как хочет, — ответила миссис Гонт.

— Ну, ты придумала… Ты что, всегда даешь нищим и бездомным по пятьдесят долларов?

— Может, и так… — задумчиво сказала она. — Я тоже когда-то была бездомной. И помню, что значит жить на улице.

Лейла Гонт была бездомной? Никто, тем более ее собственные дети не могли поверить, что эта дама в меховом манто, с сумочкой из страусиной кожи, в ботиночках от самого

модного дизайнера когда-то жила иначе. От миссис Гонт веяло богатством и шиком, как вишней — от бисквита, пропитанного шерри. Но тут Филиппа вспомнила, что рассказывал о прошлом их матери дядя Нимрод.

— Нимрод говорил, что ты была бездомной когда познакомилась с папой. Это правда?

— Правда.

Когда они вернулись домой, миссис Гонт пустилась в воспоминания.

— Вы когда-нибудь задумывались, почему все джинн так богаты? — спросила она у детей.

Филиппа пожала плечами.

— Сложно представить, как джинн может быть беден, — сказала она. — Если у тебя достаточно джинн-силы, чтобы выполнять три желания и делать разные другие вещи, вряд ли ты станешь жить на пособие по безработице.

— Если, конечно, ты не преступил закон, — сказал Джон. — Такие джинн вынуждены жить в доме Кафура в Каире, где использование джинн-силы строго запрещается.

— Некоторые джинн… — начала миссис Гонт, — вообще отвергают любое богатство. Они живут как отшельники, стремясь подражать ангелам и святым, которые обходятся вовсе без имущества. Некоторое время я тоже вела подобный образ жизни — по доброй воле. И ты права, Филиппа: как раз тогда я и познакомилась с вашим отцом. Он принял меня за бездомную девушку, каких в Нью-Йорке великое множество, но все-таки решил мне помочь. Тут-то я в него и влюбилась… И вышла за него замуж. Ваш отец, может, ростом и не вышел, но у него большая душа.

— Так значит, среди бездомных здесь, в Нью-Йорке, на самом деле есть джинн? — уточнил Джон.

— Не только в Нью-Йорке. В Лондоне. В Калькутте. В Каире. Где угодно. Среди них встречаются не только джинн. Есть и ангелы. Как говорится в Библии, «братолюбие между вами да пребывает» и «страннолюбия не забывайте, ибо через него некоторые, не зная, оказали гостеприимство Ангелам». Такой философией руководствуются в жизни все отшельники. Они стремятся только к одному: приносить удачу тем мундусянам, которые действительно этого заслуживают. Тем людям, которые делают им добро, даже не подозревая, кому именно они помогают.

— Так ты поэтому дала тому человеку пятьдесят долларов? — сказала Филиппа. — На случай, если он тоже джинн?

— На случай, если он ангел, Филиппа. Смею надеяться, что,

оказавшись рядом с другим джинн, я смогу это распознать. Но ангелов распознать труднее, хотя могуществом они обладают куда большим, чем мы, джинн, фактически им подвластно все, они могут сделать все, что захотят.

— С их стороны очень благородно податься в отшельники, — заметил Джон.

— Ты прав — ответила его мать. — Но жизнь отшельника небезопасна. Вот почему я хочу взять с вас обещание, что вы никогда не станете отшельниками. Во всяком случае, пока не вырастете. Я не всегда буду рядом, чтобы вас защитить.

Близнецам было странно это слышать. Жизнь без матери? Невероятно! Но они тем не менее пообещали ей не уходить в отшельники. Дети отнесли купленные продукты вниз на кухню, а потом мама объявила, что хочет показать им кое-что важное.

— Помните, я сказала, что у вашего отца большая душа? Так вот… о душах… Сегодня, в ваш первый день рождения, самое время каждому из вас заглянуть в свой синопадос.

— Что такое синопадос? — спросила Филиппа.

— Зеркало души. Значит, Нимрод вам ничего не рассказывал?

— Нет.

— Пойдемте, — сказала миссис Гонт. — Вам будет понятнее, если вы все увидите своими глазами.

Она повела их на чердак, куда раньше им ходить строго-настрого запрещалось.

— Ты всегда говорила, что тут водятся летучие мыши, — сказала Филиппа, когда мать приладила откидную лестницу, чтобы они смогли залезть на чердак. — Я их терпеть не могу.

— Поэтому я и пугала вас летучими мышами, — сказала миссис Гонт. — Чтобы вы сюда не совались.

Они вскарабкались по лестнице, миссис Гонг открыла в потолке дверцу люка и на ощупь нашла выключатель. Замерцал тусклый свет, и миссис Гонт, пригнув голову, осторожно вылезла на чердак. Близнецы последовали за ней с некоторой опаской, но предвкушая, что вот-вот увидят что-то удивительное, чего доселе им видеть не приходилось.

Они огляделись. На деревянном полу — куча коробок неизвестно с чем. Никакой пыли. Никакой паутины. И конечно, никаких летучих мышей. Только сильный запах нафталина, что Джон тут же и отметил вслух.

— Летучие мыши боятся нафталина, — подтвердила миссис Гонт.

Крыша была в превосходном состоянии — никаких протечек. В ней имелось окошко, но день выдался пасмурный, и на чердаке

было мрачновато. Несмотря на скудное освещение, Джон заметил на стене трещину. Знакомую трещину.

— Это та самая трещина, которая тогда появилась над спинкой моей кровати, — сказал он. — Ну, помните? Перед тем, как нам удалили зубы мудрости. Эта в точности такая же. Или она доходит сюда вверх по стене дома?

— А ты сам посмотри, куда она ведет, — предложила мама.

Трещина тянулась через весь чердак за котел с холодной водой. Рядом стояла пара старых мольбертов в белых чехлах.

— То, что вы ищете, как раз под чехлами, — подсказала мама.

Джон принялся неуверенно снимать один чехол, а Филиппа другой.

— Ну что же вы? — Миссис Гонт почувствовала их нерешительность. — Чего ждете?

— Я боюсь, — признался Джон.

— Я тоже, — добавила Филиппа.

Миссис Гонт окинула взглядом чердак.

— Н-да, — согласилась она. — Здесь и впрямь довольно мрачно.

Она произнесла свое слово-фокус, с помощи которого обыкновенно сосредоточивала джинн силу:

— ТУЧЕКУКУШАНДИЯ!

На чердаке тут же стало светло, как в солнечный летний день, а чехлы сами упали с мольбертов, и дети увидели два зеркала.

Это были особые зеркала, на металлической основе, с выпуклым стеклом, богато украшенные с обратной стороны. Самое странное, что свет, лившийся из окна на зеркала, не позволял увидеть то, что находилось перед ними, а давал почти люминесцентное изображение сложного узора, которым была украшена «изнанка» зеркала. Джон встал прямо перед зеркалом, постоял немного и пожал плечами.

— Не понимаю, — сказал он. — Либо я вампир и, значит, в зеркалах не отражаюсь, либо это какая-то уловка.

— Балда, — засмеялась мама. — Спереди ничего не увидишь. Обойди с другой стороны. Там — рабочая поверхность синопадоса.

С некоторым трепетом близнецы приблизились к зеркалам сзади. Металлическая поверхность с богатым восточным орнаментом сияла, отражая вовсе не бурые, сложенные из песчаника стены чердака в старом нью-йоркском доме. Зеркала отражали души близнецов, и дети смотрели на эти изображения как зачарованные. Миссис Гонт тем временем вела с ними какой-

то сложный и не вполне понятный разговор:

— Сознание и материя, душа и плоть… Имея и то и другое, джинн призваны раскрыть великую тайну: им суждено постигнуть, где заканчивается материальный и начинается духовный мир, и развенчать тот бред, который несут эти хлыщи психотерапевты, любители будуарных исповедей. Дети, вы хоть понимаете, что вам дано видеть само зарождение жизни?! Только представьте, сколько мундусян мечтают заглянуть в себя, разобраться, кто они такие и на что способны. С одной стороны зеркала виден весь мир, но без вас, поскольку бренная плоть не вечна, а преходяща. А на другой стороне — душа, сокрытая в тени душа. Однако увидеть ее можете только вы. Никто, кроме вас, не вправе смотреть на ваши души, ибо только вы можете повлиять на то, какими они будут. Потому-то они и хранятся здесь, скрытые от всех Синопадос — вещь очень личная, она касается только того джинн, которому принадлежит.

Лейла на мгновение умолкла, оставив детей наедине с собственными мыслями.

— Потрясающе! — прошептала Филиппа. Она разом и узнавала и не узнавала себя в этом ярком, поминутно — нет, посекундно! — меняющемся и оттого таком таинственном и неописуемом изображении. И все же… ей было приятно его рассматривать. Кажется, она уже видела на компьютере нечто подобное, это называется… фрук… нет, фрактал. Да, точно, фрактал! Это значит, что каждая часть изображения является уменьшенной, но математически точной копией целого.

Ощущения и мысли Джона были почти такими же, как у сестры. Но почему-то в его памяти на миг всплыли пятьдесят долларов, которые мама отдала бездомному около магазина, и он понял, что мамина щедрость его все-таки немного беспокоит. Даже терзает. Неужели он, ее сын, заслуживает меньшего, чем какой-то нищий? Как только эта мысль пронеслась у него в голове, на синопадосе появилось черное пятнышко: маленькое, но вполне отчетливое. Оно сразу омрачило всю картину, и смотреть на нее стало неприятно. Получается, что его подлая мысль — все равно что клякса на в остальном безупречной душе? Ну и ну! Как же будет выглядеть его душа, если он совершит по-настоящему плохой поступок?

— Обалдеть! — выдохнул он.

— Что бы с вами ни случилось, — сказала миссис Гонт, — что бы вы ни сделали, все отразится здесь, на изображении ваших душ. Помните об этом каждую минуту своей жизни, потому что даже лучшие из нас носят внутри себя и рай и ад разом. Синопадосы будут ждать вас здесь всегда, чтобы вы могли себя

проверить.

На день рождения к близнецам пришли только трое вместо четырех гостей. Дыббакс так и не появился, хотя его мать, доктор Дженни Сахерторт, обещала, что он обязательно будет. Жуткая невоспитанность! Впрочем, Филиппа не особенно удивилась. С Дыббаксом ей случилось общаться дважды, и оба раза он произвел на нее впечатление мальчика грубого и плохо воспитанного.

Ее брат очень ждал Дыббакса, но даже не успел огорчиться, что тот не пришел. Джон позабыл буквально обо всем, едва на пороге появилась Агата Дэнион. Эта девочка была воплощенной мечтой! Будь ему дарованы три желания, он потратил бы все три на то, чтобы создать это чудо. Остальные двое гостей, Джонатан Манней и Ума Каруна Айер, были постарше Джона с Филиппой, у них было побольше джинн-опыта, да и холод они, похоже, переносили куда легче. Подали традиционный праздничный джинн-обед: креветки в самбуке, бифштекс с перцем, блинчики со сладким апельсиновым соусом и, разумеется, пирог со свечками. За столом все гости рассказывали близнецам о себе и о том, каким именно образом каждый из них намерен помогать человечеству.

— Я собираюсь стать консультантом для тех, кто загадывает желания, — сказала Агата. — Чтобы бедные мундусяне не тратили три желания впустую. Согласно Багдадским законам, сам джинн, который будет выполнять желания, не имеет права давать людям советы. Поэтому любой добрый джинн наверняка даст мою визитную карточку тому человеку, которому он даровал желания. Ведь ему самому будет приятно, если этот мундусянин пожелает в итоге что-нибудь достойное, да и совесть его будет чиста. Поскольку совершенно ужасно, когда ты обязан выполнять всякие вредные или злобные желания.

Джон был готов заранее подписаться под любым словом Агаты. Однако в данном случае она и вправду предлагала вполне дельную вещь. Сам Джон выполнил пока не так уж много людских желаний, но зато он отлично помнил собственный неподдельный ужас, когда ему пришлось превратить Финлея Макриби в сокола.

Филиппа с улыбкой наблюдала за братом. Она одобряла его увлечение Агатой, но хотела — для его же блага, — чтобы его чувства были чуть менее очевидны. Сама она считала, что никакой консультант по желаниям не будет нужен, если в школах людей обучат грамоте, как положено. Дело-то нехитрое: надо просто говорить именно то, что имеешь в виду. Но Филиппа решила оставить эти соображения при себе, чтобы не обижать

гостью.

Джонатан Манней сказал, что всецело разделяет принципы Агаты и именно поэтому решил стать психиатром.

— Я полагаю, что способен выслушивать людские проблемы, — сказал он. — А затем улаживать их с помощью джинн-силы. Анонимно. Ну, приходит кто-то ко мне на прием, допустим, с депрессией, а я потом, потихоньку, что-нибудь сделаю, чтобы его ободрить.

— Что, например? — недоверчиво спросила Филиппа.

— Не знаю… Но немного удачи и радости никому и никогда не помешает.

— О, с этим я совершенно согласна! — воскликнула Ума Айер и тут же понизила голос. — Именно поэтому я решила отказаться от своего клана, богатства и положения и податься в отшельницы. С завтрашнего дня я буду жить на улицах Нью-Йорка вместе с бездомными. Я намерена помогать по-настоящему достойным людям получить три желания. В точности как сказал Джонатан. Я буду делать добро анонимно. Моя мать об этом не знает. Поэтому прошу вас мой секрет не выдавать.

От всех этих благородных разговоров близнецам стало даже немного стыдно: их сверстники заботятся о человечестве, а они просто празднуют день рождения, то есть думают о себе. Дети даже решили не показывать гостям свои новые ноутбуки — отцовский подарок. Теперь это казалось совершенно неуместным. Ведь ни один из близнецов не хотел показаться эгоистичным и меркантильным в глазах своих юных, но таких серьезных джинн-собратьев. И они были очень рады, когда гости наконец разошлись по домам.

— Мне такой день рождения не очень-то по душе, — сказал Джон. — Ведь весь смысл этих сборищ в том, чтобы все с тобой носились. Это единственный день в году, когда можно быть немного эгоистом. Но сейчас… По-моему, сегодня был не мой день рождения, а что-то совсем другое.

— Да, мне тоже так кажется, — призналась Филиппа. Но через некоторое время добавила: — Все равно это неплохо. Поневоле задумаешься, что надо бы кому-нибудь помочь. Тому, кто действительно нуждается в помощи.

— Ну, пока так холодно, об этом нечего и думать, — сказал Джон. — Сама знаешь, пока мы не вырастем, джинн-сила будет работать только в жару.

— Да, конечно… Просто, поговорив с этими джинн, я подумала, что мне не хватает цели в жизни. Но мне нужна высокая цель.

Филиппа еще не знала, что и ей и Джону скоро предстоит эту

цель обрести.

Джон всегда спал чутко. Вот и сейчас он проснулся от ощущения, что в доме чужие. Вообще-то он и засыпая думал о злоумышленниках, поскольку накануне слышал, как мама рассказывала отцу про очередной налет на кабинет нью-йоркского дантиста. На этот раз пострадал не кто иной, как их семейный врач, Морис Ларр. Из его офиса на Шестой авеню ничего, в сущности, не пропало — воры явно не нашли то, что искали, — но весь пол остался устлан историями болезней пациентов.

Джон тихонько выскользнул из своей комнаты и, наклонившись, посмотрел через перила лестницы вниз. В библиотеке кто-то есть! Луч фонарика шарил там изнутри, слабо пробиваясь сквозь щели под дверью. Будь на дворе жаркое лето, у Джона хватило бы собственной джинн-силы, чтобы справиться с грабителем. Но в такие холода силы у него вовсе не было, и — хочешь не хочешь — пришлось будить родителей.

Его отец, Эдвард, был человеком невысоким, но недостаток роста он с лихвой компенсировал безудержной храбростью. Не успел Джон рассказать родителям о злоумышленнике, как мистер Гонт выхватил из-под кровати дубинку, боевое оружие индейцев, и вскочил, готовясь к сражению. Миссис Гонт посмотрела на дубинку с некоторым сомнением.

— И что ты собираешься с этим делать? — спросила она мужа.

— Защищать свою семью, что ж еще? — сказал мистер Гонт.

— Эд, позволь мне разобраться с этим самой, — сказала Лейла, надевая шелковый халат и тапочки. — Не исключено, что это не обычный воришка, а кто-то из ифритцев, может, даже сам Иблис. Он давно хочет отомстить нашим детям и Нимроду за то, что произошло прошлым летом в Каире при их непосредственном участии. — В голосе миссис Гонт не было ни капли страха. Гордо, словно королева-воительница, она направилась вниз по лестнице.

Мистер Гонт неохотно отложил дубинку.

— Где Фил? — спросил он с тревогой.

— Пока спит, — ответил Джон. — Пап, не волнуйся, мама с ними разберется. Если внизу и правда джинн, никакая могиканская дубинка не поможет.

Джон с отцом потихоньку выбрались из спальни вслед за миссис Гонт и успели увидеть, как она распахнула дверь библиотеки и включила свет.

Джон чуть не вскрикнул от испуга: в библиотеке оказался не один, а целых два бандита. Оба в оранжевых рубашках и брюках,

с длинными бородами. Свободная от растительности часть их лиц была вымазана желтой краской, как у дикарей. Один из воров держал в руках мамину сумочку из дорогущей страусиной кожи, а другой прихватил древнюю тибетскую шкатулку, стоявшую на каминной полке всю жизнь — сколько Джон себя помнил. И тут он услышал, как мама выкрикнула свое слово-фокус. Раздался громкий хлопок, потому что сила разгневанного джинн всегда вырывается на волю с шумом. В тот же миг Джона с отцом ослепила яркая вспышка, потом лестницу окутало облако дыма, а когда дым рассеялся, мужчин в оранжевой одежде в библиотеке уже не было. Только на полу, ровно в тех местах, где их застигла Лейла, теперь стояли две бутылки красного вина.

Миссис Гонт отряхнула руки, подняла бутылки и вручила их мужу.

— Держи, — сказала она. — В качестве компенсации за уязвленную мужскую гордость.

— Что ж, это лучше, чем превращать людей в собак. — Мистер Гонт хмыкнул и принялся рассматривать ярлыки на бутылках. — Так, что у нас здесь? Ага, Шато Лафит Ротшильд тысяча девятьсот шестьдесят шестого года. И семидесятого. Превосходный выбор. Но почему разные года, Лейла?

— Это года рождения наших грабителей, — невозмутимо ответила миссис Гонт.

— Мам, а что они искали? — спросил Джон, входя в библиотеку.

— Да, действительно, за чем они пришли? — Мистер Гонт уже вытащил пробку из одной из бутылок и налил себе бокал вина. — Впрочем, шкатулка и вправду ценная. Моему отцу ее подарил тринадцатый далай-лама.

Тем временем миссис Гонт сняла с золотой цепочки, застегнутой у нее на шее, маленький ключик и открыла им тибетскую шкатулку. Откинув крышку, она вынула маленький синий бархатный мешочек и вытряхнула его содержимое себе на ладонь. Джон ожидал увидеть алмазы или, допустим, несколько золотых монет. Но на маминой ладони лежали восемь зубов.

— Так это же наши зубы мудрости! — воскликнул он. — Кому они понадобились? И кто были эти парни? Джинн? Ифритцы?

— Нет, это мундусяне, — ответила миссис Гонт, но, заметив кривоватую усмешку мужа, быстро добавила: — Прости, я хотела сказать «люди».

— Ничего, — произнес мистер Гонт. — Не беспокойся, Лейла. Я прекрасно знаю, кто я такой, ничуть этого не стыжусь.

Он стал пробовать вино, перекатывая его снова и снова по нёбу, точно полоща рот. Наконец проглотил и удивленно покачал

головой.

— Отличное вино. Просто великолепное. — Он сделал еще глоток и довольно заурчал. — Вкус врывается, заполоняет тебя, омывает нёбо, берет в плен весь рот, овладевает всеми рецепторами… Так… впрочем… чуть отдает свинцом… немного взрывчаткой… а еще старыми спортивными тапочками и… больничкой… Или отмычкой?

— Это моя вина, — сказала миссис Гонт, высыпая зубы обратно в синий бархатный мешочек. — Надо было поместить их в сейф. Сразу. Как только вам их удалили. Даже представить страшно, что случится, попади они в недобрые руки.

— Например? — сказал Джон. — Что может случиться?

— Поговорим об этом утром, милый, — сказала миссис Гонт. Она сняла с полки книгу «Надежные пути к финансовой независимости» и открыла ее. Внутри оказалась полость, а в ней — большой ключ от семейного сейфа. Сам сейф, красивый зелено-черный, инкрустированный золотом ящик размером с большой телевизор, принадлежал когда-то французскому императору Наполеону III. Миссис Гонт поместила синий мешочек в сейф, захлопнула дверцу и повернула ключ в замке.

— Отсюда их никому не достать, — уверенно сказал мистер Гонт, допивая второй бокал. — Пусть хоть целую армию пришлют.

— Тем не менее, — сказала миссис Гонт, — думаю, что пора установить в этом доме дополнительные меры безопасности. Особую систему. Сверхнадежную. Короче — надо наложить на дом джинн-заклятие.

Наутро Филиппа осматривала место преступления, а Джон подробно объяснял ей, что и как происходило.

— Во что? Во что она их превратила?!

— В две бутылки красного вина. — Джон кивнул на бутылки, стоявшие на столе в библиотеке.

— Но одна неполная, — удивилась Филиппа.

— Папа выпил два бокала.

— Не верю. — Девочка понюхала горлышко открытой бутылки.

Джон пожал плечами:

— Ты же знаешь, как он любит дорогое вино.

— Да, но это не просто дорогое вино, — возразила Филиппа. — Папа не часто пьет вино, которое только что… бегало. Молодое и резвое. — Она задумчиво покачала головой. — Жаль, что мама так вспылила. Было бы полезно узнать побольше об этих людях. Говоришь, у них была оранжевая одежда?

— Да. И вообще они были немножко странные. С желтым узором на лбу и на щеках. — Джон кивнул на пол. — Они как раз тут стояли, когда мама их… ну, того…

Филиппа опустилась на колени и принялась разглядывать ковер.

— Что ты делаешь? — удивился Джон.

— Полицейские всегда так делают, когда расследуют убийство, я по телевизору видела. Ищут отпечатки пальцев. И разные улики.

— Какие, например?

— Вот такие. — Филиппа выпрямилась. На ладони у нее лежал маленький круглый плоский камешек, с дыркой поближе к одному краю — вероятно, когда-то он висел на цепочке или нитке. На камне была нарисована оранжевая змея, а рядом — что-то вроде вопросительного знака, только без точки. — Ты это раньше видел? — спросила она.

— Нет.

— Тогда это выронил кто-то из ночных гостей. Пойдем-ка, покажем маме.

Мать они нашли в гардеробной. Она стояла возле большого аквариума, полного каких-то жутких тропических рыбок, и внимательно их рассматривала.

— Ага, вот и вы, — сказала она. — Смотрите. Это пираньи. Часть новой системы безопасности, которую я наладила в доме. Эти рыбки едят все подряд. Стая пираний способна за считанные минуты оставить от коровы голый скелет.

Джон с испугом смотрел на небольших пучеглазых рыбок.

— Аквариум, разумеется, пуленепробиваемый, — добавила мама. — И я наложила на него мощное заклятие, так что джинн-сила на него тоже не действует. Кроме моей и вашей.

— И как же эти рыбки будут нас защищать? — спросила Филиппа. — Мы ведь здесь, а они там, в аквариуме.

— А ты приглядись, — сказала миссис Гонт.

Филиппа прижалась носом к стеклу и увидела внутри первого аквариума второй, поменьше. В нем, похоже, была не вода, а воздух.

— Там лежит ключ! — воскликнула она.

— Да, это ключ от нашего сейфа, — сказала миссис Гонт. — Вторую емкость отделяет от первой небольшая дверка, вроде воздушного шлюза, чтобы доставать ключ и не впускать при этом ни капли воды.

— Все равно не понимаю, — признался Джон. — Какой в этом смысл? Мы что, сумасшедшие? Не станем же мы совать руку прямо к пираньям? А иначе до маленького аквариума не

дотянуться.

Миссис Гонт закатала рукав и погрузила руку в воду.

— Не бойтесь, — сказала она, заметив, как встревожились ее дети. — На меня они не нападут. И на вас тоже. А вот живность во втором аквариуме небезобидна и для нас. Так что будьте поосторожнее.

— Разве там кто-то есть? — удивился Джон. — Я никого не вижу.

Опустив руку еще ниже, миссис Гонт постучала по крышке второго аквариума. Тут же, откуда ни возьмись, появились два громадных паука и попробовали схватить ее за руку. Филиппа в ужасе вскрикнула.

— *Phoneutria fera,* — сказала миссис Гонт. — Бразильские пауки-охотники. Их клыки настолько остры, что легко прокусывают даже ноготь. А пол-миллиграмма их яда достаточно, чтобы убить человека. Или джинн. Так что прежде, чем достать ключ, эту паучью парочку надо досыта накормить.

— Но для чего все это? — спросил Джон. — От кого мы прячем наши старые зубы?

— Ты никогда не слышал о зубном заклятии, Джон? — спросила мама и ласково улыбнулась. — Еще в древности мундусянские ведьмы и колдуны, насмотревшись на действие джинн-силы, навострились накладывать заклятия самостоятельно, используя волосы, кровь или ногти джинн, поскольку даже срезанные или отторгнутые части тела джинн сохраняют с ним внутреннюю связь. Самым ценным органом для таких дел являются зубы мудрости. Поэтому их надо охранять особенно тщательно. Зуб мудрости — где бы он ни был — сохраняет связь с хозяином до конца его дней. Знающий человек может сделать себе из этих зубов амулет и таким образом защитит себя от силы этого джинн навсегда. Но что еще хуже, из зубов можно сделать амулет, который даст мундусянину полную власть над джинн, бывшим обладателем этих зубов. Джинн станет рабом человека… Вот почему я решила усилить защиту дома. Я хочу уберечь вас от любых посягательств. До сих пор я считала, что видеокамер и сигнализации достаточно и дом защищен неплохо. Но после вчерашнего я поняла, что была неправа. Риск в данном случае неуместен. Особенно после того, что случилось с Дыббаксом.

— А что случилось с Дыббаксом? — спросил Джон.

— Он исчез, — ответила миссис Гонт. — Только вернулся с экскурсии по полям сражений Гражданской войны и тут же пропал. Именно поэтому он и не пришел к вам на день рождения.

— Ничего, появится, — сказал Джон. — Ты же знаешь

Дыббакса.

— Боюсь, произошло самое худшее, — сказала миссис Гонт. — Мундусяне, с которыми он ездил на экскурсию, — мистер Бленнерхассит и его сын Брэд — были найдены мертвыми в их доме в Палм-Спрингс. При подозрительных обстоятельствах. Полиция жаждет поговорить с Дыббаксом.

— Ты хочешь сказать, что они его подозревают? В убийстве? — спросил Джон.

Миссис Гонт молча пожала плечами.

— Этого не может быть! — воскликнул Джон. — Дыббакс, конечно, грубиян, даже хам, он — вредина, врун, он кто угодно, но только не убийца.

— Разве не он превратил кого-то из одноклассников в таракана? — ехидно спросила Филиппа.

— Всего на один день! — возразил Джон.

— Послушайте, — сказала миссис Гонт. — Пока полиция просто хочет с ним поговорить. Думаю они удостоверятся, что с ним ничего не случилось, выяснят все, что он знает, и оставят в покое. — Она покачала головой и вздохнула. — Почему это выпало на долю Дженни Сахерторт? После всего, что произошло с ее дочерью.

— У Дыббакса есть сестра? — изумилась Филиппа.

— Была, — сказала миссис Гонт. — Она была старше Дыббакса. Но тоже исчезла, как сейчас Дыббакс. Конечно, с тех пор прошло много лет. Но никакая мать никогда не сможет смириться с тем, что ее ребенка больше нет. Брак Дженни с мистером Сахертортом не выдержал этого испытания.

— Но что с ней случилось? — испуганно спросила Филиппа.

— Никто не знает наверняка, — ответила Лейла. — Закатали в бутылку или лампу. Попала в рабство к другому джинн. Кто знает? Но, пожалуйста, не спрашивайте об этом ни Дыббакса, ни его маму. Хорошо?

Близнецы кивнули.

— Странное совпадение, правда? — помолчав, сказала Филиппа. — Он исчезает, а наши зубы мудрости кто-то пытается украсть. Почти в один день. Вдруг эти два события как-то связаны?

— Связаны? — повторила миссис Гонт. — Как?

— Чтобы ответить, — задумчиво сказала Филиппа, — мне надо поточнее узнать о том, что случилось в Палм-Спрингс. И жаль, — добавила она многозначительно, — что ты не оставила от грабителей ничего, кроме полутора бутылок красного вина.

Миссис Гонт смутилась.

— Ты, конечно, права, Филиппа. Мой гнев пересилил здравый

смысл. Я так рассердилась. Во-первых, на грабителей — за непрошеное вторжение, а во-вторых, на себя — за то, что вмешалась и не дала вашему отцу действовать самостоятельно. Любой мужчина имеет право защищать свой дом и семью. Помощь жены его только унижает. Я решила, что пара бутылок любимого вина хоть как-то подсластят для него эту пилюлю. Ведь я разделалась с грабителями одним махом, папа даже опомниться не успел.

— По-моему, вино сработало, — подхватил Джон. — После двух бокалов папа был в отличном настроении.

— Тем не менее Филиппа права, — сказала миссис Гонт. — Было бы важно узнать, что это за люди и кто их послал.

— Возможно, это наведет тебя на след, — сказала Филиппа и передала матери каменный медальон. — Я нашла это на полу в библиотеке. Должно быть, один из грабителей выронил, когда превращался в вино.

Миссис Гонт тщательно рассмотрела медальон.

— На рисунке змея, — сказала она. — Похоже, кобра. Никаких других выводов я сделать не могу. Но я знаю того, кто может. Господин Ракшас. Он наш главный эксперт по этим вопросам.

— Так давай пошлем ему медальон, — предложила Филиппа. — С курьером.

— В этом нет никакой необходимости, — сказала миссис Гонт. — Достаточно послать медальон Нимроду, нутряной джинн-почтой.

— Что это такое? — спросил Джон.

— Смотри.

Миссис Гонт положила каменный медальончик себе в рот и — не без усилия — проглотила целиком.

Близнецы настолько оторопели, что даже не нашлись что сказать.

— Не пройдет и часа, как Нимрод закашляется и извергнет эту штучку наружу, — сказала миссис Гонт. — Разумеется, такой способ связи действует только между близкими родственниками. Причем взрослыми. Джинниорам это не по силам. Зато можно сэкономить уйму времени, да и стоимость пересылки. Не говоря уж о ценном побочном эффекте — о похудании. Ведь главная задача любой диеты — снизить аппетит.

В Нью-Йорке так модно

худеть! Даже джинну с моей комплекцией

приходится следить

за фигурой.

Глава 3
Не на жизнь, а на смерть

Миссис Гонт так давно не обменивалась с братом нутряной джинн-почтой, что забыла, что должна обязательно ему позвонить и предупредить о том, чего ожидать. В этом случае Нимрод нашел бы возможность уединиться в момент прибытия «почты» и избежал бы таким образом лишних затруднений. Вместо этого он оказался в кабинете стоматолога на Уимпол-стрит, где ему чистили и полировали зубы, так что прибытие нутряной джинн-почты случилось ужасно некстати.

Медсестра-гигиенист Мэнди Мэндибьюлар как раз заканчивала чистить ему зубы ультразвуковой щеткой, но вдруг она отшатнулась от пациента и сдернула маску, под которой оказалось симпатичное, но бледное от испуга личико.

Нимрод жутко боялся зубных врачей — с того самого дня, когда ему с величайшим трудом удалили зубы мудрости. Корни сидели так глубоко, что доктор Джоррид попросил о помощи сидевшего в приемной пациента — циркового силача Бельцони. Зуб вылез, только когда богатырь потянул щипцы со всей силы… Одним словом, увидев выражение лица Мэнди, Нимрод страшно перепугался.

— Что там? — спросил он. — Нарыв? Дырка? Что-то ужасное? Что?

Мэнди сглотнула и указала на рот Нимрода.

— У вас что-то поднимается вверх по глотке, — сказала она. — Предмет какой-то… не знаю, как описать.

— Предмет? — Нимрод выпрямился в зубоврачебном кресле, сорвал с груди салфетку и закашлялся, буквально забился в удушающем спазматическом кашле. — Закатай меня в бутылку, вы правы, — прохрипел он между спазмами.

К этому времени у него уже появились предположения о том, как посторонний предмет — не важно какой — мог попасть внутрь его организма. На миг он рассердился на Лейлу за то, что она вздумала послать ему что-то по нутряной почте без всякого предупреждения. Но одновременно он возликовал: значит, их отношения полностью восстановились и сестра стала близка ему, как в былые времена! Иначе она не смогла бы воспользоваться джинн-почтой.

Спустя мгновение Нимрод поднес ладонь ко рту, выплюнул на нее послание Лейлы и принялся тщательно рассматривать.

— Господи, что же это такое?! — воскликнула Мэнди

Мэндибьюлар. Она было решила, что в теле ее пациента завелся огромный отвратительный паразит, точь-в-точь как фильмах-ужастиках.

— Похоже на какой-то каменный медальон.

— Вот это да!.. Но как же он туда попал?

Нимрод улыбнулся. И попытался подыскать объяснение — близкое к правде, но в то же время постижимое для простого человеческого ума.

— Я когда-то проглотил этот медальон, — сказал он. — Нечаянно. Еще в детстве. Должно быть, все это время он хранился в глубинах моего организма.

Мэнди Мэндибьюлар скептически фыркнула.

— Как? — удивился Нимрод. — Разве в детстве вы никогда не глотали посторонних предметов? Ну же, мисс Мэндибьюлар, вспоминайте! Монеты? Пуговицы? Нет? Сам я однажды проглотил часы. Не говоря уже об игральных костях и целой фотопленке. На самом деле я в нежном возрасте обожал тянуть все в рот. Как пеликан. Но запали мою лампу! Об этом медальончике я и думать забыл.

Нимрод не стал вдаваться в дальнейшие объяснения. По всему было ясно, что ему здесь не верят и никогда не поверят. Чтобы не усугублять ситуацию, он побыстрее покинул клинику. Выйдя на улицу, он снова улыбнулся, вообразив, как вытянулось бы лицо мисс Мэндибьюлар, перечисли о все предметы, которые когда-либо посылал или получал по нутряной джинн-почте. Любимую авторучку. Очки. Банку меда. Связку ключей. Пульт от телевизора. Несколько зачитанных книг в мягкой обложке. А однажды даже маленькую статуэтку.

Понимая, что Лейла не стала бы посылать ему каменный медальон, если бы он не был связан с чем-то срочным и важным, Нимрод отправился прямиком домой и, позвонив за океан, выяснил все обстоятельства дела. После чего он принес из гостиной в библиотеку старинную медную лампу и чистую тряпку. Ручка у лампы была большая и изгибалась наподобие коровьего уха, а крышка напоминала купол древнего персидского дворца. Лампа утратила блеск и чуть подернулась патиной, и Нимрод стал энергично ее чистить, вызвав тем самым изнутри господина Ракшаса.

Пергаментно-прозрачный, пахнущий древностью дым заполнил библиотеку в лондонском доме Нимрода, потом собрался в небольшое облачко, обрел человеческие очертания и, наконец, превратился в старичка в белом костюме и белом тюрбане. Ракшас устало покачал головой.

— У меня с каждым разом уходит все больше и больше

времени на материализацию, — пожаловался он. — Раньше я управлялся с этим делом за несколько секунд. А теперь счет идет уже на минуты. — Он потянулся, похрустывая суставами. — Старею. Неумолимо старею.

Нимрод не стал возражать, факты — упрямая вещь. — Что толку спорить, если Ракшас и вправду очень стар.

— Но что у вас за дело, Нимрод, нетерпеливый вы джинн? — Несмотря на внешнее сходство с жителями Индии, господин Ракшас говорил с сильным ирландским акцентом. — Вы терли эту лампу, точно прилежный дворецкий, которого приняли на испытательный срок.

Нимрод рассказал ему о нападении бандитов на дом его сестры в Нью-Йорке и о попытке украсть зубы мудрости, выдранные у его юных племянников.

— Дети нашли это на полу, — сказал он, передавая старику медальон. — Похоже, штучка индийская. Лейла переслала мне его нутряной джинн-почтой. Приблизительно час назад. Думаю, в дороге он не попортился.

— Разве можно испортить тухлое яйцо? — пробормотал старый джинн, крутя медальон в костлявых пальцах. — Я-то надеялся, что мне не придется увидеть этот символ снова.

— Так он вам знаком?

Господин Ракшас со вздохом кивнул.

— Это камень Нага, имеющий два предназначения: он может защитить людей от змей — во всяком случае, многие в это верят — и умилостивить змеиного бога. Изображенная здесь змея — королевская кобра. И моим старым слезящимся глазам совсем не хочется смотреть ни на эту змею, ни на символ, что начертан с ней рядом.

— Символ? — Нимрод всмотрелся в любопытную загогулину рядом со змеей. — Вы имеете в виду этот вопросительный знак без точки?

— Это вовсе не знак вопроса, а брахманский знак для числа «девять». Нимрод, это означает «девять кобр».

Нимрод нахмурился.

— Девять кобр? Что это значит?

— Когда-то существовал древний культ Ааст Нааг — «Восемь кобр». Я надеялся, что он исчез с лица земли. Но в последнее время меня посещало странное чувство, Нимрод, чувство, которое я даже не взялся бы облечь в слова. Теперь, видя этот символ, видоизмененный, возможно даже улучшенный, я, кажется, постигаю это чувство. У него появляется имя и форма, форма змеи. — Он с усилием улыбнулся. — Пуганая ворона куста, знаете ли, боится.

Старый джинн уселся в кресло и устало вздохнул.

— Так значит, они хотели украсть зубы мудрости наших близнецов?

— Да.

— Это плохо. Очень плохо. Наверняка они хотят сделать новый амулет. Надо предупредить Лейлу, чтобы она приняла максимальные меры предосторожности. Дом надо превратить в крепость.

— Я полагаю, она это уже сделала, — сказал Нимрод.

— Хорошо. Конечно, если им понадобился новый амулет, это означает, что культ Ааст Нааг лишился старого. Это тоже хорошо. — Он глубокомысленно погладил свою длинную белую бороду. — Я должен выяснить подробности.

— Вы хотите лететь в Нью-Йорк? — спросил Нимрод.

— Зачем искать одного монаха, когда можно найти целый монастырь? Нет, мой друг, я должен лететь в Индию. И найти там самого Зеленого дервиша.

— Зеленого дервиша? — повторил Нимрод. — Ах да, конечно. Он — ангел, верно? Живет на каком-то индийском острове. И знает практически все, что происходит на полуострове Индостан.

— Да, именно так. — Господин Ракшас кивнул. — Если Кобры снова развили бурную деятельность, то происходит это наверняка в Индии. И Дервиш точно знает, как это происходит, когда, а главное — где именно.

— Тогда я отправляюсь с вами, господин Ракшас, — сказал Нимрод. — Кроме всего прочего, должен же кто-то нести вашу лампу.

— Я, чего уж греха таить, рад такому спутнику, Нимрод! Но путешествовать я намерен не в лампе. Пока мы не разберемся с этой историей, я сохраню человеческое обличье. Этим дикарям будет только на руку, окажись я в лампе. Они меня тогда попросту украдут. Нет, мы оставим лампу здесь. Запрем в вашем сейфе. Крепко-накрепко. Внутреннее убранство лампы отлично сохранится до моего возвращения. Не думаю, что среди джинн найдется глупец, который вздумает посетить чужую лампу без приглашения. — Помолчав, Ракшас добавил: — Надо соблюсти еще одно важное условие. Неприметность. Надо слиться с толпой. Наш маршрут — тайна для всего мира. Даже мистер Джалобин не должен знать, куда мы едем. А ему самому лучше остаться здесь. На всякий случай. Кстати, Индия — место совершенно несовместимое с его чувствительным желудком.

— Как вам будет угодно, господин Ракшас, — согласился Нимрод. — Как по-вашему, Иблис имеет какое-нибудь отношение

к этой истории? Ведь прошло всего несколько месяцев с тех пор, как он угрожал Джону и Филиппе. А он за свои мерзкие слова, и уж тем более угрозы, обычно отвечает. То есть приводит их в действие.

— Иблис? Разумеется, он — змея. И по характеру, и по образу жизни. Но полагаю, что с культом Ааст Нааг он никак не связан, он боится их, как любой другой джинн, которому когда-то удалили зубы мудрости. Нет, он в этом деле не замешан, я в этом совершенно уверен.

— Тем не менее, ради безопасности близнецов, я чувствовал бы себя куда спокойнее, если б знал, где Иблис. И что он намерен делать.

— Да, это верно, на тропе, ведущей через болото, всегда грязь! И нам не найти Иблиса, не замаравшись в этой грязи. Но хочу успокоить вас, Нимрод: вряд ли он что-нибудь предпримет, пока Лейла остается в Нью-Йорке. Он отложит свою месть на потом. Когда она уже встанет над добром и злом в качестве Синей джинн Вавилона.

Иблис действительно хотел свести счеты с близнецами. Всего за полгода до нынешних событий он потерпел неудачу, пытаясь залучить на службу Зла семьдесят давно потерянных джинн фараона Эхнатона. Если бы ему это удалось, гомеостаз — шаткое равновесие между счастьем и несчастьем, все-таки существующее в мире, — был бы непоправимо нарушен. Но три добрых джинн из клана Марид — Нимрод и его юные племянники, Джон и Филиппа Гонт — заключили Иблиса в старинный флакон из-под духов. Он оставался бы там до сих пор, если б не один жадный американец да еще один доверчивый мальчик из французской Гвианы, освободивший Иблиса из заточения, когда хитрый джинн пообещал ему исполнение трех желаний. Никаких желаний Иблис, разумеется, не исполнил. Он не привык награждать людей, сделавших ему добро. Вместо этого он наложил на мальчика заклятие-диминуэндо и превратил его в живую куклу. Иблис и в самом деле не имел никакого отношения к культу кобр, но он непременно окажется причастен к событиям, которым предстоит случиться в этой книге, — ведь им движет ненависть к близнецам, Нимроду и господину Ракшасу. Впрочем, ни самому Иблису, ни кому бы то ни было другому пока неведомо, как именно он будет вовлечен в эти события, поскольку произойдет это самым неожиданным образом.

Иблис скрывался в роскошном пентхаусе отеля «Крез» в Лас-Вегасе. Он проводил целые дни в постели, наблюдая на нескольких компьютерных экранах, как в разных концах мира

мундусяне проигрывают свои денежки в казино. Всеми этими казино владел джинн-клан Ифрит, предводителем которого был Иблис. На крыше, сразу за затемненным окном, стоял вертолет, рядом были плавательный бассейн, кегельбан и библиотека. Однако книг Иблис не читал, в кегли не играл, в бассейне не плавал и даже не летал на вертолете. Всецело захваченный одной идеей, идеей мести, Иблис не обращал ни на что внимания и запустил себя совершенно. Отрастил ногти длиной с карандаш и бороду чуть не до пупа, а если он в чем-то нуждался, было достаточно хлопнуть в ладоши, и Олиджинус, его раб-мундусянин, беспрекословно исполнял все приказания. Единственными настоящими друзьями Иблиса были черные крысы, целая дюжина. Он держал их в качестве домашних животных: позволял бегать по своей кровати и даже брал на руки, как мундусяне — своих собачек. Впрочем, некоторые из его крыс и вправду были с собаку величиной.

Лишь две вещи портили безмятежную, полную роскоши жизнь Иблиса. Во-первых, вид казино, расположенного в гостинице напротив. Иблис терпеть не мог «Аладдин» и воспринимал его поддельное арабское убранство в стиле «Тысяча и одна ночь» почти как личное оскорбление. Он даже подумывал устроить землетрясение, чтобы разрушить наконец этот безобразный китч. Удерживала его только надежда на то, что в один прекрасный день он перекупит это казино и сменит его название и дизайн на что-нибудь более приятное для глаза и слуха.

Кроме соседнего казино, роскошную жизнь Иблиса портила неудовлетворенная жажда мести. Желание отомстить Джону и Филиппе Гонт снедало его денно и нощно, но месть все откладывалась по разным причинам: сперва он долго придумывал, как бы сделать будущее близнецов воистину ужасным, а потом узнал, что Лейла Гонт должна стать следующей Синей джинн, и это стало серьезным основанием для новой отсрочки. С этой семьей лучше не связываться — по крайней мере до тех пор, пока Лейла находится рядом со своими детьми, иначе ее всесокрушающего гнева не избежать. Тем не менее Иблис неустанно прикидывал то один, то другой план мести. Вот и сейчас он кое-что надумал и призвал Олиджинуса.

Едва переступив порог просторной спальни, Олиджинус поклонился и робко приблизился к изножью огромной кровати, на которой лежал хозяин. Слуга опустил бумажный пакет с лакомствами для крыс на пол и вздрогнул, потому что одна из крыс, черная и блестящая, как шелковая пижама Иблиса, пробежала по его ноге и проворно юркнула в пакет. Олиджинус

почувствовал, что хозяин, как всегда, раздражен и недоволен и сейчас последуют какие-то важные распоряжения. Слуга вытер вспотевшие от страха руки о рубашку и вынул блокнот и карандаш.

— Пока мелкие близнецы Гонт остаются на острове Манхэттен в Нью-Йорке, — сказал Иблис, не сводя холодного безжизненного взгляда с экрана компьютера, — с ними ничего не должно случиться.

— Слушаюсь, хозяин.

— Однако они должны быть под неусыпным наблюдением. И они, и их нелепый дядька Нимрод. А заодно и его приятель, старый дурень Ракшас. Чтобы, как только близнецы окажутся за пределами Манхэттена, их тут же поймали, закатали в бутылки и доставили сюда. В бутылках, но в целости и сохранности, слышишь? То же самое относится к Нимроду с Ракшасом. Все ясно?

— Да, хозяин.

— Боекомплекты для джинн-заклятия и миниатюрные тепловые камеры для обнаружения джинн можно получить с ифритских складов.

— Слушаюсь, хозяин.

— Конечно, это задание небезопасно. Лейла Гонт обладает колоссальной джинн-силой, как и ее брат, Нимрод. Но тот, кто успешно справится с этой миссией, будет вознагражден. Достойно вознагражден. Как всегда. Напомни-ка, что значит «как всегда». — Иблис нетерпеливо прищелкнул пальцами. — А то я давненько не делал ничего хорошего для мундусян, позабыл все. Напомни-ка. Олиджинус.

— Три желания, сэр?

— Три желания? Да, точно. Три желания, выходящие за пределы обычной, то есть беспредельной, человеческой жадности.

Олиджинус облизнул губы и сглотнул.

— Да, я знаю, о чем ты думаешь, Олиджинус. Это написано на твоем глупом лице аршинными буквами, точно заголовок в утренней газете. Ты мечтаешь сам заполучить эту награду. Должен признаться, меня даже интригует способен такой сюжет. Интересно, какие три желания способен породить такой жалкий негодяй, как ты? Для начала пожелай, чтобы твои ладони не были постоянно мокрыми и склизкими, точно две рыбины. Можно еще пожелать, чтобы ты со своей тупой физиономией не выходил в вечные победители во Всемирном конкурсе верблюдов-уродов. Неплохо было бы, верно? В-третьих… так-так, что же в-третьих? А, пожалуй, знаю. Ты хочешь обзавестись личностью. Хоть какой-нибудь, пусть даже не харизматической. Просто добавить

несколько качеств к твоему жабьему раболепию. Научиться поддерживать беседу, вставлять пару-тройку оригинальных мыслей. Ну, еще бы чуток обаяния. Чайную ложку. Ладно, будем пощедрее — столовую. Да, пожалуй, три желания тебе не повредят. Что ж, поскольку сегодня у тебя день рождения, я сделаю тебе подарок — отпущу в трехнедельный отпуск, чтобы ты попробовал выполнить эту миссию и заработать три желания. Отпуск, естественно, без сохранения содержания.

Сердце у Олиджинуса чуть не выпрыгнуло из его тщедушной птичьей груди.

— Вы слишком добры, хозяин.

— Еще бы!.. Так, еще одна важная деталь. Джинн-заклятие. Оно должно быть самого лучшего качества. Чтобы все четверо — и близнецы, и Нимрод, и Ракшас — были закупорены крепко-накрепко, но чтобы я время от времени мог извлекать их из бутылок и издеваться над ними всласть. Без угрозы для собственного благополучия. Понял меня?

— Да, хозяин.

— А теперь дай-ка сюда пакет.

Олиджинус передал хозяину пакет. Самый злой джинн в мире извлек оттуда козлиную голову и под громкий писк крыс бросил это лакомство на пол. Крысы тут же набросились на голову и, громко пища, начали свое отвратительное пиршество, а Иблис удовлетворенно ухмыльнулся.

— Только послушай! — воскликнул он. — Как чудесно, как мелодично поют эти дети трущоб и канализационных труб…

Олиджинус подобострастно улыбнулся.

— Как настоящие певцы, — подтвердил он.

— Не подведи меня, Олиджинус. Я уверен, что твоя голова ничуть не менее вкусная, чем у этого козла. Поэтому постарайся остаться в живых к началу следующего крысиного банкета.

Я ясно выразился?

— Да, хозяин.

Глава 4
Четверо близнецов

На отладку своих новых ноутбуков близнецы угрохали несколько часов. По телефону изготовителя, указанному в документах, им не удалось добиться никакой помощи. Судя по телефонному коду, линия сборки находилась за тысячи километров от Нью-Йорка, в Индии, но трубку снял невозмутимый американец, который сказал, что его зовут Джой и родом он из города Кливленда, штат Огайо. Выяснилось, что о компьютерах он имеет весьма смутное представление. Джон подумал, что рекомендации Джоя могут привести только к одному: их ноутбуки не заработают никогда. После почти часа бесполезных и противоречивых советов Джон в сердцах бросил трубку, решив, что проще прочитать инструкцию. И в конце концов преуспел! Едва компьютеры заработали, Джон получил по электронной почте письмо от Дыббакса:

Нужно срочно пересечься на острове Баннерманна на Гудзоне недалеко от Нью-Йорка. Вопрос жизни и смерти, поэтому, пжлст, никому не говорите. Особенно вашей маме — она скажет моей. Моя попробует мне помочь и подставит себя под удар. Приходите одни. И, пжлст, будьте осторожны. Проверьте, чтоб не было слежки. Те, кто за мной охотятся, уже убили двух человек. Они легко убьют снова.

Ваш Бакс С., чьей жизни угрожает опасность.

Джон показал письмо Филиппе и спросил ее, что делать.

— Пошли ему ответ, попроси пояснить, что случилось, — сказала Филиппа. — Может, это даже не он писал. Мало ли…

— Нет, это он. С его адреса пришло, — ответил Джон. — И стиль знакомый. Ответ я, кстати, уже послал. Но он не дошел. Знаешь, если Дыббакс действительно в опасности, он, наверно, больше не может принимать электронную почту. Сообщение, которое он нам послал, не сегодняшнее. Оно было отправлено в наш день рождения. С тех пор могло произойти все, что угодно.

Филиппа взяла карту штата и принялась искать остров Баннерманна.

— Этот остров почти в ста километрах от Нью-Йорка, вверх по Гудзону, — объявила она. — Два часа на электричке до Ньюберга. Так, слушай дальше: остров закрыт для посещений. От Ньюберга попасть туда можно только на лодке. Ну и местечко он

выбрал для встречи!

— Возможно, в этом весь смысл, — сказал Джон. — Если до места встречи трудно добраться, оно более безопасное.

— Но я все-таки против этой поездки, — сказала Филиппа. — Это место — сильно севернее Нью-Йорка, и там еще холоднее, чем здесь. Да и вообще за городом всегда холоднее. Мы окоченеем, пока туда доберемся, и шансы использовать джинн-силу будут нулевые.

— Поэтому Дыббакс и опасается за свою жизнь, — сказал Джон. — Тем более надо ехать.

Филиппа сердито покачала головой. У брата переизбыток храбрости, и до добра это не доведет.

— А представь себе обратную ситуацию. Допустим, мы посылаем ему такое письмо по электронке, — произнесла она. — Спорим, Дыббакс и не подумал бы нам помогать. — Она помолчала, а потом добавила: — Даже не представляю, сколько времени плыть на лодке от Ньюберга до этого острова. Мама вряд ли отпустит нас на целый день, а может, и дольше, чем на день, без объяснений. Мы ведь даже не знаем, сколько времени это займет. Кстати, ты заметил, как она в последнее время над нами трясется? Она теперь даже мою расческу на ключ запирает, чтобы ее не украли и не сделали из моих волос амулет.

— Честно, что ли? — удивился Джон. — А мою щетку она вроде не трогает.

— Какой смысл? — Филиппа улыбнулась. — Ты ведь все равно никогда не причесываешься. Ладно, короче: если мы отправимся на этот самый остров, как требует Дыббакс, мама наверняка решит, что мы тоже пропали без вести.

— Что ж, отличные основания для того, чтобы сидеть дома и ничего не делать, — сказал Джон. — Ты как хочешь, а я поеду. Пусть Дыббакс нам не самый близкий друг, но это еще не значит, что мы не должны помочь ему в беде. — Он пожал плечами. — Послушай, ведь наверняка есть способ это проделать, чтобы у мамы внутри не заверещала сирена. Как думаешь?

— Разумеется есть, — сказала Филиппа. — Джинн-сила. Но у нас, к сожалению, ее пока нет. И не будет, пока не потеплеет.

— Тогда давай найдем кого-то, у кого она есть.

— Нимрод?

— Точно. Мы ему все объясним, и он тут же приедет и нам поможет. Дыббакс ведь только маме просил не говорить.

Филиппа немедленно позвонила Нимроду в Лондон. Но дома оказался только Джалобин.

— К сожалению, он уехал, мисс Филиппа, — сухо сказал Джалобин. — И он, и господин Ракшас.

— А они не сказали куда? Адрес не дали, чтоб вы почту пересылали? Может, номер телефона? Сотового?

— Ваш дядя мне больше не доверяет, — Обиженно объявил Джалобин. — Да, представьте, не доверяет. Собственному дворецкому. Конечно это все ваши джинн-дела. Сейчас же Самум. Джинн-праздник.

— Ах да, конечно! — воскликнула Филиппа. — Совсем забыла. Он хоть сказал, когда они вернутся?

— Нет, мисс. Но не думаю, что они уехали надолго. Мистер Нимрод даже не просил собрать ему чемодан, а господин Ракшас вообще оставил лампу здесь, в сейфе.

— Это так на него не похоже!

— Вы правы, мисс. У вас есть ко мне еще вопросы?

— Нет, мистер Джалобин. Спасибо вам.

Затем Джон позвонил другому джинн, своему знакомому мистеру Водьяному, проживавшему в здании «Дакота», с другой стороны Центрального парка, а потом мистеру Гвиллайону, который держал магазин «Книга за семью печатями» на Западной Пятьдесят седьмой улице, но эти двое тоже куда-то уехали. Он даже попытался связаться с Агатой Дэнион и Джонатаном Маннеем, новыми друзьями, которые приходили к ним на день рождения. Но тоже безуспешно.

— Похоже, мы единственное джинн-семейство, оставшееся на праздники в Нью-Йорке, — мрачно заметил Джон и покачал головой. — И виноват в этом папа. Он свой мундусянский отпуск и то не отгуливает, как положено, а о джинн-праздниках и говорить нечего.

— Значит, нам никто не поможет… — сказала Филиппа. — Раз так, про встречу с Дыббаксом можно забыть.

Но Джон еще не собирался сдаваться. Он призадумался, а потом сказал:

— В этом городе есть еще Ума Каруна Айер. Она поможет.

— Ума? Которая собиралась стать отшельницей?

— Точно. Отшельники вряд ли балуют себя отпусками и отдыхом на праздник.

— Да, но как мы ее найдем, если она живет на улице вместе с бездомными? — спросила Филиппа. — Кроме того, она не намного старше нас, так что джинн-силы у нее в эти холода тоже немного.

— Это правда. — Джон кивнул. — Но она может знать других джинн, которые согласятся нам помочь. А вот где ее искать… Думаю, листья ищут в лесу.

— Ты заговорил прямо как господин Ракшас.

— На самом деле я его и цитирую, — объяснил Джон. — А

мысль у меня такая: будем искать Уму там, где есть много других бездомных людей. На Вашингтон-сквер. На Центральном вокзале. На Нижней Восточной стороне. Судя по статье, которую я на днях читал в газете, поиски стоит начать в подземке, на станции «Чэмберс-стрит», в туннелях A или C. Там живет куча бездомных. И еще… Идти туда надо ближе к ночи. Днем-то все бездомные на улицах промышляют, а вечером скапливаются в одном месте для ночлега. Тогда легче найти кого надо.

Они дождались темноты, а потом и позднего вечера. В такое время детям надлежало быть в постели, а они выскользнули из дома, причем родители этого даже не заметили, поскольку устроили званый обед для банкиров — друзей мистера Гонта. Близнецы доехали по линии A в центр, до станции «Чэмберс-стрит», и быстро обнаружили, что, во-первых, нищие в самих туннелях нью-йоркской подземки не живут, а во-вторых, пятьдесят тысяч бездомных — это не шутка, и оказаться среди них небезопасно, особенно ночью. Один тип преследовал их от кафе на Вашингтон-сквер несколько кварталов на север, почти до самой Юнион-сквер. Дети ускорили шаг и в конце концов потеряли его из виду, но по-прежнему шли очень быстро и нервно оглядывались через плечо.

— Н-да, глупая идея, — признался Джон, с трудом переведя дыхание. — Почему ты не отговорила меня, Фил? Ведь ты всегда вмешиваешься, когда меня заносит.

— Я не вмешивалась, поскольку ты был прав, — сказала Филиппа и ткнула пальцем в стеклянную дверь банка. Там, в тамбуре, рядом с банкоматами сидел самый грязный бродяга, какого Филиппе доводилось видеть в жизни, а рядом с ним, на грязном спальном мешке, расположилась высокая, худенькая девочка со светлыми волосами, в одежде отнюдь не ветхой, а просто модно поношенной и совсем не такой неряшливой, как у ее спутника. Это была Ума Каруна Айер. Увидев близнецов. Ума быстро вскочила и распахнула дверь.

— Вы тут откуда взялись? — удивилась она.

— Тебя ищем, — сказал Джон, покосившись на старого бродягу, выросшего за спиной у Умы.

— Вас прислала моя мать? — требовательно спросила Ума.

— Нет, что ты, — заверила ее Филиппа. — Просто нам нужна твоя помощь. У одного нашего друга неприятности, и он попросил нас приехать. Но туда надо ехать несколько часов на поезде, а нам очень сложно выйти из дома, не предупредив маму.

— Это мне знакомо, — сказала Ума. — Туда не ходи, этого не делай… Вот поэтому я не дома, а здесь. Хочу пожить

самостоятельно. — Она печально вздохнула. — Послушайте, я бы вам охотно помогла. Только сейчас холодно, и джинн-силы у меня маловато. Пока не наступит весна, меня хватает максимум на то, чтобы сделать себе чашку кофе.

— Тогда, прости уж, какой смысл быть отшельницей? — удивился Джон. — Если ты не только другим, самой себе помочь не можешь? Ума, ты ведешь опасную жизнь.

— Не волнуйся, не пропаду. Погода через несколько дней наладится. — Она взглянула на своего оборванного спутника. — А до тех пор обо мне позаботится мой друг Африэль.

Филиппа хмыкнула.

— А кто позаботится о самом Африэле? у вас обоих такой голодный вид. — С этими словами Филиппа раскрыла кошелек и вручила каждому по десять долларов. — Вот, держите.

Африэль спрятал деньги за пазуху и принялся грязными пальцами крутить хохолок спутанных желтых волос на лбу. Вонял этот бродяга, как заплесневелый бутерброд с сыром. Из его дырявой тапочки торчал большой палец, красновато-коричневый, похожий на скукоженный грецкий орех. Филиппе при каждом взгляде на него хотелось вынуть носовой платок и закрыть им нос и рот.

— Премного вам обязан, — произнес Африэль глухо, точно из глубокой просмоленной бочки.

— Совершенно не за что, — сказала Филиппа, борясь с приступом тошноты, вызванным смрадным дыханием Африэля.

— Скажите-ка, — спросил вдруг Африэль. — Это все ваши деньги?

Филиппа опешила от такой неблагодарности.

— Гм… да… — сказала она. — А что? Этого мало?

— У меня тоже немного имеется, — вставил Джон. — Вот, возьмите еще.

Африэль взял деньги Джона и тоже сунул за пазуху. Потом он оскалился:

— За вашу доброту, за помощь мне и Уме я тоже вам помогу.

— Что же вы можете для нас сделать? — Филиппа недоуменно улыбнулась.

— Обычно я не помогаю джинн, — сказал Африэль, не обращая на нее внимания. — Я должен помогать исключительно людям. Но поскольку вы оба наполовину люди, думаю, помочь вам не возбраняется.

— Откуда вы знаете, что мы — джинн? — спросила Филиппа. — Вы тоже отшельник?

— Нет. — Африэль улыбнулся — Я не отшельник.

— Африэль — ангел, — сказала Ума. — Он ангел молодости.

Джон с сомнением оглядел оборванца, стоявшего рядом с Умой: засаленный, как коробка из-под пиццы, и, судя по виду, намного старше их собственного отца.

— Это шутка? — сказал он. — Смешно. Так значит, вы помогаете мундусянам, которые делают вам добро?

Африэль кивнул и вновь улыбнулся, обнажив зубы, на чистку которых наверняка ушло бы несколько часов.

— Страннолюбия не забывайте, — произнесла Филиппа, неожиданно вспомнив мамины слова, — ибо через него некоторые, не зная, оказали гостеприимство Ангелам.

Она говорила и думала, что страннолюбие в отношении Африэля требует немалой отваги, уж очень он вонюч. Но в то же время в его пронзительно-синих глазах было что-то необычное, выделявшее его из толпы.

— Верно, — сказал Африэль. — Хотя это не мой случай. В наши дни люди стали чересчур самонадеянны. Слишком верят в себя и считают, что наука даст ответ на любой вопрос. Моя работа состоит в создании всякого рода случайностей, странностей, чтобы люди удивлялись и понимали, что ученые знают далеко не все. Я создаю ситуации, позволяющие людям верить во что-то — помимо самих себя.

— То есть вы творите чудеса? — уточнил Джон.

— Не только, — ответил Африэль. — Я также ведаю предзнаменованиями, знаками свыше, приметами, знамениями, откровениями, сверхъестественными явлениями и загадками природы. Работаю все дни, кроме воскресении. По воскресеньям отдыхаю.

— Ангелы намного могущественнее, чем джинн, — с намеком вставила Ума. — Если Африэль сосредоточится, ему подвластно практически все.

— Меня тронула ваша доброта, ваше желание помочь нам с Умой и вашему другу Дыббаксу, — сказал Африэль. — Ведь вы именно Дыббаксу решили помочь, верно?

— Э… а… ну да, — пробормотал Джон. Похоже, ангелам ничего не нужно объяснять, они и так все знают.

— Ваша помощь ему потребуется не единожды, причем самая разнообразная, — сказал Африэль. — Больше открыть вам я не вправе. Это означало бы попытаться изменить судьбу. Но беспрепятственно выбраться из дома я вам помогу. У вас обоих будет алиби. Или, точнее, дома останется ваше «второе я». Два «вторых я», поскольку вас все-таки двое. А вот насчет джинн-силы я вам не помощник. Боюсь, придется дожидаться более теплой погоды. Я творю чудеса только из области возможного. А невозможное — вне моей компетенции.

Филиппа кивнула.

— Что значит «второе я»? — спросила она Африэля.

— «Второе я» пребывает в том месте, где вы по какой-то причине находиться не можете, — сказал Африэль. — Ваше алиби — это вы сами.

Африэль ткнул грязным пальцем на кого-то, кто внезапно оказался прямо позади близнецов. Они обернулись.

— Джон и Филиппа, разрешите представить вам Джона и Филиппу.

Джон почувствовал, что челюсть у него буквально отвисла от изумления. Перед ним стоял… он сам.

— Это же я, — ошеломленно произнес он. — Как вы это сделали, Африэль?

— Чудо, — коротко пояснил ангел. — Научных объяснений нет. — Он пожал плечами и поскреб засаленную макушку. — Я же рассказывал, на что способен. Кстати, замечу — точности ради, — что само явление квалифицируется не как чудо, а как диво.

— И в самом деле диво, — прошептала Филиппа, которая была изумлена не меньше брата. Ведь перед ней стояла ее точная копия. Она обошла вокруг Филиппы-2 и посмотрела сзади на свое «второе я», ведь ей никогда не доводилось делать этого прежде. — Я действительно так выгляжу?

— Джон — просто твой биологический близнец, — сказал Африэль Филиппе. — А это — идентичная копия. Она будет думать, говорить и вести себя в точности как ты. Никто, кроме тебя самой, вас не различит. Ни мать. Ни даже Джон.

— Но она все время молчит, — заметил Джон. — Если бы она действительно была точной копией Филиппы, она давно бы встряла и задала вам какой-нибудь каверзный вопрос.

— Спасибо на добром слове, Джон, — сказала Филиппа. — Но он прав, Африэль. Она все время молчит.

— Они не начнут вести себя подобно вам, пока вы не пошлете их вместо себя домой, — сказал Африэль. — Как видите, они — ваше непосредственное продолжение. На самом деле это простейшая квантовая механика. Пусть Эйнштейн в это не верил, но одна и та же вещь вполне может существовать в двух местах сразу. Явление называется «суперпозиция». И никакого логического объяснения не имеет. Ни один ученый не сможет объяснить суперпозицию еще по меньшей мере сто лет. Именно поэтому это явление находится в моем ведении.

— Значит, как только мы пошлем их домой, — начала Филиппа, — эти двое станут нами?

— Да, за исключением всего двух, но очень важных моментов, — ответил Африэль. — Во-первых, они не имеют душ.

Наделить их душами не по силам даже мне. Так что не позволяйте им даже близко подходить к зеркалам ваших душ, иначе мама в два счета все раскусит. Во-вторых, они не могут заменить вас на неограниченный срок. Их существование имеет свой конец, это связано с субатомным распадом, и объяснять весь механизм — дело слишком долгое. Просто помните: ваши «вторые я» просуществуют одну вечность. Да-да, не удивляйтесь, вечность — это единица времени в эфирной вселенной, а вовсе не бесконечная ось, на которую нанизано время.

— А как долго длится одна вечность? — спросил Джон. — В земных единицах?

— Ровно один миллион секунд. Или, если взять более понятные единицы, одиннадцать дней тринадцать часов сорок шесть минут сорок секунд и кое-что в периоде. — Африэль захихикал. — Теперь понимаете, почему проще сказать «вечность».

— Вовсе не так долго, — заметила Филиппа. — Я думала, вечность куда длиннее. Думала, она длится тысячу лет или около того…

— Любое время относительно, — сказал Африэль. — Здесь вечность означает одно, а там, выше совсем другое. В этом и состоит парадокс времени. Но это совершенно иная история. Суть в том, что вечность — это отрезок времени, который требуется мысли, чтобы пройти через разум Бога, то есть для Него это мгновение, а для вас — вполне ощутимый кусок жизни. И это — еще один парадокс.

Джон шутливо взъерошил шевелюру Джона-2.

— Так что случится с этим парнем, когда истечет вечность? — спросил он.

— Он исчезнет. Они оба исчезнут. Пройдет девятьсот девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять секунд, а потом бац — и нету. — Африэль щелкнул пальцами. — Исчезнут в мгновение ока. Как карета и лошади Золушки в полночь. Коль скоро мы заговорили о времени, не пора ли вам в путь? Если поспешить, вы можете успеть на последний поезд, который уходит вверх вдоль Гудзона с Пенсильванского вокзала. — Он пожал плечами. — Ну что, мне ведь можно доверять?

Филиппа покачала головой.

— Сначала мы должны сходить домой, — сказала она. — У нас нет денег на билеты на поезд.

— Вам никуда не нужно, — возразил Африэль. — У вас есть и деньги и билеты.

Джон сунул руку в карман. Африэль был прав: там лежал билет на поезд, а в кошельке было больше денег, чем когда Джон

вышел из дома.

— Ишь ты! — восторженно воскликнул он. — В самом деле!

— В гребном клубе Ньюберга вас ожидает лодка, — добавил Африэль. — Так что не вижу никаких причин для задержки.

— Спасибо, Африэль, — сказала Филиппа и, на мгновение забыв, как ужасно воняет от ангела, поцеловала его в щетинистую щеку. — Спасибо за все.

— И тебе спасибо, Ума, — сказал Джон и поцеловал девочку, против чего она совершенно не возражала.

Они поймали такси и залезли туда вместе со своими «вторыми я».

— Помните, — сказал на прощанье Африэль — Через одну вечность они исчезнут, и прикрывать вас дома будет некому.

— Нам не нужны их услуги так надолго, — сказала Филиппа.

— В таком случае, как только вернетесь, просто велите им исчезнуть. — Африэль щелкнул пальцами. — Вот и все.

Джон и Филиппа велели водителю такси, красивому индийцу в большом оранжевом тюрбане, ехать на Восточную Семьдесят седьмую улицу через Пенсильванский вокзал. Когда они выходили у вокзала несколько минут спустя, Джон протянул водителю деньги, но тот суеверно замотал головой.

— Совершенно ни к чему, — сказал он.

— Как это? — не понял Джон.

— Одна пара близнецов — уже удача, пояснил водитель. — А четверо близнецов — это настоящее счастье.

Глава 5
Остров Баннерманна

Джон и Филиппа добрались до гребного клуба в Ньюберге глубоко за полночь, но, как и обещал Африэль, их ждала лодка, точнее, пирога, полностью оборудованная для ночной прогулки: с яркими фонарями-прожекторами и туристическим снаряжением. Пожилой лодочник был, казалось, нисколько не удивлен, что два ребенка берут у него лодку посреди ночи. Он их не отговаривал, хотя большинство взрослых на его месте прочитали бы им лекцию о вреде глупости и безрассудства, которые заставляют их плыть по Гудзону в темноте. У близнецов быстро создалось впечатление, что здесь тоже не обошлось без Африэля, чья земная миссия состояла в том, чтобы внушать людям веру в разные чудесные вещи.

— То, что вы так к нам добры, — это не загадка природы, — сказала Филиппа лодочнику, когда он придерживал пирогу, чтобы девочка взошла на борт. — Это даже не чудо. Больше похоже на откровение. Просто мы к этому не привыкли.

— Мы всегда рады клиентам, — ответил лодочник. — А куда вы, ребятки, направляетесь? Уж расскажите старику, если это не тайна.

— На остров Баннерманна, — сказал Джон, пробираясь на нос с веслом.

— Когда-то, году примерно в тысяча девятьсот двадцатом, на острове был взрыв и пожар, — сказал лодочник. — Несколько зданий лежат в руинах под водой на подходе к острову. Как доберетесь до старой гавани, сбавьте ход и прощупывайте веслом, куда плывете, чтобы не пропороть дно. Ваша пирога сделана из березовой коры, это традиционная лодка индейцев-ирокезов, так что пропороть ее — дело нехитрое.

— Спасибо за совет. — Джон уселся и поднял весло. Филиппа села на корму и включила большой фонарь, чтобы освещать дорогу.

— Раз вы готовы слушать советы, вот вам еще один, — сказал лодочник. — На острове Баннерманна водятся привидения. Меня туда не то что ночью, среди бела дня не затащишь. Но я вижу, что вы, детки, твердо решили ехать. Значит, у вас есть для этого серьезные причины. Тем не менее, если вы решите вернуться сюда сегодня же — я вас вполне пойму и ворчать не стану, — просто постучите в дверь сарая. С тех пор, как умер мой кот Магнус, мне тут очень одиноко, и я рад любой компании. В любое время дня и

ночи.

— Спасибо, мы будем иметь это в виду, — сказал Джон. Он оттолкнулся от причала веслом и погрузил его в черные речные воды. Вскоре лодочный сарай почти исчез в темноте, и пирога заскользила по холодной полуночной глади широкой и мощной реки Гудзон.

Они держались западного берега. Жутковатые крики птиц доносились от залитых лунным светом деревьев и раскатывались эхом по недвижной поверхности воды, точно воинственный клич индейцев, так что Джон немедленно вообразил себя персонажем из какого-нибудь романа Джеймса Фенимора Купера, вроде «Последнего из могикан». Книгу он на самом деле не читал, зато видел кино. Крутой такой фильмец. В отличие от брата, любителя приключений и дикой природы, Филиппа была девочка истинно городская и более начитанная. Она опасливо поеживалась на корме и думала о гоблинах, об учителе Икаботе Крэйне из новеллы Вашингтона Ирвинга и об ужасном безголовом всаднике, который его преследовал.

— Самая неприятная переделка в моей жизни, — пробормотала Филиппа и испуганно задрала голову, поскольку по нависшему над водой дереву мелькнула огромная тень. Девочка затаила дыхание, смутно ожидая, что с ветки в пирогу того гляди спрыгнет кровожадный индеец Джо.

— Держи себя в руках, — велел Джон.

— Руки коротки, — мрачно пошутила Филиппа. Она и без того обняла себя обеими руками, потому что ее колотила дрожь. — Ну и холодрыга.

Джон стал грести быстрее. Сестра права. Жуть как холодно. Он был рад, что должен грести. Работая физически, ни за что не замерзнешь.

Прошел целый час. Наконец, прямо по курсу фонарь высветил поросший густым кустарником холм высотой метров тридцать. Джон направил пирогу через некое подобие крепостных ворот и затем подплыл к берегу. Выскочив на мелководье, близнецы бережно вытянули лодку на берег и спрятали между кустами. Тут же — словно вместо приветствия — заухала сова. Когда их глаза привыкли к темноте, дети начали различать на холме силуэт замка, настоящего шотландского замка. В окне самой высокой угловой башни мерцал свет.

Прихватив второй фонарь, Джон пробрался через кусты и, выйдя на тропинку, двинулся вверх по крутому склону. Филиппа послушно шла следом за братом, но возле разводного моста, недовольно фыркнув, остановилась.

— Без зубчика чеснока и серебряного распятия я дальше не пойду, — прошипела она в спину брату. — Хорошо бы, конечно, еще иметь молоток и несколько острых кольев. Лодочник был прав.

Привидения отсюда не вылезают — это написано по всему острову огромными неоновыми буквами, вместо рекламы. Откуда вообще посреди Гудзона взялся этот жуткий шотландский замок? Бред какой-то.

— А где еще прикажешь искать Дыббакса? — сердито спросил Джон. — Если Дыббакс действительно находится на этом острове, он наверняка в замке. Здесь, кроме замка, и нет ничего…

— А если его здесь нет? Тогда что? Я совсем не мечтаю познакомиться с местными жителями. Да на любом кладбище приятнее, чем на острове Баннерманна!

— Успокойся, — сказал Джон, который был перепуган не меньше, чем его сестра, но лучше это скрывал. — Давай сделаем так: ты останешься здесь, я схожу посмотрю, здесь ли Дыббакс, а потом мы сразу поедем домой. Хорошо?

— Хочешь бросить меня здесь одну? — Филиппа посветила на стену замка прямо перед собой. — Ни за что. Я иду с тобой.

— Отлично, — обрадовался Джон, не имевший большого желания идти в замок в одиночку.

Они миновали разводной мост и прошли под гербом и опускающейся решеткой. Оказавшись перед деревянной дверью, такой огромной, словно за ней начинался туннель подземки, Джон занес было кулак, чтобы постучать, но тут же одумался.

— В чем дело? — спросила Филиппа.

— Дело в том, что тут открыто, — сказал Джон, толкая дверь. Она открылась с оглушительным, скрипом.

В просторном зале стояли латы, к ним был прислонен огромный топор. За латами виднелся старинный церковный орган, который без всякого постороннего вмешательства издавал высокий протяжный звук. У Джона перехватило дух.

— Тут есть кто-нибудь? — спросил он, обращаясь к скамье, где должен был сидеть органист.

Филиппа подошла поближе к органу и немедленно поняла, откуда исходит звук.

— В одной из труб воет ветер, — объяснила она. — Вот и все.

Она обернулась, но Джона позади нее уже не было. Он стоял на пороге большой гостиной, и что-то в этой гостиной привело его в такой ужас, что кровь застыла в жилах у Филиппы от одного взгляда на лицо брата.

— Смотри, — прошептал он.

Смотреть было страшно, но любопытство тянуло и тянуло ее

вперед, пока она не очутилась рядом с Джоном и не заглянула в гостиную. На кушетке перед огромным пустым камином сидел старик или кто-то очень похожий на старика, некое существо во фраке, полосатых штанах, жилете, коротких гетрах, рубашке и галстуке. Спит или умер? Но больше всего близнецов пугала непомерная волосатость старика, и лишь через несколько секунд Филиппа сообразила, что это все-таки не человек, а большая обезьяна.

— Он правда мертвый? — шепотом спросила девочка.

— Хотелось бы надеяться, — ответил Джон. — Уж больно неохота объяснять горилле, зачем мы приперлись к ней в дом глухой ночью без приглашения. — Он вопросительно взглянул на сестру. — Ведь это горилла, да?

— Не знаю. Я никогда не видела горилл так близко. Да еще во фраке.

Тут они оба вздрогнули и ойкнули, поскольку за их спинами раздался громкий хлопок. Вернувшись к входной двери, близнецы обнаружили, что она закрылась.

— Думаешь, это тоже наделал ветер? И дверь захлопнул, и на органе играет? — спросил Джон, едва дыша, и кивнул на орган, который по-прежнему свистел, как чайник, выводя высокую дрожащую трель.

— Искренне на это рассчитываю, — ответила Филиппа и вздрогнула, потому что отчетливо почувствовала, как мимо нее пронеслось нечто легкое, вроде паутинки или прозрачной ткани, и она услышала голос невидимой девочки, который нашептывал ей в самое ухо плохо различимые слова.

Тут зазвучала настоящая музыка, и близнецы поняли, что захлопнувшуюся дверь и одну бесконечную ноту, конечно, можно списать на ветер, но вряд ли ветер способен сыграть целиком Токкату и фугу ре минор Иоганна Себастьяна Баха.

— Пошли отсюда, — сказала Филиппа и схватилась за ручку двери. — Пошли, пока не проснулась эта странная обезьяна.

Но дверь была крепко заперта.

Не на шутку перепуганные близнецы тянули ручку изо всех сил. Вдруг старинный орган замолчал — так же внезапно, как заиграл, — и в тишине они услышали издевательский мальчишеский хохот. Мгновение спустя занавес позади органа отъехал в сторону, и появился Дыббакс. Он все еще хихикал — без всякого сочувствия к Джону и Филиппе, лишь радуясь собственной злой шутке.

— Вы бы на себя посмотрели! Жаль, у меня нет фотоаппарата. Клянусь, у вас был такой вид, словно вы оборотня увидели! Вот

умора! — Он опять расхохотался.

— Я рада, что ты находишь это забавным, — холодно произнесла Филиппа, сжимая кулаки. Стой Дыббакс поближе, она, вероятно, ударила бы его со всего размаху. — К сожалению, мы не знали, какую встречу ты нам готовишь, а то остались бы дома и не потащились в такую даль, да еще с такими сложностями.

— Ребята, простите, я просто не смог удержаться. В том смысле, что это место… оно такое… здорово располагает к розыгрышам. Разве не так?

— Мы считали, что твоя жизнь и вправду в опасности, — сказал Джон. — Так ты, во всяком случае, написал в письме.

— Это правда. Каждое слово — правда. Честно!

— Оно и видно, — с горечью произнес Джон. — Вся правда написана у тебя на лице, болван.

— Но я не врал! — настаивал Дыббакс — Я очень благодарен, что вы приехали.

— Пошли, Джон, — сказала Филиппа. — Нам пора домой.

— Подождите, — взмолился Дыббакс — Выслушайте меня, пожалуйста.

— Ладно, говори, — смилостивился Джон. — Но, чур, без дураков.

Они вернулись в необъятную гостиную.

— Что тут у тебя за тип? — спросил Джон, опасливо глядя на обезьяну.

— Это Макс. Он был дворецким у моей двоюродной бабушки Фелиции больше тридцати лет.

— Это она? — спросила Филиппа, разглядывая висевший над камином большой портрет поразительно красивой девочки лет примерно десяти. — Твоя бабушка? Ну, когда она была маленькая?

— Нет. Это моя сестра, Фаустина.

— Ой, а я и забыла, что у тебя есть сестра. — Филиппа смутилась.

— Была сестра, — ответил Дыббакс. — Ее больше нет. Ясно?

Наступила неловкая тишина.

— А почему твоя бабушка сделала обезьяну своим дворецким? — спросил Джон, чтобы сменить тему.

— Она никогда не жаловала мундусян, — сказал Дыббакс. — Потому и купила когда-то остров Баннерманна. Люди обыкновенно сюда не суются. По очевидным причинам. В общем, она взяла Макса из зоопарка, когда он был совсем еще мал, и наделила его некоторыми человеческими качествами типа речи и всяких тонких мозговых функций. Похоже, он был очень

неплохим органистом. Насколько я понимаю, они тут прекрасно жили-поживали. По крайней мере, до вчерашнего вчера. Вчера бедняга Макс окочурился. В шестьдесят один год, для гориллы это считается глубокой старостью. Но я, честно сказать, все равно удивился. — Он печально покачал головой. — Бедная бабка Фелиция ужасно расстроится, когда вернется домой.

— А где она теперь?

— С моей матерью. Ищут меня.

— Они так и не знают, где ты? — удивилась Филиппа.

— Макс меня прекрасно понял. Почуял, в сущности. Он просек, что, если бы я вернулся домой к матери, я подверг бы ее жизнь опасности.

— Послушай, расскажи-ка нам все подробно, — попросила Филиппа. — С самого начала.

— После того как мы, все трое, вернулись из форт-Беннинга в Палм-Спрингс, — рассказывал Дыббакс, успев поведать близнецам о краже жезла, — мистер Бленнерхассит показал рисунки, которые мы нашли в жезле Геринга, одному парню из какого-то музея в Малибу. Он подтвердил все предположения: две работы — Леонардо да Винчи, одна — Рафаэля, одна — Микеланджело и одна — Боттичелли. Но шестая картина, акварель, была намного более позднего периода и совсем не такая ценная. Он сказал, что сам в этом периоде не специалист, но думает, что это так называемая картина Компании, хотя, что это такое и какой компании, я толком не понял. Но она мне все равно понравилась больше, чем все остальные, и поскольку оценили ее всего в полторы тысячи долларов, мистер Бленнерхассит решил мне ее просто подарить. На память.

Джинниоры все еще находились в огромной гостиной, перед камином величиной с целый грузовик. Диван, на котором они сидели, похоже, стоял когда-то в спальне у китайского императора. Над их головами висела медная люстра, тоже немаленькая — размером примерно с домашний спортивный комплекс. Над камином висел портрет сестры Дыббакса, Фаустины. Теперь, когда Филиппа уже знала, кто изображен на портрете, она находила между Фаустиной и Дыббаксом немалое сходство: те же темные волосы, темные глаза, такая же бледность, высокие скулы, тонкие длинные пальцы, как у пианиста. И тот же своенравный, лукавый взгляд. Неужели Фаустина погибла? Филиппе ужасно хотелось это выяснить, но она поняла что вопросы придется отложить до встречи с мамой. Не стоит огорчать Дыббакса разговорами о сестре.

— Да, еще, насчет этого парня из музея… — сказал

Дыббакс. — Про цены он говорил довольно уклончиво. Все пел об историческом значении нашей находки, о том, что она бесценна. А для меня что «бесценный», что «бесценок» — все едино. Я люблю цифры. Короче, когда он ушел, я решил попробовать узнать через интернет-аукцион, сколько нам причитается. Там-то я и выяснил, что на продажу выставлена копия жезла рейхсмаршала Германа Геринга. Точная копия того самого жезла, который я оставил в военном музее в форт-Беннинге. Когда я рассказал об этом мистеру Бленнерхасситу, он страшно разозлился. Буквально впал в ярость. И позвонил в Нью-Йорк человеку по имени Хайман Страсберг — это ювелир, который делал копию по его заказу, потому что было очевидно, что этот Страсберг сделал не одну копию, а две. И оставил одну себе, чтобы выставить потом на аукцион. Но трубку снял никакой не Страсберг. Гарри Бленнерхассит наткнулся по его номеру на нью-йоркского полицейского, и тот сказал, что Хайман Страсберг умер. И не просто так, а от укуса ядовитой змеи. Гарри сказал, что ему очень жаль, но следствию он помочь ничем не может. Да и правда — чем он мог им помочь? Ну, выходит, произошел нелепый такой несчастный случай. Не то чтобы в Нью-Йорке вовсе не водятся ядовитые змеи. Водятся, еще как. Есть полосатый гремучник, цепочный карликовый — тоже гремучник, а еще медноголовый щитомордник, или попросту мокасиновая змея. По улицам они, конечно, не ползают, согласен, но в штате Нью-Йорк змеи водятся. Начнем с того, что даже здесь, на острове, я мокасинку видел. По крайней мере, думаю, что это была она.

Филиппа опасливо огляделась. Она не любила змей почти так же сильно, как летучих мышей и пауков.

— Ты, похоже, много всего знаешь о змеях, — сказала она Дыббаксу.

— О змеях? Это точно. У меня дома вообще-то есть сосновая змейка, Джорджем зовут. А раньше я держал гремучника по имени Райан, только он сбежал, уполз в канализацию.

— И как теперь умываться?! — ужаснулась Филиппа.

— Я всегда любил змей, — продолжал Дыббакс. — Потому-то мне так нравилась эта акварель, «картина Компании». Там была изображена змея. Но я об этом даже не вспоминал, пока не вернулся домой от Бленнерхасситов. И тут мне пришло в голову, что, возможно, есть связь между этой картиной и змеей, которая убила мистера Страсберга. Поэтому после ужина я снова пошел к Брэду. Только подошел к их дому, сразу понял: дело — труба.

Дыббакс глубоко вздохнул и помрачнел. Когда он снова заговорил, в глазах у него стояли слезы.

— Вещи все были разбросаны, как после ограбления. Жезла

на месте не оказалось, но рисунки, как ни странно, не тронули. А потом я нашел их обоих. — Дыббакс сглотнул слезы. — Брэда и его папу, Гарри. Мертвых. Лица у них были совершенно синие, а глаза красные. Поэтому, ну и из-за этой истории с Хайманом Страсбергом я решил, что причина… та же… укус ядовитой змеи. — Голос Дыббакса дрожал все сильнее. — Я пригляделся и нашел отметины от зубов у них на руках и ногах. Много отметин. Как будто каждого змея укусила по нескольку раз. — Он покачал головой и стер со щеки слезу. — В общем, я захватил все рисунки и дал дёру. Сначала домой. Послал вам письмо по электронке, а потом сотворил смерч и — прямиком сюда, на остров Баннерманна. Бабушка гостит у моей матери, поэтому я и решил, что здесь меня искать никто не станет. — Он пожал плечами. — Ну вот и вся история. Потом приехали вы.

— Интересно, так ли это, — сказала Филиппа.

— Каждое слово, клянусь!

— Я не об этом, — отмахнулась Филиппа. — Я насчет того, что тебя здесь никто не будет искать.

— Тебя вообще-то полиция ищет, — сказал Джон. — Для допроса.

— Пускай ищут, — сказал Дыббакс. — Я не готов с ними разговаривать. Думаете, они мне поверят? Я же ограбил военный музей! Они меня наверняка арестуют.

— А где ты был, когда умер Макс? — спросила Филиппа.

— Спал.

— Наверху?

— Нет. За органом есть тайная комната, оттуда и орган можно включать, чтобы он играл сам по себе, и входную дверь открывать закрывать с помощью пульта дистанционного управления. Там и кровать есть. Я всегда там сплю, когда у бабушки гощу. Я эту тайную комнату с самого детства обожаю.

— Ты долго проспал? — спросила Филиппа.

Дыббакс пожал плечами:

— Десять часов. Или двенадцать. Я с этим смерчем совсем замаялся, приехал — и рухнул.

— А вой ветра в органе тебя не тревожил? — спросил Джон.

— Нет. В тайной комнате — как в бункере. Изнутри вообще ничего не слышно.

— Вот как! — произнесла Филиппа и, встав с дивана, подошла к мертвой горилле и начала осматривать ее конечности.

— Ты думаешь… — растерянно сказал Дыббакс и последовал за ней к телу Макса.

— Я, конечно, никогда раньше не видела мертвую гориллу, — сказала Филиппа. — И немного трудно распознать цвет кожи под

всем этим серебристо-черным мехом, но…

Девочка разогнула толстые пальцы на огромной кожистой руке и чуть не охнула: на ладони Макса явственно виднелись два черных прокола.

— Бакс, — сказала она. — Это похоже на укус ядовитой змеи?

— Да, — прошептал Дыббакс. — Укус.

— В таком случае, — начала Филиппа, — тот кто убил Бленнерхасситов и мистера Страсберга здесь уже побывал. Он искал тебя. И убил вместо тебя Макса. — Филиппа сняла очки и посмотрела на Дыббакса в упор. — Везучий же ты, Бакс. Очень везучий.

— Бедный старина Макс. — Дыббакс вздохнул. Он вновь не смог сдержаться, и по его щеке покатилась еще одна слеза. Мальчик смахнул ее резким движением, будто рассердившись на себя самого. — Макс всегда был настоящим, надежным парнем. Я всегда мог на него положиться.

Туг близнецы испуганно подскочили, потому что с книжного шкафа на широкую грудь мертвого Макса спрыгнул большой черный кот.

— Не волнуйтесь, это Хендрикс. — Дыббакс взял кота на руки и уткнулся носом в его шерсть, как показалось Филиппе — ища утешения. — Он принадлежал Бленнерхасситам.

— Ты взял их кота? — изумился Джон.

— Спас, в сущности. Я же не мог бросить беднягу, сами понимаете. Полиция наверняка сдала бы его в местный приют для брошенных животных. А там… ну, в общем, жизнь в таких заведениях — не сахар.

— Да, конечно, — сказала Филиппа. А потом повторила: — Конечно! — уже совсем иным тоном, поскольку ей пришла в голову новая мысль — Хеидрикс должен точно знать, что случилось! Он же все видел! И здесь, и в Палм-Спрингс! Надо только его спросить!

— Ты хочешь сказать, что мы должны наделить его даром речи? Как бабушка сделала с Максом?

— Да, Бакс, но от нас с Джоном проку нет, — сказала Филиппа. — Для нас еще слишком холодно. Но ты и сам наверняка справишься. Нет? Почему?

Дыббакс покачал головой.

— С тех пор как я прибыл на остров, я вообще никакой джинн-силы не чувствую, — признался он. — Я и не пробовал почти. Мой смерч все соки из меня выжал, я еле приземлился. Здесь, на Восточном побережье, намного холоднее, чем на Западном. Я об этом совсем забыл. — Дыббакс нежно погладил кота. — Но даже будь у меня джинн-сила, я не уверен, что смог

бы заставить кота говорить. У меня мало опыта. Чтобы дать животному речь, нужен взрослый, матерый джинн, такой, как бабка Фелиция.

— Понятно, — сказала Филиппа. — Тогда можно попробовать вселиться в этого кота! Это-то мы все умеем. Первое, чему тебя учат, когда выясняется, что ты джинн, — это умение принять облик какого-нибудь животного. Стань я ненадолго этим котом, я, наверно, смогла бы прочитать его мысли. Проникнуть в его память. От него мы точно узнаем, что и как произошло.

— Почему я сам до этого не додумался? — оздаченно произнес Дыббакс.

— Потому что ты не такой умный, как моя сестра, — сказал Джон.

— А сауна в этом доме есть? — продолжала Филиппа. — Или какой-нибудь другой способ согреться, чтобы восстановить джинн-силу?

— Сауна? В этой старой дыре? — Дыббакс горько рассмеялся. — Нет даже душа. Есть множество ванн, но нет горячей воды. Макс так и не овладел навыками слесаря-водопроводчика. У горилл на такие дела не хватает терпения. А Фелиция не очень-то любит мыло и воду. Она содержит себя в чистоте с помощью джинн-силы. Говорит, что это омолаживает кожу. Она совершает что-то вроде самооблучения: исторгает большое количество тепла, и это тепло уничтожает всю грязь и бактерии на ее коже. Опять же — на такое способен только взрослый джинн. Я однажды наблюдал, как она это делает. На мгновение все тело как бы загорается. Стоящее зрелище.

— У меня есть идея, — сказал Джон, зевнув, поскольку час был уже очень поздний. — Утром первым делом мы построим в саду потогонный домик, как у индейцев. Это такая штука, благодаря которой коренные американцы всегда были чистыми. Там и согреемся. Не сауна, конечно, но джинн-силу восстановить поможет.

— Почему я сам до этого не додумался? — озадаченно произнес Дыббакс.

— Потому что ты не такой умный, как мой брат, — сказала Филиппа.

Утром они развели огонь в огромном камине, а потом положили среди горячих углей несколько больших камней. Пока камни грелись, бедного Макса похоронили в саду.

Похороны были скромные, без гроба и всяких религиозных церемоний. Джон с Дыббаксом вырыли неглубокую могилу, Филиппа нарвала цветов. Дыббакс дрожащим голосом сказал над

свежезасыпанной могилой несколько слов.

— Гориллы умеют хитрить, они так себя ведут и на природе, в стае, но они никогда не лгут, — сказал он. — Даже те гориллы, которые умеют говорить. Они просто не знают, что такое ложь. И поэтому они лучше многих знакомых мне людей. Не говоря уж о джинн. Если горилла тебя полюбила, то навсегда и безоговорочно. Вот и получается, что они очень верные. Моя бабушка, наверно, сказала бы сейчас, что Макс был ее лучшим другом… за всю жизнь. Я могу сказать почти то же самое. Макс позволял мне оставаться здесь, не задавал никаких вопросов и лезть с советами тоже не порывался. И это типично для старых, опытных горилл. Потому из них получаются такие хорошие дворецкие. В отличие от людей, которые от природы болтливы, гориллы — существа сдержанные и умеют уважать чужие тайны.

Филиппа вдруг поняла, что, произнося эти слова, Дыббакс смотрит на нее в упор. Неужели он догадался, как сильно ей хочется узнать тайну его сестры, Фаустины?

— Мне очень жаль, что так случилось, Макс — добавил в заключение Дыббакс. — Честное слово. Мне будет недоставать тебя, приятель. Ты был настоящим джентльменом.

И тут, к удивлению Филиппы, Дыббакс вытер глаза чистым носовым платком. Нет, его слезы ее уже не удивляли. Но чистый носовой платок у Дыббакса — это настоящая неожиданность.

После похорон дети срубили несколько тонких деревьев и установили посреди лужайки подобие вигвама. Сверху на эту конструкцию они набросали множество ковриков и старых одеял, и в конце концов вигвам оказался неплохо изолирован от прохладного наружного воздуха. Потом они вырыли в земляном полу неглубокую яму, перенесли туда горячие камни из камина, плеснули на них холодной водой, и она тут же обратилась в пар. Таким образом температура в их импровизированной сауне быстро поднялась, и вскоре там стало жарче, чем в тропических джунглях. Раздевшись до нижнего белья, трое юных джинн залезли внутрь.

Постепенно горячий воздух согрел их тела до самого мозга костей и разжег тот особый, благородный огонь, который горит в каждом джинн, не причиняя им никакого вреда. Огонь все разгорался, и наконец друзья почувствовали, что их джинн-сила полностью восстановилась.

— Так-то лучше, — сказал Джон, подливая воды на камни и поднимая температуру в вигваме еще выше. — Теперь я бы, наверно, смог даровать три желания любому, даже самому жадному человеку в мире.

— Так кто будет вселяться в Хендрикса? — спросил Дыббакс.

— Он теперь твой кот, — отозвалась Филиппа. — Попробуй сам.

— Да, но это была твоя идея, — сказал Дыббакс — Кроме того, если честно, мне будет тяжело видеть то, что случилось с Брэдом и его папой. И тем более с Максом. Они были моими друзьями.

Филиппа кивнула.

— Понимаю. — Она пожала плечами. — Ладно, давай я.

— Сейчас принесу кота, — сказал Дыббакс, выползая из вигвама. — Одна нога здесь, другая там. Жди.

— Договорились.

После того, как джинниоры теряют зубы мудрости и проходят Таммуз, обряд посвящения в мир джинн, их первым делом обучают принимать чужой облик — и животных и людей. Филиппа уже имела некоторый опыт такого рода: она побывала в обличье верблюда, белки и даже египетского полицейского. Услышав, что Дыббакс вернулся к вигваму, она закрыла глаза, сконцентрировала в свою джинн-силу в одной точке в центре лба, чтобы, когда она произнесет слово-фокус, вся ее сила собралась воедино, точно лучи солнца, собранные выпуклой линзой.

— ПОПРИТРЯСНООТПРИПАДНОфАНТАПРИСМАГОРИЯ!

Как только Джон услышал, что сестра произнесла свое слово-фокус, он выполз наружу — Понаблюдать за котом.

Через пару секунд Джон с Дыббаксом услышали из кошачьей корзины громкое мяуканье: Филиппа сообщила, что она уже внутри Хендрикса.

Девочка пробыла там довольно долго, поскольку, хотя память у кошек весьма избирательна, она тем не менее почти в двести раз лучше, чем у собак, и сохраняет ясные картинки целых две недели, то есть даже дольше, чем память орангутанга. Наконец Филиппа выползла из вигвама уже в собственном обличье. Глаза ее были изумленно распахнуты, она даже присвистнула от удивления.

— Я понятия не имела, что у кошек такая захватывающая жизнь, — сказала она. — Знаменитая пословица про девять кошачьих жизней — абсолютная правда. Только они проходят не одна за другой, а одновременно. Все сразу.

— Не отвлекайся, — прервал ее Дыббакс. — Что ты узнала про Макса?

— Мы были правы. Макса убили тс же люди, которые убили Брэда и его отца. Эти люди прокрались в дом с корзиной, полной змей, и выпустили их на пол. Как только змеи покусали Брэда и его отца, люди вышли из укрытия и предложили им противоядие в обмен на то, что они искали. То же самое произошло и с

Максом.

— И что они искали? — спросил Дыббакс.

— Не жезл, — ответила Филиппа. — И не рисунки Леонардо. Они искали картину Компании. Ту, что ты получил в подарок.

— Я так и знал, — сказал Дыббакс. — Ты не поняла, зачем она им сдалась?

— Нет. Поняла только, что они готовы убить за нее всех и каждого. Мистер Бленнерхассит сказал им, что картина у тебя, Бакс, но они все равно не дали им с Брэдом противоядия. Ну а Макс им ничего не сказал.

— Добрый старый Макс, — прошептал Дыббакс.

— Но кто эти люди? — спросил Джон. — Ты разобралась?

— Думаю, ты, Джон, единственный из нас, кто видел их наяву. Они очень похожи на тех двоих, которые пытались обокрасть наш дом. В оранжевой одежде. С желтым узором на лицах. У одного из мужчин, которых я видела в памяти Хендрикса, был точно такой же медальон, какой мы нашли на полу библиотеки наутро после ограбления. Тот, что мама отослала Нимроду нутряной джинн-почтой.

— Жаль, мы так и не успели узнать, что это медальон, — сказал Джон и на мгновение задумался. — Но те двое искали не картину. Им были нужны наши зубы мудрости. — Он пожал плечами. — По крайней мере, так считала мама.

— Кто-нибудь объяснит мне, о чем речь? — спросил Дыббакс.

И близнецы рассказали Дыббаксу, как их дом на Восточной Семьдесят седьмой улице пытались ограбить и как они нашли на месте неудавшегося грабежа медальон с коброй.

— Кобра? — удивился Дыббакс. — Змея на картине Компании — тоже кобра. Королевская кобра.

— Бакс, послушай… Змея, которую ты видел здесь, на острове Баннерманна… — начала Филиппа. — Не думаю, что это была мокасинка. Скорее всего, это тоже была кобра. Когда я находилась в теле Хендрикса, я заметила, что одна из змей уползла и убийцам пришлось уехать без нее. Именно поэтому Хендрикс теперь не слезает с книжного шкафа.

— По-моему, Бакс, теперь самое время взглянуть на эту картину, — сказал Джон. — На твой милый подарочек.

Они уселись в гостиной перед пылающим камином. У их ног лежала картина: акварель с изображением Индии времен британского владычества. На заднем плане на вершине утеса живописно расположился большой розовый форт, на переднем плане несколько индийцев с довольно свирепыми физиономиями танцевали вокруг большой, раздувшей капюшон кобры, которая

поднялась и раскачивалась на хвосте и была поэтому почти такого же роста, как люди. Трое джинниоров разглядывали картину довольно долго, перебирая одну версию за другой.

— Странно, что Герман Геринг так запал на змей, — заметил Джон. — Получается, что его и этих оранжево-желтых людей интересовала одна и та же вещь.

— Про Геринга мы твердо знаем одно, — сказала Филиппа. — Его интересовало то, что стоит денег. Дорогие картины. Алмазы. Золото. Все ценное.

— Ну, разве эта картина ценная? — Дыббакс вздохнул. — Полторы тысячи долларов всего-то. Так сказал эксперт из музея.

— Эксперты тоже могут ошибаться, — возразил Джон.

— Но все-таки вряд ли эта картина стоит больше, чем рисунок Леонардо, — сказала Филиппа. — А ты как думаешь?

— Конечно не стоит. — Джон небрежно, точно газету, поднял акварель и принялся тщательно рассматривать детали. — Нет, не похоже, — пробормотал он.

— Осторожней, Джон, — сказала ему сестра. — Ты стоишь слишком близко к огню.

Но Джон не слушал. Он пытался разглядеть что нарисовано на медальонах, болтавшихся на шеях танцующих индийцев, и даже не замечал, что оказался совсем рядом с камином и бумага, на которой написана старинная акварель, постепенно нагревается.

— Джон! Осторожно! Сгорит! — Филиппа вы хватила акварель из рук брата буквально в последний момент, через секунду бумагу бы опалил огонь. Она начала ругать Джона за беспечность, но вдруг осеклась. — Погодите-ка, — сказала она. — С картиной что-то происходит.

Все сгрудились вокруг картины. Филиппа была права. С картиной, точнее, с бумагой, на которой она была нарисована, в самом деле происходило что-то необыкновенное. Над изображением розового форта начал проступать рад символов — вроде невидимого сообщения, вдруг ставшего видимым благодаря нагреванию.

— Ничего себе! — воскликнул Джон. — Секретное письмо.

Филиппа снова поднесла картину поближе к огню и стала тщательно прогревать ее по всей длине и ширине, чтобы ни один символ из сообщения не остался невидимым. Наконец, все буквы проступили, и, положив картину обратно на пол, они принялись рассматривать ее самым внимательным образом.

— Это не письмо, — сказал наконец Дыббакс. — Это ряд танцующих змей.

— Какие-то загогулины, — заметил Джон.

— Будь это просто загогулины, никто не стал бы рисовать их симпатическими чернилами, — возразил Дыббакс.

— И убивать ради загогулин кучу людей, — добавила Филиппа. — Нет, совершенно ясно, что эти змеиные танцы означают что-то важное.

— Может, это шифр? — предположил Джон.

— Точно! — воскликнула Филиппа. — И нам придется его разгадать, если мы хотим раскрыть все эти убийства и тайны. — Она вздохнула. — Зачем только господин Ракшас уехал на праздники? Он бы наверняка помог нам понять, что изображено на картине. А может, он даже знает, кто были эти люди.

— Хорошо, что он уехал ненадолго, — подхватил Джон. — Ведь Джалобин сказал, что его лампа осталась в Лондоне?

— Верно! Значит, он быстро вернется!

— В таком случае, — сказал Джон, — они с Нимродом уже будут дома, когда мы туда доберемся. В Лондон.

— В Лондон? — воскликнул Дыббакс. — Вы собрались в Лондон?

— Ты хочешь остаться здесь? — удивился Джон. — Люди, которые убили Макса, могут вернуться.

— Но как мы туда попадем? Над Атлантикой жуткий холод. Я не собираюсь снова лететь на смерче и рисковать жизнью.

— Существуют другие способы передвижения, Бакс, — сказала Филиппа. — Даже джинн летают на самолетах.

— Тогда нам понадобятся деньги, паспорта, билеты, одежда. И что будет с Хендриксом? Одного его на острове не оставишь и в самолет с собой не возьмешь.

— Придумал, — сказал Джон. — Помнишь лодочника из клуба? — спросил он сестру.

— Конечно, — сказала она. — У него умер кот. И он говорил, что ему очень одиноко.

Джон кивнул.

— Точно. И человек он, похоже, добрый. Думаю, он заберет кота, даже будет рад.

— Ладно, — согласился Дыббакс. — Это и вправду выход.

— Тогда осталось только решить вопрос с билетами, деньгами и одеждой. — Джон взял камень и положил его в горячие угли. — Похоже, наш вигвам нам еще послужит.

Глава 6
Зеленый дервиш

Прибыв из Лондона в Калькутту в поисках культа Девяти кобр, Нимрод и господин Ракшас быстро покинули прохладный, кондиционированный аэропорт и радостно окунулись в индийское пекло, подставив лица резкому сухому ветру. До полудня было еще далеко, но температура уже достигла 47 градусов, что идеально для джинн и почти невыносимо для мундусян. Путешественников не беспокоили даже мухи — по одной простой причине: насекомые не любят вкус джинн-крови, ибо она сильно отдает серой. Зато отпугнуть калькуттских нищих было не так-то просто: на каждом светофоре ребятишки, облепив автомобиль, на котором Нимрод и господин Ракшас ехали к гостинице, настырно клянчили монетки. Кроме того, на пути джинн то и дело появлялись приверженцы какого-нибудь местного культа, совали в окно рекламные листки и расписывали многочисленные достоинства медитации, йоги или аюрведы.

Джинн провели ночь в самом просторном номере «Гранд-отеля», а наутро, когда город еще спал, продолжили путь на смерче. (Именно смерч — самый естественный способ передвижения для джинн. Любой уважающий себя джинн скорее застрелится, чем согласится путешествовать на допотопном ковре-самолете, слишком уж это избито.) Направлялись Нимрод с Ракшасом недалеко, на Сагар — один из островов, лежащих в дельте священной реки Ганг. Там находится Храм девяноста пяти куполов.

— Меня всегда занимало это название, — заметил Нимрод, направляя смерч к берегу большого озера, расположенного позади храма. — Я пересчитывал купола несколько раз и точно знаю, что их сто одиннадцать.

— Храм строили скромные, смиренные мундусяне, — ответил господин Ракшас. — Уверен, они просто не хотели, чтобы их сочли за хвастунов. Если сказать, что в храме девяносто пять куполов, когда на самом деле их сто одиннадцать, — это проявление большой скромности. Да и вообще, в этой части мира умение считать никогда не считалось большой добродетелью. Одна рупия, заработанная честным трудом, всегда стоит тысячи рупий, заработанных неизвестно как.

Едва приземлившись, Нимрод и Ракшас сорвали несколько больших листьев водяной лилии поставили на них зажженные свечи и положили рядом по горсти разноцветных мармеладных

драже, с фасолину каждая, которые господин Ракшас приобрел перед отъездом в магазине сладостей в Лондоне. Потом они подтолкнули листья, и небольшая флотилия выплыла на середину безмятежно спокойного, прекрасного озера.

Пока они ждали результата, Нимрод ссыпал себе в рот пригоршню драже.

— Я и забыл, как это вкусно, — сказал он господину Ракшасу.

— Вы просто сластена, Нимрод, и это ни для кого не тайна. Но хватит, не ешьте больше, иначе мне нечем будет угостить его, если окажется, что он уже съел все посланные ему конфеты.

— Зеленый дервиш так любит драже?

— Обожает. Особенно зеленые. Думаю — за незатейливый вкус.

Наконец на горизонте возник силуэт. Тот, кого они ждали, сидел на дельфине, но не верхом, а по-турецки, для чего требуется немалая ловкость. Дельфином он управлял с помощью длинной черной трости. На нем была лишь узкая оранжевая набедренная повязка и точно такого же цвета цветочная гирлянда на шее. Зеленый дервиш вполне соответствовал своему имени, потому что кожа его была не просто темно-коричневой, а с отчетливым зеленоватым оттенком. Он обладал могучим телосложением, был красив и чисто выбрит, а длинные черные волосы спускались до колен и ложились на них волнами, так что с виду Зеленый дервиш, который в действительности был ангелом, больше походил на борца. Он подплыл совсем близко к берегу, где стояли джинн, но с дельфина не слез.

Господин Ракшас соединил ладони у сердца и поклонился.

— *Намаете*, — поздоровался он на языке хинди. Нимрод сделал то же самое.

— *Намаете*, — ответил Зеленый дервиш. Он коснулся мизинцем маленького зеленого изумруда, сиявшего у него во лбу, и наставил мизинец на гостей. На несколько мгновений их окутал теплый зеленый свет, проникая до мозга костей и зажигая тайный огонь в их душах.

— Спасибо, — сказал господин Ракшас. — Приятнейшее ощущение.

— Тебе спасибо за драже. Еще есть?

Господин Ракшас передал ему последний пакетик и снова поклонился.

— Это мой добрый друг Нимрод, — сказал он.

Нимрод поклонился еще раз.

— Говорите, — разрешил Зеленый дервиш и положил в рот еще одно драже.

— Нам нужны некоторые сведения… — начал господин

Ракшас.

— О культе Девяти кобр? — спросил Дервиш, поскольку, в отличие от джинн, ангелы умеют читать мысли. — Да, понимаю. И предположения твои были верны. Этот культ развился из культа восьми кобр, существовавшего много лет назад.

— Ты, как всегда, понимаешь все с полуслова. — Господин Ракшас любезно улыбнулся Зеленому дервишу. Но Ракшас прибыл сюда не только за подтверждением своих предположений. В немундусянском мире существуют тончайшие правила дипломатии, и пренебречь ими было никак нельзя. Жизнь в Индии зиждется на традициях и обычаях, соблюдать которые обязаны все, в том числе джинн. В сущности, господин Ракшас и Нимрод просили у Зеленого дервиша не столько совета, сколько разрешения пользоваться джинн-силой на древней земле Индии.

— Я не люблю эти злые культы так же сильно, как и ты, мой старый друг Ракшас, — сказал Зеленый дервиш. — Но не любить и уничтожать — это вовсе не одно и то же. Даже такой старый и опытный джинн, как ты, должен вести себя очень осторожно. Жители этой страны считают змей священными животными и верят, что они приносят дождь и что умерший от укуса ядовитой змеи обязательно воскреснет. Такие культы привлекают людей слабых и доверчивых, а их в этой замечательной стране очень много.

Господин Ракшас кивнул.

— Я думаю, что оружие, которое ты не взял в руки, не убьет змею, — сказал он. — Кроме того, я ищу вовсе не змей, а тех дьяволов, которые их разводят.

— Я помогу вам по мере сил, — сказал Зеленый дервиш. — Но сначала я тоже хочу попросить вас кое о чем, джинн, поскольку клятва не позволяет мне оставить эти места даже ненадолго. Я прошу избавить нас от двух *багхо бхут*Они убили много людей в наших местах. Несколько сот человек. В общем, много. Они чрезвычайно агрессивны и, похоже, любят не столько есть человечину, сколько убивать людей.

— *Багхо*? — переспросил Нимрод — Это слово по-бенгальски означает «тигр». Верно? Тогда вам нужны не мы, а охотники на тигров, сэр.

— Это вовсе не обычные тигры, — настаивал Зеленый дервиш. — Они всегда охотятся парой. Я говорил с Бонобиби, ангелом леса, и она сказала, что они фактически джинн, которые предпочли вселиться в тела этих двух людоедов. Вероятно, поэтому местные жители называют их *бхут*. Призраки. — Он пожал плечами и положил за щеку еще одно драже.

— Говоришь, пара тигров? — сказал господин Ракшас. — А я

вот когда-то слышал о паре крокодилов, в которых вселились злые джинн, обожавшие вкус человеческой плоти. Это случилось в одной деревне неподалеку отсюда. — Он глубокомысленно погладил бороду. — Крокодилов, насколько мне известно, так и не поймали. Может, это те же два джинн, и они вздумали поменять обличье? Впрочем, это к делу не относится.

— Что ж, чувствую, задача вам по плечу, — сказал Зеленый дервиш. — Я всегда говорю: чтобы поймать джннн, позовите джинн.

— Мы подумаем, что можно сделать, — согласился господин Ракшас.

— Приходите, когда разделаетесь с тиграми, и мы продолжим разговор. Но помните, что в этой стране тигров уважают не меньше, чем змей. — Хлопнув в ладоши, Зеленый дервиш вызвал трех священников из Храма девяноста пяти куполов. — Священники покажут вам, где искать тигров. — Дервиш дотронулся тростью до головы дельфина и уплыл, продолжая жевать драже.

Нимрод удивленно вздернул брови:

— Что это за охота, если мы не имеем права убить тигров? И как нам при этом остаться в живых?

— Есть много способов… — заметил господин Ракшас и, усевшись на траву, принялся думать о том, как заполучить шкуру неубитого кота.

Трех священников из Храма девяноста пяти куполов звали господин Чаттерджи, господин Мухерджи и господин Баннерджи. Все трое были в белых одеждах, какие носят *садху*, индусские отшельники. Они сели вокруг господина Ракшаса и терпеливо ждали, пока он закончит обдумывать свою мысль.

— Где и когда они в последний раз напали на людей? — наконец спросил Ракшас, обращаясь к священникам. — Я имею в виду тигров-призраков, *багхо бхут*.

— Сегодня утром, — сказал господин Чаттерджи.

— В семь часов, — уточнил господин Мухерджи.

— Они напали на крестьянина. Он собирал мед примерно в пяти километрах отсюда, — добавил господин Баннерджи.

— Значит, нам не нужно идти далеко, — сказал господин Ракшас. — И это хороший знак, ибо только дурак проделает длинный путь, чтобы встретить голодного тигра. Что это за место? Где они убили сборщика меда?

— Возле рыбацкой деревни, — сказал господин Чаттерджи.

— В болоте, что в мангровом лесу, — уточнил господин Мухерджи, который никогда не отвечал первым, а только после

господина Чаттерджи.

— Это дурное место для людей, — добавил господин Баннерджи, который всегда говорил последним. — Но очень хорошее место для тигров.

— Нам понадобится лодка, — сказал господин Ракшас.

— У нас есть катер.

— Пятнадцать метров длиной.

— С двигателем мощностью двадцать лошадиных сил.

— Превосходно. — Господин Ракшас встал, готовый к действию. — Нам также понадобятся две большие жестяные ванны, девять литров козьего молока, шесть бутылок черного рома, шесть бутылок бренди и пара килограммов сахара.

Священники переглянулись, снова посмотрели на господина Ракшаса и по очереди пожали плечами.

— Господин Ракшас, вы же помните, что мы прихватили с собой кое-какие запасы из нашей гостиницы в ФЫВАПРОЛДЖЭ, — сказал Нимрод. — Так что все необходимое у нас имеется! Или вы забыли, господин Ракшас?

— Да, действительно забыл. — Господин Ракшас заговорщицки улыбнулся Нимроду. — Мы же взяли с собой все, что нужно! Напомните-ка мне, Нимрод, где мы все это оставили?

— Я рискнул оставить наши припасы на катере, который принадлежит храму. — Нимрод улыбнулся трем священникам. — Надеюсь, никто не возражает.

Священники поклонились Нимроду, словно все происходящее было в порядке вещей.

— Тогда надо поторопиться, — сказал господин Ракшас. — А то молоко скиснет на этой жаре.

Господин Чаттерджи взял на себя управление катером; господин Мухерджи принялся изучать карту Сундербанса — конечной цели их пути; господин Баннерджи пристроился на корточках на самой корме, чтобы тигры, которые порой гоняются за лодками и хватают неосторожных рыбаков, не застали их врасплох.

Сундербанс — самый большой мангровый лес в мире, огромная заболоченная территория, где проживают более тысячи бенгальских тигров. Звучит внушительно, если забыть о том, что когда-то тигров было примерно в двадцать раз больше. Многие из здешних тигров стали людоедами вовсе не потому, что в лесу нет другой пищи, а потому, что им по душе именно человечина. Если человек нечаянно забрел в мангровый лес, он — желанная и легкая добыча для голодного тигра. Чаще всего жертвами тигров становятся женщины и дети. Местные жители к этому давно

привыкли и даже удивляются, если человек вернулся из лесу целый и невредимый.

Место, где тем же самым утром двое тигров задрали сборщика меда — о чем свидетельствовали многочисленные следы на заболоченном берегу, — было отмечено шестом, на который кто-то водрузил перевернутый горшок для меда. Увидев шест, господин Чаттерджи выключил двигатель и направил длинный, узкий катер к берегу. Уже начинало темнеть, и джинн понимали, что трем священникам ужасно не по себе, потому что тигры выходят на охоту в мангровом лесу именно в сумерки. Как только священники выгрузили из катера все припасы, Нимрод велел им отчаливать.

— Возвращайтесь за нами на рассвете, — сказал он.

— Мы не можем оставить вас здесь, — возразил господин Чаттерджи.

— Это очень опасно, — добавил господин Мухерджи.

— Они вас убьют и съедят, — пояснил господин Баннерджи.

— Не волнуйтесь за нас, — твердо сказал Нимрод.

— Но у вас нет ружья.

— У вас вообще нет никакого оружия.

— Как вы убьете тигров-призраков при помощи ванны с молоком?

— Мне это тоже небезынтересно, — признался Нимрод, перехватив лукавый взгляд господина Ракшаса.

Старый джинн захихикал.

— И в драном мешке бывают добрые куры, — по обыкновению загадочно сказал он. — Теперь плывите домой, пока мы не передумали и не попросили вас остаться с нами на всю ночь.

Не на шутку перепугавшись, три священника тут же отбыли восвояси. Им явно не улыбалась перспектива провести ночь на тигриных болотах.

— Надо соорудить нечто вроде сторожевой вышки, — сказал господин Ракшас, когда звук мотора наконец затих. — Чтобы выследить тигров. Вышка должна быть метров пятнадцать высотой и, по возможности, замаскирована. На ней, пожалуйста, установите прожектор. И пару удобных кресел. Еще обеспечьте нас чайком… И не забудьте очки или бинокль ночного видения.

Нимрод приступил к выполнению заказа господина Ракшаса, поскольку старый джинн в силу почтенного возраста уже не мог сотворить все это сам.

— ФЫВАПРОЛДЖЭ! — произнес Нимрод, когда наконец счел, что перед его внутренним взором возникла самая безопасная, самая незаметная и самая удобная сторожевая вышка. И внезапно

там, где прежде среди топи были только деревья и кусты, вознеслось ввысь удивительное сооружение, не рукотворное, а созданное направленным пучком джинн-силы. Подготовив ночное убежище, Нимрод стал наблюдать, как господин Ракшас смешивает в двух ваннах молоко и бренди, а затем доливает туда ром.

— Молоко для тигров, — бормотал господин Ракшас, добавляя к смеси почти полкило сахара. Он тщательно размешал коктейль и, зачерпнув из ванны целую чашку, предложил Нимроду попробовать.

— Довольно вкусно, — сказал Нимрод. — Немного похоже на коктейль «Бренди Александр».

— Надеюсь, тигры-призраки с вами согласятся. Я не мог придумать лучшего способа задержать их здесь на столько времени, сколько нам с вами понадобится, чтобы поступить с ними по-настоящему джинниально. Они этого заслуживают, ведь они тоже джинн. Если мой план сработает, а я очень на это рассчитываю, вы сможете потом закатать их в этот достойный сосуд. — Ракшас показал Нимроду стальной термос, который он прихватил с катера.

Обступая мангровый лес все теснее и теснее, темнота сжимала его, точно большая черная липкая перчатка, — целиком, вместе со множеством ночных шумов, шорохов и шелестов. Господин Ракшас и Нимрод восседали в шезлонгах на открытой площадке вышки, наблюдая за звездами и луной, наслаждаясь духотой и жаром, исходившим от земли даже ночью. Кроме летучих мышей, их никто пока не беспокоил. Джинн не разговаривали, а так — изредка перешептывались. Когда же лес вокруг окончательно затих, Нимрод почувствовал: вот-вот начнется… Взглянув во мраке на господина Ракшаса, Нимрод увидел, что старший джинн кивнул ему и прижал палец к губам.

Нимрод замер. Но мурашки продолжали бегать по всему его телу, а волосы встали дыбом. От земли веяло мясом, кровью и смертью. Потом в густом подлеске возникло движение — под сторожевой вышкой явно двигалось что-то большое. Шли секунды, минуты. Затем низкое рычание, похожее на звук мотора небольшого мотоцикла, вспороло липкий мрак. Тигр, точно. Но тот ли тигр, который им нужен? Тигр-джинн? Тигр-призрак? В темноте не разглядишь.

Потом чуть в стороне раздался второй рык, и господин Ракшас поднял вверх два пальца. Там внизу два тигра. Вообще тигры всегда охотятся в одиночку, и пара тигров-охотников — большая редкость. Должно быть, это все-таки те, кого они ждут.

Прошло еще несколько минут. Затем наверх долетел другой звук — всплеск. Потом еще и еще. Точно большой язык лакал какую-то жидкость. Так, теперь другой. Сомнений нет. Тигры пьют приготовленное для них молоко! Господин Ракшас усмехнулся. Его план сработал.

— Теперь осталось недолго, — шепнул он на ухо Нимроду.

Лакание становилось все громче, сопение и довольное урчание усиливались, потому что уровень молока снижался и головы двух тигров погружались все глубже в жестяные ванны, отчего звуки разносились по всему мангровому лесу гулким эхом. Пьянея, тигры все равно лакали жадно и не останавливаясь выпили все до последней капли. К этому моменту они опьянели вконец и, что-то не поделив, сцепились в жестокой схватке, но вскоре утомились и, громко зевая, повалились на землю — спать.

Заслышав звериный храп, господин Ракшас включил прожектор и направил пучок света на подножие сторожевой вышки. Там распластались два огромных тигра, больше трех метров длиной. Весили они, наверно, килограммов по триста. Но наиболее примечательным был не размер, а совершенно не тигриный цвет этих тигров. Они были не полосатыми, а почти черными.

— Занятно, — произнес Нимрод, спускаясь с вышки. — Черные тигры, каково? Но это, конечно, объясняет, почему их называют тиграми-призраками. Ночью они, наверно, практически невидимы.

На земле двое джинн-людей смогли внимательно осмотреть двух джинн-тигров, благо ром и бренди сделали свое дело.

— Здорово они налакались, — сказал Нимрод. — Когда проснутся, наступит настоящее похмелье с жуткой головной болью. Не хотелось бы попасться им под горячую руку… то есть лапу.

— Да уж, — согласился господин Ракшас. Опустившись на колени около одного из распростертых тигров, он исследовал его клыки. Потом осмотрел пасть второго. — Полагаю, эти тигры — близнецы, — сказал он наконец.

— Тогда и вселившиеся в них джинн — тоже близнецы.

Господин Ракшас кивнул.

— В тех двух крокодилов, которых я упоминал, когда мы говорили с Зеленым дервишем, как мне помнится, тоже вселилась пара близнецов из джинн-клана Гуль. Это наводит на мысль, что мы имеем дело с теми же самыми джинн, которым просто надоело быть крокодилами. Теперь они стали тиграми, вероятно, в поиске острых ощущений. — Он покачал головой. — С тех пор прошло немало лет, почти пятьдесят, так что имен их я не помню.

— Это уже не важно, — отозвался Нимрод, который уже благополучно поместил двух джинн-тигров в стальной термос. Теперь он прикрепил на термос этикетку с лаконичным текстом: ДЖИНН-БЛИЗНЕЦЫ. ОБРАЩАТЬСЯ С ОСТОРОЖНОСТЬЮ.

— Что ж, будем надеяться, что тайна останется под крышкой, — сказал господин Ракшас. — И я сейчас говорю не о термосе. Нимрод, а о нашей главной миссии. Уверен, что завтра местные жители устроят настоящий праздник с песнями и плясками в честь освобождения Сундербанса от тигров-призраков. Главное, чтобы священники не додумались, кто на самом деле их спасители, и не растрезвонили об этом на всю округу. Будет очень печально, если культ Девяти кобр узнает, что мы, в сущности, уже висим у них на хвосте.

Глава 7
Где найти тепло?

В Лондоне шел снег, когда Джон, Филиппа и Дыббакс прибыли из Нью-Йорка в надежде увидеть господина Ракшаса. Такси доставило их из аэропорта Хитроу к знакомому дому у Кенсингтонского сада. Пока Джон расплачивался с водителем, а Дыббакс перетаскивал их скромный багаж на крыльцо, Филиппа уже позвонила в дверь. Никто, однако, им не открыл. Джон схватил дверной молоточек, имевший форму кулака, и несколько раз громко постучал, а затем, присев, заглянул в дом через щель для писем. Прошла минута, другая, но дом хранил молчание. Дыббакс уселся на свой чемодан и начал ворчать.

— Ну вот, добро пожаловать! — объявил он. — И что мы теперь будем делать?

Филиппа застегнула пальто и натянула на уши шапку.

— Будем ждать, — твердо сказала она. — Джалобин, вероятно, ушел в магазин или, скорее всего, за газетой. Если лишить его этого ежедневного удовольствия, он становится раздражительным, точно медведь, которому не дают сосать лапу, Джалобин скоро придет.

— А если он взял отпуск? — сказал Дыббакс. — Тогда он вернется не сегодня, а через много дней. Или не он, а хозяева. И найдут на пороге наши остывшие тела.

— Это еще не худший вариант, — сказал Джон.

— Что может быть хуже? — испуганно спросил Дыббакс. Он хоть и строил из себя бывалого и знающего парня, но сильно уступал близнецам в храбрости и бодрости духа. — У нас совсем не осталось денег. Джинн-сила наша здесь тоже не работает: слишком холодно. И спать нам сегодня негде. Что может быть хуже?

— Ты легко мог оказаться там, где пребывают сейчас твой друг Брэд и его отец, — сказал Джон. — А также дворецкий Макс и мистер Страсберг, ювелир из Нью-Йорка. Они ведь все погибли, помнишь?

Дыббакс призадумался и кивнул. Он не мог не признать, что Джон говорит вполне справедливые вещи.

— Кроме того, — добавил Джон, — я уверен, что Фил права. Джалобин вернется в любую минуту. Вернется, обнаружит нас здесь и скажет…

— Что, спрашивается, вы тут делаете? Эй, детвора, слышите? Какими судьбами?

Дыббакс поднял глаза и увидел высокого, полноватого мужчину в полосатых брюках, длинном черном пальто и шляпе-котелке, не вполне прикрывавшей лысину. В единственной руке он держал газету «Дейли телеграф». Это был Джалобин. Близнецы бросились его обнимать.

— Но что вы все-таки тут делаете? — повторил Джалобин. — Я же вроде ясно сказал, что его милость и господин Ракшас отбыли в неизвестном направлении.

— Мы надеялись, что, пока мы будем сюда добираться, Ракшас уже вернется, — сказала Филиппа.

— А от него ни слуху ни духу, — заявил Джалобин. — Ни от него, ни от мистера Нимрода. Ни ответа ни привета — с тех самых пор, как они уехали. — Он кивнул на Дыббакса. — Кто это с вами пожаловал?

— Это — Дыббакс, — ответил Джон.

Дыббакс закатил глаза и утробно, как фагот, заурчал. До чего же он ненавидел свое имя!

— Я — Бакс. Просто Бакс, хорошо?

— Бакс попал в жуткую передрягу, — продолжала Филиппа. — Сначала он ограбил музей на американской военной базе, украл работу Леонардо да Винчи, а теперь какие-то люди с ядовитыми змеями хотят его убить.

— Список исчерпан? — уточнил Джалобин. — Тогда вам лучше войти в дом. Прежде чем все вы умрете от холода. Вероятность смерти от холода в такой суровый апрельский день все-таки намного выше, чем от укуса ядовитой змеи. — Он отдал Филиппе газету. — Подержи-ка. — Он повернул ключ в замке и распахнул перед гостями дверь. — Впрочем, о змеях я знаю очень немного. Вот тигры! Тигры — это совсем другое дело.

Джалобин привел всех на кухню и, пока ставил чайник и готовил для них горячее питье, успел рассказать, как тигр откусил ему руку в библиотеке Британского музея. Близнецы прекрасно знали эту историю, но и в этот раз слушали как завороженные.

— Раз уж мы заговорили о библиотеках, — начала Филиппа. — У меня есть идея. Хотя сам господин Ракшас пока отсутствует, мы можем воспользоваться его библиотекой. Той, что внутри его лампы. Мистер Джалобин, ведь вы сказали, что он оставил лампу здесь, верно?

— Да, он отбыл в человеческом обличье, — сказал Джалобин. — И это на него совсем не похоже. А библиотека в лампе — его гордость и радость. Не то чтобы я видел ее собственными глазами… Но Нимрод говорил, что в ней больше десяти тысяч томов.

— Погодите, вы кое о чем забыли, — сказал Дыббакс. — Без джинн-силы мы никак не сможем попасть в лампу. В Англии ничуть не теплее, чем в Нью-Йорке. — Он поежился. — А в этом доме вообще колотун.

— Я предпочитаю прохладу, — заметил Джалобин.

— Не понимаю, как мы сможем попасть в лампу, если в доме нет ни сауны, ни паровой бани.

— Тут тебе что? — возмутился Джалобин. — Курорт с термальными источниками?

— Тогда мы должны соорудить еще один вигвам, — сказал Джон. — В саду за домом. Срубим там деревья, те, что помельче, а потом накроем каркас этими старыми коврами…

— Ни за что, — сказал Джалобин. — Вы меня поняли? Ни за что. Ишь выдумали! Они тут, без хозяина, деревья вырубят! Да еще его бесценные персидские ковры неизвестно на что употребят! Как ты назвал эту штуку? Вигвам? Так вот: этому не бывать. Я — дворецкий мистера Нимрода, и моя работа заключается в том, чтобы заботиться о его доме и о его саде, а не потакать беспутству и разрушению.

— Нимрод сказал, когда его ждать домой? — спросила Филиппа, полагая, что сейчас самое уместное — сменить тему. Она подождала пару секунд, но Джалобин не ответил, и девочка снова спросила: — Он за это время давал о себе знать?

Лицо Джалобина становилось все мрачнее и мрачнее. Он принялся поглаживать обрубок своей руки. Дети видели, что дворецкий нервничает.

— Мистер Нимрод не писал и не звонил, мисс Филиппа. — Джалобин покачал головой. — И ни он, ни господин Ракшас не говорили, когда возвратятся домой. Что на них, честно сказать, вовсе не похоже!

— И вы понятия не имеете, куда они уехали? — снова уточнил Джон.

— Вот все, что я знаю: Нимрод пришел от дантиста чем-то весьма взволнованный и вскоре объявил, что они с господином Ракшасом собираются в путешествие и что он, к сожалению, не может сказать мне, куда именно они поедут. При чем не скажет он это именно потому, что ни я, ни кто другой не должен совершать глупостей и следовать за ними — из соображений безопасности. Предполагаю, что к вам с Джоном это тоже относится, мисс Филиппа.

— Большое спасибо, — пробормотал Джон.

— Не за что.

— Может, еще что-нибудь припомните? — упорствовала Филиппа. — Ну, попробуйте представить, как он все это вам

говорил. — Заметив, что Джалобин выставил вперед подбородок, помрачнел еще больше и явно не хочет вспоминать неприятный разговор, она добавила: — Мистер Джалобин, они могли попасть в беду, так что важна каждая деталь.

— Ладно, мисс. — Джалобин на миг прикрыл глаза. — Если вы думаете, что это поможет.

— Ну как, вы уже видите его? — спросила она. — Внутренним взором?

— Что-то мой внутренний… гм… взор стал немного близорук, — признался Джалобин. — Так, погодите, кое-что вспомнил. Когда он говорил мне что они с Ракшасом уезжают, он вертел в руках какой-то предмет. Довольно примечательный камень — не то с картинкой, не то с узором.

— Похожий на этот? — Схватив карандаш, Джон быстренько изобразил на кстати подвернувшемся листе бумаги каменный медальон, который проглотила его мать. Джалобин открыл глаза, надел очки и уставился на рисунок.

— Верно, — сказал он. — Именно такой. Ну и что все это значит?

Джон рассказал ему о попытке ограбления и о том, как миссис Гонт послала Нимроду медальон, используя нутряную джинн-почту.

— Думаю, есть все основания предположить, что поездка Нимрода и господина Ракшаса напрямую связана с этим медальоном, — закончил он.

— А значит, нам просто необходимо попасть в лампу господина Ракшаса и воспользоваться его библиотекой, — добавила Филиппа. — Если мы узнаем, что это за медальон, мы поймем, куда они могли поехать. И отправимся следом.

Джалобин нахмурился.

— Я не уверен, что это самое мудрое решение. Недаром же хозяин говорил, что скрывает от меня свой маршрут, чтобы ни я, ни, соответственно, вы не могли за ним последовать. Для нашего же блага.

— Да, но он не знал про покушение на Дыббакса, — сказал Джон. — И подробностей взлома в нашем доме. Мы должны, просто обязаны ехать за ним следом. Пока мы не догоним Нимрода и Ракшаса, жизнь Дыббакса в опасности. И наша, возможно, тоже.

Дыббакс вздрогнул, но не от холода, а от ужаса. Он почти привык к тому, что его жизнь в опасности, но когда кто-то другой произнес это так ясно и внятно, он снова испугался. И снова вспомнил ужас, пережитый им в Калифорнии после убийства Бленнерхасситов.

До чего же страшно закончить свои дни как Макс или Брэд! Дыббаксу уже несколько раз снились кошмары с участием змей.

Джалобин наконец внял уговорам Джона и Филиппы. В них и вправду была своя логика. Детям действительно надо попасть в лампу господина Ракшаса. Но как им помочь?

— Так-так, — бормотал он. — Значит, вам нужно достаточно теплое помещение? Чтобы вернуть джинн-силу и ввинтиться в эту лампу?.. Пожалуй, я знаю такое место.

Джалобин посадил трех джинниоров в «роллс-ройс» Нимрода и повез их в Кью-Гарденз, где находится пусть не самый большой, но, безусловно, самый старый ботанический сад в мире. Это место очень популярно среди туристов, особенно в летние месяцы. В самом центре сада стоит Пальмовый дом — построенная в викторианскую эпоху оранжерея величиной с три авианосца. Здесь созданы все условия для произрастания тропических растений, то есть климат — совершенно как в тропическом лесу. Температура внутри всегда около тридцати градусов, а воздух искусственно увлажняется скрытыми паровыми установками. Каких только растений тут нет: и заросли гигантского бамбука, и кофейные деревья, и каучуковые, и манговые, и банановые пальмы, а в воздухе неизменно витает аромат плюмерий и экзотических лилий. Конечно, в Пальмовом доме не так жарко, как в сауне или в вигваме американских индейцев или даже в пустыне, поэтому Джалобину с детьми пришлось провести здесь почти час, прежде чем юные джинн почувствовали, что наконец прогрелись по-настоящему и к ним возвращается джинн-сила.

— Думаю, мы готовы, мистер Джалобин, — сказал Дыббакс дворецкому.

Джалобин кивнул и поставил лампу господина Ракшаса между гвинейской масличной пальмой и бетельным орехом, а потом поднялся по белой винтовой лестнице, чтобы проверить, нет ли в поле зрения лишних свидетелей. К счастью, за окном стояла такая холодрыга, что в Кью-Гарденз было очень мало посетителей, и не успели юные джинн произнести:

— ПОПРИТРЯСНООТПРИПАДНОФАНТАПРИСМАГОРИЯ! (Филиппа)

— АППЕНДЭКТОМИЯ! (Джон)

— СКУЛОЖАБЕРНЫЙ! (Дыббакс), — как уже оказались в лампе.

Поскольку внутренняя часть лампы или бутылки, в которой живут джинн, существует вне времени и пространства, привычное трехмерное пространство здесь отсутствует. Некоторые джинн, предпочитающие — подобно господину Ракшасу — подолгу

оставаться в лампе, создают себе внутри настоящий просторный дом, разве что без окон. Они даже забывают, что на самом деле находятся внутри совсем небольшого предмета. Очутившись в лампе господина Ракшаса, Джон, Филиппа и Дыббакс потрясенно замерли. Внутреннее пространство просто не имело конца!

— Уж не знаю почему, — произнес Джон, — но я всегда жалел старика за то, что он вынужден сидеть в этой лампе. Я-то думал, у него туг душная каморка! Нет, вы только посмотрите! Прямо дворец!

Дыббакс фыркнул и покачал головой.

— Не назвал бы это жилище удобным, — сказал он. — Тут у него только библиотека.

— Да, библиотека, — повторила Филиппа, ошарашенная размерами помещения. Вокруг — справа, слева, внизу, вверху — были бесконечные полки с книгами. Их соединяли стальные лесенки. — Но какая! Тут тысячи и тысячи книг!

— Так какую книжку мы ищем? — спросил Дыббакс, проглотив таблетку древесного угля — лекарства от клаустрофобии, которой страдают все джинн от мала до велика. Неуютно Дыббаксу было еще и от такого количества книг вокруг, поскольку (и небезосновательно) они в его представлении были связаны со школьными занятиями, которыми он себя не особенно обременял.

— Наверно, что-нибудь о змеях, — ответила Филиппа. — И о змеиных культах. — Вспомнив картину, которую Дыббакс нашел в жезле Геринга, она добавила: — И об индийских компаниях. А еще — о шифрах.

— Нелегкая задача, — сказал Джон, взяв наугад две три книги с ближайшей полки. — Книги-то, похоже, расставлены без всякого принципа.

— Не может быть! — ахнула Филиппа и бросилась к полкам. Там она увидела учебник по астрономии рядом с пособием по озеленению, а следом — путеводитель по городу Солт-Лейк-Сити. Она взбежала вверх по лестнице на следующий этаж и осмотрела другую полку. Тут тоже оказалось все вперемешку: от романа Чарльза Диккенса до монографии о скульптурах Родена.

— Бред какой-то, — возмущенно сказала девочка, спустившись вниз. — Как можно собирать библиотеку без всякой системы? Как он находит тут книги?

Дыббакс язвительно рассмеялся:

— Гораздо интереснее, удастся ли нам найти то, что мы ищем?

— Возможно, тут все-таки есть своего рода порядок, просто мы его пока не поняли, — сказала Филиппа. — Так или иначе,

нам придется разделиться. И искать в разных секциях. Джон, ты пойдешь вниз. Ты, Бакс, иди наверх, а я останусь на этом этаже.

дыббакс закатил глаза и заскрежетал зубами.

— Ненавижу библиотеки, — мрачно произнес он, направляясь к лестнице — Кстати, запомните одно слово, оно вам поможет искать книги про змей. Наука о пресмыкающихся называется «герпетология».

— Ладно, учту, — сказал Джон и пошел вниз.

Филиппа медленно шла по тусклому, узкому коридору, вдоль которого стояли исключительно полки с книгами, и глядела по сторонам на корешки с названиями. Они были пугающе не связаны между собой, и девочка отчаянно пыталась притвориться, что ничего жуткого в этой бессистемной библиотеке нет. Но безуспешно. Выключатели здесь работали автоматически, так что освещалась только та часть коридора, по которой она шла, в то время как пространство впереди и позади нее было полностью погружено в темноту. Из-за этого ей стало совсем одиноко, хотя она слышала, как ниже этажом болтает сам с собой Джон, как сверху насвистывает Дыббакс. Где-то слышался стук маятника, хотя часов в поле зрения не было. Да еще все вокруг скрипело, как на старом корабле.

Самое же неприятное состояло в том, что за ней, похоже, кто-то наблюдал. Филиппа была в этом почти уверена, хотя знала, что господин Ракшас живет в лампе один. Вскоре ее опасения подтвердились: снимая с полки очередную книгу, она увидела мелькнувшую за полкой тень.

— Кто здесь? — окликнула она и, не дождавшись ответа, сердито добавила: — Если это опять твои дурацкие шутки, Бакс, пожалеешь!

Тут по спине ее побежали мурашки. Потому что где-то далеко наверху Бакс начал свистеть снова — тот же самый, совершенно немелодичный мотив, который он насвистывал всегда.

Тень мелькнула опять.

— Джон? — неуверенно прошептала девочка. — Это ты?

При этом она прекрасно понимала, что брата рядом нет. Джон никогда не пытался пугать Филиппу, может, потому что был ее близнецом и любые страхи сестры ощущал как свои собственные. Пугать Филиппу для него было бы все равно что пугать самого себя.

Так, опять какой-то звук. На сей раз шелест страниц. Их листали в темноте где-то у нее за спиной, так что попасть назад к Джону и Дыббаксу, не встретившись с этим неведомым читателем, она бы не смогла. Тут Филиппе пришла в голову замечательная, успокоительная мысль: это господин Ракшас

собственной персоной, он не уехал с Нимродом, а преспокойно сидит в своей лампе и наблюдает за ними. Она окликнула Ракшаса, но ответа не получила. Страх ее постепенно ушел, уступив место возмущению.

— Послушайте, — сказала она. — Я не знаю, кто вы, но я — друг господина Ракшаса. Очень близкий друг. И ему не понравится, что вы меня так пугаете. Нисколько не понравится. Слышите?

— Несссмышшшленая дурашшшка. — прошипел голос, который вполне мог бы принадлежать змее. — Ты разве не зззззнаешь, что в лампу или бутылку, где прожжжжживает джжжжинн, нельзя входить без разззззрешения хозяина? Вы, все трое, можжжжете поплатиться за это жжжжизззззнью.

В соседней секции библиотеки зажегся свет, и Филиппа оказалась лицом к лицу с отвратительной ящерицей, в облике которой смутно проступало что-то человеческое. Однако девочка вряд ли бы вздумала беседовать с этим существом, если б не опрятный серый костюм и не тот факт, что существо уже заговорило с ней само.

— Но… кто вы? — начала Филиппа и запнулась.

— Я — бутылоччный бесссс, — прошипел ящеровидный субъект. Сняв с полки какую-то книгу, он принялся быстро листать страницы своим длинным острым когтем, а потом сунул книгу Филиппе. — Вот здесь, — сказал он. — Читай.

Филиппа глубоко вздохнула, прочитала название книги — «Оксфордская книга бесов», — а потом взглянула на открытую страницу.

— Вот этот абзац, — сказал бес, нетерпеливо постукивая по странице длинным когтем. — Отсюда. Читай вслух. Ну же!

— «Бесы бывают нескольких разновидностей, — громко начала Филиппа в надежде, что Джон и Дыббакс услышат ее голос и придут на помощь. — Существуют дети ада, творения Вельзевула, бесы-насмешники и мелкие злодеи. Есть еще бесы-сплетники, которых лучше упоминать пореже. Есть бесы шалуны и те, что в прошлой жизни были детьми. Еще существуют маленькие демоны и злые духи И наконец, есть еще бутылочные бесы, с чьей помощью джинн охраняют лампы и бутылки, в которых иногда живут». — Филиппа сделала короткую паузу и взглянула на беса.

— Читай дальше, — тут же потребовал он.

— «Бесы, многие из которых в прошлой жизни были чародеями или учениками чародеев, часто считаются ядовитыми, но, строго говоря, это неверно. Из-за неприятного пристрастия бесов к гниющей плоти во рту у них имеются чрезвычайно

опасные бактерии, и они часто являлись причиной смерти людей и даже джинн, которые случайно или по глупости подставлялись под клыки или когти этого древнего существа. Даже маленький укус или царапина, нанесенная бесом, может привести к фатальному исходу, если пострадавшему не будет оказана своевременная медицинская помощь».

— Раньше меня звали Лискирд Карсвелл дю Кроули, — сказал бутылочный бес. — И я был когда-то великим чародеем. На самом деле тебе очень повезло, что я на тебя почему-то не напал. Хотя обязан был напасть.

— Простите за вторжение, — поспешно сказала Филиппа. — Но господин Ракшас никогда не говорил мне, что в этой лампе живет бутылочный бес.

— Разумеется, не говорил! — Бес хихикнул — О таких вещах направо-налево не рассказывают, разве твой папочка сообщает всем подряд, что у вас в доме установлена сигнализация?

— Нет, конечно, — согласилась Филиппа. — Поверьте, ни мои друзья, ни я сама никогда бы сюда не вошли просто так, без дела и приглашения. Просто мы уверены, что, узнав про наше дело, господин Ракшас непременно бы нас пригласил. Наверняка. Только он исчез, сами видите. По крайней мере, никто не знает, где он. А дело безотлагательное. Нам надо найти подсказку — понять, куда он уехал и что с ним могло случиться.

— Какую подсказку?

— Не знаю. — Филиппа пожала плечами. — Возможно, книгу.

— Какую-то конкретную книгу? Я, видишь ли, по совместительству — здешний библиотекарь.

Как же велико было искушение Филиппы сказать Лискирду Карсвеллу дю Кроули, что он — скверный библиотекарь и что порядок тут не лучше, чем в эпицентре землетрясения. Но она это искушение подавила и просто сказала:

— Я не знаю, какая книга нам нужна.

К этому времени беседа Филиппы с бутылочным бесом уже привлекла внимание Джона и Дыббакса. Заметив беса, мальчишки вооружились: один — металлическим дыроколом, а другой — ножницами. Разумеется, такое «оружие» не спасло бы их от острых зубов и когтей беса. Перехватив скептический взгляд сестры, Джон пожал плечами сказал:

— Ну, прости, ничего лучшего под руку не подвернулось. А наша джинн-сила здесь, кажется, не действует.

— Верно. Господин Ракшас сделал так, чтобы чужая джинн-сила в лампе не работала, — подтвердил бес. — Во избежание недостачи в библиотеке или вмешательства в его личную жизнь.

Дыббакс презрительно засмеялся.

— Здешней библиотекой вообще невозможно пользоваться, — заявил он. — Да в мусорном баке больше порядка, чем в вашей библиотеке.

— Это потому, что ты не понимаешь систему, — сказал бутылочный бес. — Сам господин Ракшас тоже частенько жаловался, что тут нельзя ничего найти. Но потом Нимрод подарил ему на день рождения такую ценную штуку… Каталог желаний. По нему можно выбрать книгу, и она тут же окажется в читальном зале.

— И где этот зал?

— Рядом со спальней.

Бес повел их по длинному коридору, а потом наверх по стальной лестнице, звеневшей от каждого их шага.

Читальный зал оказался размером с теннисный корт. Здесь был стол для работы и отдельный стол — с географическими картами, а также газетная стойка, множество полок и несколько красивых красных кожаных стульев.

— Классно, — восхитился Дыббакс. — Прямо как в джентльменском клубе.

— Садитесь, — сказал бес. — И загадывайте желание. Вам тут же доставят книги. Но старайтесь, чтобы ваши желания были максимально конкретны. Если не знаете автора, назовите тематику и дайте краткое, в одном предложении, описание того, о чем вам нужно прочитать.

— Тема — герпетология, — объявил Дыббакс.

— Змеиные культы полуострова Индостан, — добавила Филиппа. — Традиции и обряды.

— Еще искусство, — вставил Джон. — Картины Коллекции картин разных компаний. Тоже из Индии.

— Коды и шифры, — вспомнила Филиппа, но сформулировать тему поточнее не смогла.

— И не забудьте Германа Геринга, — сказал Дыббакс. — Коллекционер художественных ценностей, нацист.

Они пробовали придумать что-нибудь еще, но их фантазия на этом явно иссякла. Тогда дети просто откинулись в креслах и принялись нетерпеливо барабанить пальцами о подлокотники.

Примерно через минуту на библиотечный стол приземлилась первая книга. Филиппа схватила ее, увидела весьма многообещающее название — и принялась за чтение. Следом стремительно влетели другие книги, и скоро все трое зашелестели страницами.

Автором заказанной Филиппой книги был полковник Маунтстюарт Уэйвелл Килликранки, советник какого-то

министра в девятнадцатом веке, а писал он о происхождении и истории Ааст Нааг, змеиного культа, основанного в 1855 году в Катманду столице современного Непала. К превеликому удивлению девочки, полковник описывал, как предводитель этого культа, человек по имени Ааст Нага заполучил четыре зуба мудрости, украденные у совсем юного джинн, которого звали… Ракшас! Ааст Нага использовал эти зубы для изготовления амулета — золотой королевской кобры, в голове у которой сиял огромный изумруд Кох-и-Каф.

Благодаря амулету Ааст Нага смог сделать мальчика Ракшаса своим рабом и стал невосприимчив к укусам ядовитых змей. Он немедленно принялся демонстрировать эту замечательную способность своим фанатичным последователям. Полковник описывал, как люди специально приносили кобр и крайтов со всего Непала и Нагапура, пограничной с Непалом области на севере Индии, и эти змеи кусали и кусали Ааста Нагу. Самую большую славу он снискал, когда его укусили сразу восемь королевских кобр и ему это нисколько не повредило. Именно этот подвиг положил начало знаменитому культу Восьми кобр, который возглавил Ааст Нага.

Спустя два года после того, как был основан культ, Индия начала войну против Британии за освобождение от колониального гнета. Естественно, в книге полковника Килликранки всячески подчеркивалось варварство местных жителей, а жестокость, с которой его соратники-британцы подавляли так называемый мятеж, упоминалась лишь вскользь. Между Британией и королем Непала было подписано соглашение: Непал обещал помочь британской короне. Однако Ааст Нага выступил против соглашения. Узнав, что он намеревается поднять толпы своих последователей-фанатиков на новый мятеж, полковник Килликранки, командовавший полком непальских гуркхов, принял решительные меры. Ааст Нага был убит, а знаменитый амулет, золотую Королеву-кобру, полковник оставил себе.

На этом полковник и закончил свою отнюдь не бесстрастную историю про культ кобр, закончил так резко, что Филиппе она показалась оборванной чуть ли не на полуслове, как будто у полковника просто не нашлось времени дописать книгу.

— Думаешь, это тот самый Ракшас? — спросил Дыббакс, когда Филиппа пересказала содержание книжицы. — Я знаю, что джинн живут очень долго, но выходит, ему уже больше ста шестидесяти лет!

Филиппа пожала плечами и спросила:

— Сколько лет твоей бабушке?

— Сто тридцать.

— Ну вот! А нашей — почти двести, — сказал Джон. — Так что полковник наверняка написал о нашем Ракшасе. Потому-то Ракшас и Нимрод так и перепугались, когда увидели медальон с коброй. — Тут он треснул кулаком по собственной ладони, поскольку ему пришла в голову новая мысль. — Точно! Они жуть как испугались возрождения культа. Ведь кто бы ни владел этим амулетом, Королевой-коброй, он получает власть над господином Ракшасом.

— Согласна, — сказала Филиппа. — Это точно наш Ракшас. Кроме того, посмотрите-ка на картинку в этой книге. Изображение очень смахивает на то, что было нарисовано на медальоне. Отличается только загогулина рядом со змеей.

— Послушайте! Моя идея сходится с тем, что написано у меня в книге, — взволнованно продолжал Джон. — Про картины. Картины Компании — это такие произведения, которые заказывала британская Ост-Индская компания. Она управляла некоторыми индийскими владениями до восстания тысяча восемьсот пятьдесят седьмого года Эти картины — как современные фотографии. Любой турист делает на память снимки мест, в которых он побывал. Так и служащие Ост-Индской компании платили местному художнику, чтобы он запечатлел какую-нибудь характерную индийскую сценку, и посылали картины домой, в Англию.

— Готов поспорить, что эта картина как-то связана с Королевой коброй, — сказал Дыббакс — Амулет сделан из золота, а вместо головы у этой кобры огромный изумруд Поэтому Герман Геринг и считал, что картина такая же ценная, как рисунок Леонардо да Винчи. Этот старый жирный гад наверняка знал, что картина выведет его на сам амулет, а он стоит немереных денег. — Дыббакс покачал головой и сунул под нос друзьям доставшуюся ему книгу. — Но в этой дурацкой книге про Геринга об этом речи нет. Я вообще ничего скучнее в жизни не читал. — Дыббакс отшвырнул книгу, заработав укоризненный взгляд Лискирда Карсвелла дю Кроули. А Джон даже ойкнул, потому что брошенный Дыббаксом здоровенный том задел его по голове.

— Эй, поосторожнее нельзя? — буркнул Джон, потирая макушку. Он поднял книгу с пола и положил ее обратно на стол. — Смотри, что ты наделал, — добавил он, заметив, что одна из страниц почти выпала. — Повредил книгу.

Джон открыл книгу о Геринге, намереваясь вернуть на место выпавшую страницу, и обнаружил, что это на самом деле не страница из книги, а вырванный из блокнота и аккуратно сложенный лист, исписанный синими чернилами. Почерк был

мелкий, почти бисерный, словно писал эльф. У Джона екнуло сердце. Он знал, чья это рука!

— Это почерк господина Ракшаса, — сказал он быстро просматривая первый абзац. — Похоже на дневниковую запись… Он пишет… о возможной судьбе картины Ост-Индской компании! Картина принадлежала полковнику Маунтстюарту Уэйвел лу Килликранки!

После того как трое детей благополучно ввинтились в лампу господина Ракшаса, Джалобину не имело особого смысла оставаться в Пальмовом доме в Кью-Гарденз. Главное сделано: он согрел джинниоров, а уж сохранить в тепле саму лампу, чтобы дети смогли оттуда выбраться, будет значительно легче. Подхватив лампу, стоявшую под ореховым деревом, Джалобин положил ее в свой рюкзачок и направился к выходу.

Однорукий дворецкий уже шел по дорожкам Кью-Гарденз на восток, к главным воротам и оставленному возле них «роллс-ройсу», как вдруг понял, что за ним неотступно следуют двое мужчин. Когда же, перерезав ему путь, из-за кустов с двух сторон выскочили еще двое, стало очевидно, что это злоумышленники. Они наверняка хотят отобрать у него лампу с детьми! Ну уж нет, детей они не получат! Джалобин ускорил шаг, хотя драки, судя по всему, было не избежать.

Про рукопашный бой, или бой без оружия, знают все. Но лишь немногие слышали, что у японцев существует особое боевое искусство для одноруких *шараваджи*, которое использует асимметрию и любые физические недостатки для обмана неосторожных соперников. По счастью, у Джалобина имелась даже черная перчатка по *шараваджи*, то есть он был в этом деле асом.

Первую атаку он отразил умело: двое нападавших остались корчиться на траве. Третий ухватил Джалобина за запястье, но однорукий дворецкий вывернул руку нападавшего до отказа, как ключик на заводной игрушке, и тому, чтобы избежать серьезных травм, пришлось совершить в воздухе сальто-мортале. Враг шмякнулся в клумбу с тюльпанами, и от удара в потайном кармане его штанов очнулась очень крупная королевская кобра. Выбравшись наружу и увидев Джалобина, кобра поднялась на хвосте, угрожающе зашипела и плюнула в него ядом, который лишь чудом не попал в ухо дворецкому.

— Чтоб тебя! — завопил Джалобин и бросился за ворота — к «роллс-ройсу». Кобра и новые головорезы, выскочившие из-за деревьев, рванули следом. Тем не менее до машины Джалобин добрался. Но едва он потянулся открыть дверцу, как из-под

«роллс-ройса», преграждая ему путь, выползла еще одна громадная королевская кобра. Мгновенно оценив всю безнадежность ситуации, Джалобин нажал черную кнопку на брелке дистанционного управления автомобилем: он решил воспользоваться дискрименом, желанием на крайний случай которым Нимрод предусмотрительно снабдил «роллс-ройс» для защиты машины и своего однорукого шофера. Водительское окно тут же опустилось, включилась стерео-система, и из динамиков прогремел записанный на компакт-диске голос Нимрода:

— ТЕОМОРФОЛОГИЯ!

На радиаторах почти всех автомобилей марки «роллс-ройс» имеется серебряный талисман, известный как «Дух восторга» или «Летящая леди». Однако серебряная дама на машине Нимрода была отнюдь не фешенебельной безделушкой. Она изображала горгону Медузу, и одного ее взгляда было достаточно, чтобы превратить в камень любого, кто взглянет ей в лицо. Как только из громкоговорителей прозвучал дискримен, серебряная воительница спрыгнула с радиатора и, быстро увеличившись в размерах, остановила преследователей Джалобина. Первой обратилась в камень вылезшая из-под машины кобра, а потом и один из «змееводов».

Дабы избежать той же участи, Джалобин старался не глядеть в сторону ужасной Медузы. Он просто открыл дверцу автомобиля, прыгнул на сиденье и дал газу.

— Честь и хвала теоморфологии, — с облегчением сказал он. — Что бы ни означало это загадочное слово.

Впрочем, совершенно успокоиться ему было пока сложно. «Роллс-ройс» без талисмана — все равно что Нью-Йорк без статуи Свободы или Кубок Дэвиса без кубка, поэтому Джалобина мучил только один вопрос: как найти замену «Летящей леди», если автомобиль сделан в 1955 году. Однако волновался он зря. Приняв подобающие размеры, дама догнала машину на полпути от Кью-Гарденз до Кенсингтона и вспорхнула обратно на свое законное место на радиаторе. В итоге Джалобин, к своему вящему удовлетворению, закончил эту поездку со всем надлежащим шиком. Как же иначе! Недаром говорят, что многие дворецкие куда большие снобы, чем их хозяева.

Совершенно не осознавая, какая драма разворачивается снаружи, дети мирно сидели в библиотеке старика Ракшаса, который, занимаясь благоустройством лампы, мудро предусмотрел целый набор стабилизаторов, используемых обычно на кораблях, чтобы пассажиры не страдали от качки. Филиппа и Дыббакс внимательно слушали, а Джон читал вслух короткую

дневниковую запись господина Ракшаса, вложенную им в книгу о Германе Геринге.

— «И до и после восстания британцы вели себя в Индии отвратительно». — Джон читал медленно, потому что почерк у господина Ракшаса был мелкий, а свет в читальном зале — тусклый. Это последнее обстоятельство немало удивляло мальчика: ведь сам читальный зал находился в лампе! — «Но никто из них не вел себя отвратительнее, чем советник министра, полковник Маунтстюарт Уэйвеял Килликранки. Украв Королеву-кобру, Килликранки приступает к истреблению культа, владевшего амулетом прежде. Того самого культа, чьей основной жертвой оказался я. Самого полковника, впрочем, занимала лишь наличная стоимость амулета, ведь изумрудная голова Королевы-кобры из Катманду весила больше тысячи трехсот карат и стоила немалых денег. Но, повторяю, я не знаю другого британского офицера, который вел бы себя отвратительнее, чем полковник Килликранки, хотя сам я обязан ему освобождением от рабства и вечного служения культу Ааст Нааг. Тем не менее я не нахожу никаких оправданий его жестокому обращению с несчастными индийцами и непальцами, членами Ааст Нааг. Неудивительно, что полковник не успел продать Королеву-кобру. Боясь за собственную жизнь, он был вынужден спасаться бегством. Но от судьбы не уйдешь. В 1859 году, через год после выхода его книги, при обстоятельствах, которые до сих пор окутаны тайной, полковника укусила королевская кобра. Он погиб, а амулет бесследно пропал. Совершенно ясно, что его спрятал сам полковник Килликранки, понимая, что кольцо его врагов сжимается все туже. Ясно и другое: перед смертью он сумел связаться со своей семьей и переслал им указания о том, как найти Королеву-кобру. Что это за указания — неизвестно, но спустя годы после смерти полковника стало понятно, что его семейство ими не воспользовалось, и я заключил, что амулет потерян навсегда.

Однако в 1895 году дочь полковника, Миллисент, вышла замуж за богатого немецкого банкира по имени Отто Крингеляйн. У них родилась дочь Фания, красавица, которая после смерти отца унаследовала его изрядную коллекцию произведений искусства. В 1936 году коллекцию конфисковали нацисты. Среди картин, попавших к рейхсмаршалу Герману Герингу, оказалась простенькая картина Ост-Индской компании, изображавшая жанровую сценку времен британского владычества. Геринг, однако, ценил эту картину больше других своих сокровищ. Похоже, он обнаружил, что картина является ключом к огромному богатству. В 1945 году картина исчезла. Полагаю, она

просто погибла среди руин и пожаров последних дней войны. Тем не менее я всю жизнь опасаюсь, что кто-нибудь ее все-таки обнаружит — или ее, или саму Королеву-кобру — и я снова окажусь в рабстве этих серпентологов из культа Ааст Нааг».

Дыббакс утробно заурчал и закатил глаза.

— Серпентологи? — переспросил он. — Это еще кто такие? Небось те же герпетологи? — Поскольку он, в сущности, пожелал открыть словарь, огромный библиотечный том тут же приплыл к нему в руки и сам открылся на нужной странице. Оказалось, что серпентологи действительно изучают змей.

— Все-таки я чего-то не понимаю, — сказала Филиппа. — Допустим, эти люди из культа найдут Королеву-кобру. А толку? — Она пожала плечами. — Все прекрасно знают, что господин Ракшас очень стар и его джинн-сила практически исчерпана Я его очень люблю, но какой смысл порабощать джинн-старика, если он уже даже не может даровать тебе три желания? — Она вдруг задумалась. — А вдруг… а вдруг они…

— Договаривай! — воскликнул Дыббакс, потому что Филиппа замолчала.

— Вдруг… — Девочка тщательно подбирала слова. — Вдруг они ищут не только Королеву-кобру из Катманду и вовсе не старика? Вдруг они охотятся за новыми зубами мудрости, чтобы сделать новый амулет? Чтобы поработить более молодых и сильных джинн? — Она встретилась взглядом с Джоном. — Таких джинн, как мы.

Джон кивнул. Он был близнецом Филиппы и прекрасно понимал логику ее рассуждений.

— Тогда понятно, зачем они явились к нам в дом, — сказал он.

— Так что мы теперь будем делать? — спросил Дыббакс. — Если останемся здесь, в Лондоне, нас просто похитят или того хуже. Джинн-сила-то не работает. Надо двигать в теплые края. Там мы хотя бы сможем себя защитить.

— Дыббакс прав, — сказал Джон. — Но куда?

— Пока мы не расшифруем танцующих змей, то есть значки на картине Ост-Индской компании, — сказала Филиппа, — я думаю, нам стоит двигаться только в одном направлении. В Катманду. В Непал.

— Держу пари, что Нимрод с Ракшасом именно там, — заметил Дыббакс.

— Тогда мы последуем за ними, — сказал Джон, а потом, улыбнувшись, добавил: — Только Джалобину там, боюсь, не понравится.

— С чего ты взял, что он захочет поехать с нами? — спросил

Дыббакс.

— Может, и не захочет, — сказала Филиппа. — Но будет считать, что обязан поехать. Чтобы нас защищать.

— Однорукий? — Дыббакс рассмеялся. — Хорош защитничек!

Дыббакс еще не знал, сколь драматические события произошли за это время снаружи и каким героем показал себя Джалобин.

Глава 8
Калькуттские морозы

Майдан — огромная, поросшая выжженной травой пустошь перед Мемориалом королевы Виктории и прилегающими к нему лужайками — одно из самых популярных мест в Калькутте, и сюда, особенно по вечерам, стекаются тысячи людей. Они гуляют, катаются в каретах, едят в здешних ресторанчиках, подставляют лицо порывам дующего с моря ветерка, любуются на цветомузыкальные фонтаны и спорят на самые разные темы. Здесь же пасутся коровы, а рядом факиры демонстрируют свою нечеловеческую выносливость или гибкость. Майдан — сердце современной Калькутты, и бьется оно очень громко.

Нимрод и господин Ракшас блуждали по Майдану, пытаясь найти хоть какие-нибудь признаки змеиного культа Ааст Нааг, поскольку, в благодарность за избавление Сундербанса от джинн тигров. Зеленый дервиш посоветовал им начать поиск именно отсюда.

— Чтобы найти членов этого ужасного культа, не нужно ехать за тридевять земель, — сказал Дервиш. — Вы встретите его последователей даже в Калькутте. На Майдане. Там, друзья мои, вам откроется главное. Оно окажется прямо у вас под носом. Если же вы отправитесь чуть дальше на запад и вам повезет, то, что вы ищете, найдет вас само. Напоследок — одно предупреждение, уважаемые джинн. Пока вы в Калькутте, берегите себя от мороза. Одевайтесь, закутывайтесь потеплее, особенно ночью. Непременно держите закрытыми окна, запирайте двери, иначе промерзнете до мозга костей.

Поскольку вечером температура воздуха была сильно за тридцать, джинн не верили, что ночью она может вдруг резко упасть.

— Ох уж эти ангелы, — досадуя на Зеленого дервиша, сказал Нимрод господину Ракшасу. — Иногда их пророчества и понять-то невозможно.

Старый Ракшас покачал головой в огромном тюрбане.

— Ангелы на то и ангелы, что они не предсказывают результат финальных забегов или ближайших скачек, — заметил он. — Ангелы — существа тонкие. Они — живые ребусы, помноженные на загадку и возведенные в квадрат великой тайны. Если же вы хотите узнать, сколько будет дважды два ищите кого-нибудь попроще, ангел вам не нужен.

— Да я и не спорю, — ответил Нимрод. — Просто иногда их

слова… немного озадачивают, вот и все. Например, мне как-то не верится, что ночь будет холодной. Да и по Майдану мы уже столько времени слоняемся, а все без толку.

— Ангелы никогда не изъясняются напрямик, — повторил свою мысль господин Ракшас. — Мы поймем, что он имел в виду, когда наступит время, и никак не раньше.

Но Нимрод уже завелся и не слушал старого джинн.

— Запали мою лампу! Я начинаю думать, что мы идем по ложному следу! — сказал он. — Мы топчемся здесь уже целый час, а толку чуть.

— Не стану спорить с вами, Нимрод, — произнес господин Ракшас. — Но на вещи надо смотреть легче. Не думаю, что искомого здесь нет. Думаю, мы пока не умеем его увидеть. Во всяком случае, сегодня вечером нам это не удалось. Возможно, нам придется вернуться сюда завтра. Кроме того, с первой минуты, как мы ступили на Майдан, меня не покидает ощущение, что за нами следят. По-моему, пора уходить. Смешно ставить капкан на лису на глазах у самой лисы. А лиса явно поглядывает на нас с дивана, поверх газеты.

— Погодите-ка, — сказал Нимрод. — Смотрите.

На земле в нескольких метрах от них сидел юноша и заклинал змей на потеху публике. Огромная королевская кобра, самая большая из всех, что Нимроду доводилось видеть, медленно поднималась из корзины и качалась в такт мелодии, которую заклинатель наигрывал на флейте. Самое замечательное, что время от времени юноша наклонялся к змее и легонько касался рукой ее головы. В конце концов кобра скользнула ему на руку, а оттуда пробралась выше — на шею. Обвившись вокруг шеи, точно шарф, она продолжала раскачивать раздутой головой и злобно шипеть на толпу.

— Может, это тот, кого мы ищем? — сказал Нимрод — Только настоящий член культа Ааст Нааг рискнет работать с такой большой змеей. — Он помолчал. — Либо член культа, либо джинн.

— Чтобы узнать это наверняка, — сказал господин Ракшас, — надо рассмотреть змею и проверить, удалены ли у нее клыки. Однако при всем вашем мастерстве не стоит делать это в присутствии такого множества людей.

— Разумеется. Мы и без того привлекли достаточно внимания с тех пор, как приехали в Индию. — Нимрод имел в виду, что господа Чаттерджи, Мухерджи и Баннерджи, три священника из Храма девяноста пяти куполов, все-таки распознали джинн в гостях Зеленого дервиша и новость о джинн, победивших тигров-призраков, уже разнеслась по всей Западной Бенгалии. — В

будущем надо быть поосторожнее. Я и забыл, что соорудил эту сторожевую вышку. И забыл уничтожить ее до того, как за нами на лодке вернулись священники.

— Да уж, когда творишь чудеса, не стоит ждать что люди примут это как должное… — Господин Ракшас понаблюдал за заклинателем змей еще пару минут, а затем покачал головой. — Нет, не думаю, что он член культа. Приглядитесь. Он не носит камень Нага — медальон, который прислала вам сестра. Сомневаюсь, что член культа рискнул бы коснуться змеи, не надев на шею такой амулет.

— Да, пожалуй, — сказал Нимрод и бросил несколько рупий в корзину заклинателя. — Пойдемте, Ракшас. Пора ужинать. Я умираю с голоду.

Джинн направились в гостиницу. По пути местные жители то и дело пробовали продать им самые разные вещи: ковер, пару вырезанных из дерева слоников, цветы, пакетики с вкусными шариками пани-пури. Ученик гуру Масамджхасары из ашрама Джаяр Шо в Лакхнау предложил им компакт-диск, где его гуру описывал, как достичь духовного совершенства. Потом подскочил некто, представился экскурсоводом и предложил показать им город. Следующий сфотографировал их на память… Но в этом была вся Индия — шумная, кипящая, живая, поэтому джинн не обращали особого внимания на докучливых местных жителей. Не заметили они и то, что сфотографировали их не обычным фотоаппаратом, а тепловой камерой. Для большинства людей это вряд ли важно, но джинн сделаны из огня, их тела испускают особое высокотемпературное излучение и в видоискателе тепловой камеры светятся красным светом.

Поэтому беспечность обойдется Нимроду и Ракшасу очень недешево. Что, собственно, и предсказывал Зеленый дервиш. Но, как сказал бы господин Ракшас, с пророчествами проблема одна: их правильно понимают только после того, как они сбываются.

Индия — родина соуса карри, а самый острый карри называют *фал*. Карри получается острым из-за большого количества перцев чили, которые положено туда класть согласно рецепту. Чем больше перцев чили, тем острее карри. Джинн, будучи существами огненными, обожают острый карри, особенно *фал*, и могут не моргнув глазом съесть кучу перцев чили — столько, сколько мундусянам и не снилось.

Уже много лет господин Ракшас был завсегдатаем одного семейного ресторанчика, что неподалеку от калькуттского почтамта. Назывался он «Дом карри Сирадж-уд-Даула». Владелец ресторана, господин Хиндуджа, хорошо зная самого господина

Ракшаса и его пристрастие к острому соусу *фал*, обычно подавал ему особый соус с двадцатью одним перчиком чили. Ресторанщик называл его *васуки*. Это блюдо считалось настолько острым, что лишь один мундусянин, старший официант ресторанчика, господин Миттал, мог съесть больше одной ложки. Для таких джинн, как господин Ракшас, этот официант был незаменим, поскольку только он был способен проверить, достиг ли *васуки*нужной остроты. Однако в тот вечер господин, Миттала в ресторане не оказалось, он заболел и не мог попробовать на вкус *васуки*, приготовленные поваром «Дома карри».

— Ему стало плохо сегодня днем, — объяснил господин Хиндуджа. — Весьма внезапно. Да, боюсь, сейчас он не вполне здоров. Не совсем болен, но… Существенно, существенно нездоров.

— Надеюсь, он не отравился, — сказал Нимрод.

— Нет, высокочтимый гость, нет, — испугался господин Хиндуджа. — Во всяком случае, не здесь.

— Может, зайдем в другой раз? — предложил Нимрод. — Когда господин Миттал будет на месте и сможет продегустировать это блюдо. Мне что-то не хочется рисковать. Вдруг здешний карри окажется недостаточно острым? Я не перенесу разочарования.

Несмотря на собственное предложение, Нимрод, похоже, вовсе не намеревался покидать ресторан. Наоборот, он жадно принюхивался, точно собака в мясной лавке.

— Да, возможно, вы правы, — ответил господин Ракшас. — Но еда вообще — дело рискованное. Кто не рискует, тот ходит голодным.

Нимрод усмехнулся:

— Верно замечено, господин Ракшас.

Двое джинн все-таки решили остаться. Господин Хиндуджа усадил их за лучший в его ресторане стол, и они отведали самый острый *васуки*за всю историю существования карри: в него положили не двадцать один, а целых двадцать пять перцев чили. Блюдо получилось настолько острым, что повар и поварята высыпали из кухни в обеденный зал, чтобы посмотреть, кто может такое есть. О том, что их гости — джинн, знал только хозяин ресторана. господин Хиндуджа. Остальные же глядели, как гости уплетают острейший в мире карри, и не верили своим глазам.

У острого карри есть всего один, но большой недостаток: его аромат забивает любой вкус, в том числе и вкус снотворного. Этим-то и воспользовались шпионы культа Ааст Нааг, следившие за Нимродом и Ракшасом с тех пор, как те покинули мангровый лес Сундербанс. Один из шпионов с легкостью проник через

открытый черный ход на ресторанную кухню и подлил в *васуки*мощный снотворный напиток замедленного действия. Так что, попросив — по обыкновению — вторую порцию любимой пищи, Нимрод с Ракшасом одновременно получили и по второй порции снотворного.

— Вот так фал! Всем фалфам фам! — с трудом ворочая языком, похвалил Нимрод господина Хиндуджу. Потом он скромно кивнул захлопавшим в ладоши поварам, положил на стол несколько крупных банкнот и поднялся. — Жар — как при извержении Везувия! Истинный взрыв вкуса и неподдельное очарование пламени.

— Желаете десерт? — спросил господин Хиндуджа, предлагая гостям меню.

Господин Ракшас покачал головой.

— Я больше не способен проглотить ни крошки, — сказал он. — Даже если бы на кону стояла моя жизнь. Кроме того, день сегодня выдался долгий, и я очень устал. Утром вы найдете меня в камине Нимрод, потому что я буду спать как бревно.

По пути в гостиницу оба джинн непрерывно зевали. И заснули прежде, чем успели надеть пижамы. Они даже не вспомнили про совет Зеленого дервиша: не заперли дверь номера и не закрыли балкон. А потому стали легкой добычей головорезов, нанятых Ааст Нааг. Эти бандиты вошли в их номер люкс и без особых хлопот засунули двух храпящих джинн в корзину для белья.

Под прикрытием темноты Нимрода и Ракшаса вынесли из гостиницы и погрузили в морозильную камеру рефрижератора. Дорога предстояла долгая, и эта предосторожность была отнюдь не лишней — на случай, если один из джинн вдруг проснется по дороге. При низких температурах джинн совершенно бессильны.

Как только они выехали, главный головорез позвонил предводителю культа Ааст Нааг и сообщил ему добрые вести. Давненько — более ста пятидесяти лет — змеепоклонникам не удавалось заполучить себе на службу ни одного джинн. Зато теперь у них будет целых два!

Однако за Нимродом и господином Ракшасом охотился не только культ Ааст Нааг. У Иблиса, предводителя джинн-клана Ифрит, в Калькутте тоже имелся шпион. Звали его Упендра Даунмидхари. Как только до него дошли слухи, что в этих краях объявились два джинн, он навел справки о Нимроде и Ракшасе в гостинице, где они остановились, а затем позвонил Олиджинусу, и тот вылетел из Лас-Вегаса в Индию ближайшим рейсом.

Впрочем, опытными шпионами Упендра и Олиджинус не

были, и хотя они установили якобы круглосуточную слежку за «Гранд-отелем», похищение джинн они благополучно проморгали Только когда на следующий день их «объекты» не явились ни на завтрак, ни на обед, ни на ужин, Олиджинус заподозрил неладное. И принялся рассуждать вслух:

— В гостиницу они вчера вечером вернулись, это мы видели собственными глазами. Значит, либо они до сих пор у себя в номере, либо приняли какое-то другое обличье и улизнули прямо у нас из-под носа.

— Они — джинн. — Упендра пожал плечами. — Джинн всегда так делают: появляются, исчезают когда вздумается. Разве нет? Остается только облако дыма.

— Вовсе не всегда, — сказал Олиджинус. — На самом деле джинн предпочитают не использовать джинн-силу без особой необходимости. Энергию сохраняют… Но, так или иначе, этих мы явно упустили.

— Если они куда-то ушли, можно пока обыскать комнату, — предложил Упендра. — У меня есть запасной ключ, у горничной стибрил.

Олиджинусу ужасно не хотелось совершать что-то заведомо преступное. Об Индии и ее законах он почти ничего не знал и свято верил, что приехал в страну, где за воровство отрубают руки. С другой стороны, обыск номера мог оказаться очень полезен. Вдруг он раздобудет там волосы с расчески или даже состриженные ногти постояльцев? Тогда он сможет, следуя инструкции хозяина, совершить джинн-заклятие и закатать в бутылку сразу двух взрослых джинн! Иблис был бы им доволен. Это, конечно, еще не поимка близнецов, но тоже очень и очень неплохо.

На всякий случай он позвонил из вестибюля по внутреннему гостиничному телефону в номер — проверить, нет ли там Нимрода или Ракшаса. Ожидая ответа, он мысленно перенесся на улицы Монте-Карло, где планировал — получив от Иблиса три желания — жить на проценты с кругленькой суммы.

— Никто не отвечает, — сказал он через некоторое время и, повесив трубку, засучил рукава. — Что ж, время пришло. Вперед, на злое дело!

Приложив к замку украденный электронный ключ, они попали в огромный номер с двумя необъятной ширины кроватями под пологом, позолоченными рукомойниками и тремя балконами. Как они и ожидали, номер был пуст. Но в шкафах оставалось полно одежды, принадлежавшей главным образом Нимроду, так что джинн вряд ли уехали насовсем.

— Однако эти джинн ни в чем себе не отказывают, — заметил

Упендра.

— А зачем им себе отказывать, болван? Ты когда-либо слышал о джинн, который был бы беден? Нет? Вот именно! Только идиот будет удивляться, что джинн живут в роскоши. Это в порядке вещей.

— Понятно, сэр, — сказал Упендра и направился в одну из огромных ванных комнат.

— Эй, ты что там забыл?

— Хочу поискать расческу или ноготь, как вы сказали.

— Идиот! Вижу, с джинн ты дела не имел. Чего они никогда не делают, так это не оставляют своих расчесок без присмотра. Они всегда кладут их в сейф. И остриженные ногти тоже. — Тут Олиджинус заметил на одной из тумбочек кучу мятых рупий. — Вот деньги — совсем другое дело. К деньгам джинн относятся без всякого уважения и никогда не хранят их в сейфах. Они же могут их сколдовать в любое время сколько душе угодно. Зато расческа — это великая ценность.

Олиджинус открыл стенной шкаф и принялся орудовать тяжелой отверткой, которую принес с собой в небольшом атташе-кейсе. Через несколько минут сейф был открыт. Внутри, как и предсказывал Олиджинус, оказались две расчески, грязный носовой платок (представляющий, как бы тошнотворно это ни прозвучало, ничуть не меньшую ценность для охотников на джинн), полотняный мешочек с обрезанными ногтями и даже пара зубных щеток, поскольку Нимрод и господин Ракшас обычно относились к охране своей безопасности крайне внимательно. Этих вещей было бы вполне достаточно, чтобы слуга Иблиса считал операцию успешной. Но в сейфе оказался еще один предмет который он взял руки с таким трепетом, словно это была чаша Святого Грааля. Ему достался термос, который господин Ракшас привез из Сундербанса.

— Глазам не верю! — Затаив дыхание, Олиджи нус ткнул пальцем в ярлык на термосе. — Смотри. Тут написано: БЛИЗНЕЦЫ. — Он даже рассмеялся — Да я на такую удачу и надеяться не смел. Вообще-то перед моим отъездом из Штатов эти детки, Джон и Филиппа Гонт, были в Нью-Йорке. Наши люди держат их под постоянным наблюдением. — Он покачал головой, словно пытаясь вытряхнуть лишние мысли из переутомленных мозговых ячеек. — Но если они в Нью-Йорке, то почему Нимрод держит этот термос в сейфе? Или у него десять пар близнецов? Так, где мой термальный блок? Зря я, что ли, тащил его из Америки?

Упендра передал ему атташе-кейс. Олиджинус открыл его, достал аппарат, включил и аккуратно поместил термос под линзу.

Внутри стали различимы две темно-красные фигуры, метавшиеся туда-сюда по своей стеклянной клетке. Они напоминали капли раскаленной протоплазмы под электронным микроскопом. Что ж, значит, это правда. В термосе заключены два джинн.

— Мы сорвали банк! — воскликнул Олиджинус.

— Но если близнецы Джон и Филиппа сидят здесь, — произнес Упендра, который был все-таки поумнее американца, — тогда за кем следят ваши люди в Нью-Йорке? Или они халтурят, или…

— Или? — раздраженно переспросил Олиджинус.

Упендра пожал плечами.

— Не знаю, что «или», — признался он.

— Зато я знаю. Наши люди в Нью-Йорке следят за их двойниками. За их «вторыми я». Знаешь, что это за штука? Двойник нужен, чтобы обеспечить алиби или отвлечь чье-то внимание. Конечно, сами джинн двойников себе сделать не способны, тут не обошлось без ангела. Но я слышал, что эти дети уболтают кого угодно. — Он кивнул, довольный своими догадками. — Да, так оно и есть. Это объясняет, каким образом они могут находиться в двух местах одновременно. И в Нью-Йорке, и здесь, в этом термосе.

Олиджинус убрал термальный блок и термос к себе в кейс и запер его на замок.

— Пошли, — сказал он. — Пора отсюда выбираться.

— А как же расчески? И ногти?

— Забудь. У нас уже есть и птица в руке, и журавль с неба. Иблис четко сказал, что ему нужны именно близнецы. — Олиджинус просиял: он больше не мог сдерживать радость. Три желания ему обеспечены! Господи, неужели?! Он покачал головой, точно испугался свалившегося на его голову счастья. — То-то Иблис удивится, когда я вручу ему термос! Да у него просто челюсть отвиснет!

Глава 9
Вам улыбнется удача

Проведя десять с половиной часов на борту самолета компании «Галф Эйр», Джалобин с тремя детьми прибыли в Катманду, чтобы найти розовый форт, изображенный на картине Ост-Индской компании. В этой азиатской столице жизнь кипела как в муравейнике, что явилось для путешественников совершенной неожиданностью. Издали Непал представлялся им страной альпинистов со стальным взором, исследователей с литыми мышцами и непостижимых для западного разума буддистских священников. Вместо этих персонажей вокруг оказались хиппи, уличные зазывалы, торговцы коврами, толпы туристов, полицейские с дубинками и студенты-американцы в бесформенных желто-оранжевых одеждах, которые уверяли, что в здешних ашрамах им открылась истина и теперь они жаждут поделиться ею с миром — а потому не хотите ли, мол, за совсем не большую цену получить просветление?

— Что такое ашрам? — спросил Дыббакс, взглянув на рекламный листок, который ему всучили как раз перед тем, как они сели в раздолбанное такси и поехали в гостиницу.

— Скит. Домик отшельника, — объяснил Джалобин. — Для тех, кто жаждет тишины и настроен на размышления. По мне, так чушь собачья. — Он отогнал еще одного новоявленного проповедника от окошка такси. — Если им нужно просветление, почитали бы лучше энциклопедию или приличную газету. Они никогда не обретут ни истины, ни сколько-нибудь существенных знаний, если будут шататься по улицам с закрытыми глазами и распевать эти бессмысленные мантры.

Близнецы посмотрели на друг друга и улыбнулись. До чего же забавно путешествовать за границу с мистером Джалобином!

— А что такое мантра? — спросил Джон.

— Слова, которые они твердят, точно попугаи, чтобы выкинуть из головы то немногое, что там еще имеется.

— И для чего это? — наивно спросил Дыббакс.

— Хороший вопрос, — сказал Джалобин. — Полагаю, чтобы найти смысл жизни. Или еще какую-нибудь ерунду.

Они заселились в гостиницу и тут же отправились гулять по городу, где их ожидало еще одно открытие. Кобры были повсюду начиная со множества заклинателей змей на главной городской площади Дурбар и заканчивая фасадами городских храмов, на каждом из которых имелись барельефы с этими змеями. Во

дворце Деоталли гигантская золотая кобра раздувала капюшон над сидящей статуей предыдущего короля Непала. Да уж, что касается кобр, в этой стране их найти нетрудно.

Несмотря на избыток кобр, Филиппа скоро заподозрила, что они прибыли не совсем туда, куда надо, потому что ни одно из зданий в Катманду не напоминало розовый форт с картины Ост-Индской компании. И молодой человек по имени Падма Трунгпа, работавший регистратором в их гостинице, был того же мнения.

— Этот дом находится не в Непале, — сказал Падма, глядя на картину, которую они захватили с собой из Лондона. — Мне кажется, что он больше похож на форт в Уттар-Прадеш, это штат такой на севере Индии. Но даже в тех краях искать форт так, как это делаете вы, то есть просто ходить по улицам, совершенно бессмысленно. Все равно что искать иголку в стоге сена. В Индии немереное количество фортов и дворцов. Боюсь, вы ставите перед собой невыполнимую задачу.

Четверка путешественников понурившись поднялась в свои комнаты. Единственным утешением для детей была удушающая жара, поскольку они ощутили настоящий прилив джинн-силы. Зато для Джалобина царивший в Катманду зной оказался буквально нестерпим. Вскоре он совершенно позабыл, что сам взялся сопровождать джинниоров и в сердцах воскликнул:

— И как это вы меня сюда заманили?! Как я мог согласиться? Мне никогда, никогда прежде не было так жарко.

Не пожалев джинн-силы, Джон немедленно соорудил для Джалобина огромный вентилятор после чего дворецкому стало дышаться чуть легче, и, прекратив стенать, он стал разглядывать картину Ост-Индской компании, которую Филиппа развернула на столе в его комнате. Особенно его заинтересовал ряд змей, корчившихся по нижнему краю картины.

— А что все-таки обозначают эти твари? — спросил он.

Филиппа нахмурилась. Книга о кодах и шифрах, которую она позаимствовала из библиотеки господина Ракшаса, не пролила никакого света на задачку с танцующими змеями, и девочка была крайне озадачена.

— Пока не знаю, — пробормотала она задумчиво. — Но этот шифр вряд ли слишком сложный. Иначе Килликранки не было бы никакого резона писать свое письмо невидимыми чернилами.

— Это верно, — кивнул Джалобин.

— А мне эти змейки что-то смутно напоминают — сказал Джон, глядя на змеиные фигурки — Только что?.. — И тут его осенило. — Ну как же! Я прекрасно знаю что! И как это я раньше не дотумкал, еще в библиотеке? Я же фанат Шерлока Холмса! Эти змеи — все равно что «Пляшущие человечки». Помните рассказ

Конан Дойла? Только у нас пляшут змеи, вот и вся разница.

Дыббакс утробно заурчал и закатил глаза к потолку.

— Что ты там такое талдычишь?! — воскликнул он, размахивая тибетскими четками которые предусмотрительно лежали на столике в каждом номере. — Ну-ка разъясни, или я тебе сейчас этой штуковиной ка-ак вмажу!

— Полегче на поворотах, парень. Глядишь, и сам начнешь в чем-нибудь разбираться, — сказал Джалобин Дыббаксу. — Джон-то прав! Слышите! Наш Джонни прав! Эти змеи — точь-в-точь как пляшущие человечки у Конан Дойла. — Джалобин уничижительно взглянул на Дыббакса. — Жаль, мы не привезли из Лондона эту книжицу. По ней бы мы разгадали этот шифр, как по нотам.

— АППЕНДЭКТОМИЯ! — произнес Джон, и на столе появились четыре экземпляра сборника «Возвращение Шерлока Холмса». Именно в этот сборник и входит рассказ «Пляшущие человечки». Все книжки были в мягком переплете и изрядно потрепанные — совсем как книга, которой Джон зачитывался в Нью-Йорке.

— Ай да Джонни! — просиял дворецкий.

— Это элементарно, мой дорогой Джалобин сказал Джон. — Теперь предлагаю всем нам прочитать рассказ, слышите — всем! А потом поломаем головы над тем, как решить нашу загадку, в стиле мистера Холмса.

Дыббакс снова заурчал, как фагот.

— Что? Опять читать? С тех пор как мы с вами закорешились, я только и делаю, что читаю всякие глупые книжки. — Он сердито покачал головой — СКУЛОЖАБЕРНЫЙ! Желаю знать, что означает этот шифр и для чего он применялся.

Джон рассмеялся.

— Так джинн-желания не работают. Пора тебе повторить Багдадские законы, — сказал он Дыббаксу. — Уложение четыре, раздел три, параграф один. Ты не можешь пожелать то, чего не знаешь. Ты можешь пожелать только то, о чем имеешь представление.

Это тонкое различие не всегда понимают люди, но джинн от него никуда не деться, поэтому Дыббакс о нем конечно же знал. Кстати, он только прикидывался, будто ничего не знает и терпеть не может книг, а на самом деле читал довольно много (включая Багдадские законы).

— Да я просто так, — сказал он. — Воздух сотрясаю. Я никаких желаний не загадывал.

— Тогда зачем ты произнес слово-фокус? — требовательно спросила Филиппа. — Если ты не хотел, чтобы желание

осуществилось?

— Привычка, — сказал Дыббакс. — Привычка — вторая натура.

— Дети, не отвлекайтесь, — встрял в разговор Джалобин и, взяв одну из книжек Конан Дойла, перегнул ее по корешку. Обожавшая книги Филиппа даже поморщилась от такого варварства. — Нам предстоит прочитать целый рассказ. Иначе желание Дыббакса не осуществится никогда.

— Я — Бакс, — сказал мальчик, нервно покусывая губу. — Просто Бакс, договорились?

Начертив на листе бумаги сетку из квадратов, Филиппа нарисовала в левой колонке змей с картины, а правую оставила пустой.

— Если действовать по логике Шерлока Холмса, — начала она, — надо искать самые частые буквы. В нашем алфавите это Е, О и А. Есть вероятность, что они попадутся даже в коротком предложении. В нашей шифровке змея, глядящая налево и имеющая тройку вместо хвоста, встречается двадцать семь раз. Больше, чем любая другая. Значит, это, скорее всего, буква Е, О или А. Ну, допустим, Е. — Она вписала букву в свою сетку рядом с этой змеей.

— А у меня есть еще одно соображение, — сказал Джалобин. — Вы заметили, что у некоторых змей язык виден, а у других нет? Опять же, опираясь на рассуждения Холмса о пляшущих человечках, по-моему, будет справедливо предположить, что раздвоенный язык обозначает конец слова.

Он разделил ряд танцующих змей, проведя вертикальную линию после каждой змеи с языком.

— Если так, то в некоторых словах всего по три буквы. Самые распространенные трехбуквенные слова — «все», «так», «где». В сочетании с идеей Филиппы про гласные мы вполне можем сделать некоторые предположения. Например, если допустить, что вот это слово «все», мы получим буквы В и С. — Он написал С и В в двух клетках под соответствующими змеями и улыбнулся. — Прямо как кроссворд разгадываем.

— Или в крестословицу играем, — добавила Филиппа.

— Ненавижу крестословицу, — сказал Дыббакс.

Решив, что теперь его очередь, Джон попробовал подступиться к двухбуквенным словам:

— Наверно, это предлоги, — сказал он и принялся выписывать в столбик все пришедшие на ум предлоги. — «На», «от», «из», «по»… или местоимения… «он», «ты», «мы»… гм…

— «Гм» — не слово, — поправил его Дыббакс.

— Знаю, просто больше ничего в голову не лезет, — ответил Джон.

— Еще могут быть «не» и «ни», а из трех букв — «нет», — заметил Дыббакс и принялся расширять начатый Джоном список. Он писал и писал, без остановки, и Джон понял, что друг опять прибеднялся насчет крестословицы. Похоже, словарный запас у Дыббакса не так уж мал.

— Что ж, неплохо, — оценила их достижения Филиппа. — Теперь можно пожонглировать имеющимися буквами. Представим, что здесь слово «не», тогда вот здесь получаем Н, а вот тут, скорее всего, будет О. — Она радостно добавила эти буквы в таблицу. — Что-то выходит! Мы сможем все разгадать!

Филиппа оказалась права. Следуя методу Шерлока Холмса, они подбирали наиболее частые сочетания и скоро увидели, что шифр совсем не сложный. В результате получилось письмо полковника Маунтстюарта Уэйвелла Килликранки. И выглядело оно так:

> Змею я не убивал, только обезвредил. Потом я пытался скрыться в этом ужасном месте, где я так страдаю и где, вероятно, умру от рук моих врагов. Теперь мне улыбнулась удача: у меня есть лак и хна. Удача улыбнется из глубины вод и вам, только приезжайте. В зеленых глазах Королевы кобр из Катманду — все богатство мира. Ищите третью змею. Но остерегайтесь восьмой.
>
> *М.У.К.*

Расшифровать слова действительно удалось, но понять их истинное значение ни Джалобин, ни дети пока не могли. Дыббакс заскрежетал зубами.

— Столько времени угрохали, а что имел в виду этот полковник, так и не знаем. — Он покачал головой. — Слова в простоте не скажет! Одни намеки! Неудивительно, что его семейство осталось с носом.

— Как он, интересно, змею обезвредил? — спросил Джон Джалобина.

— Понятия не имею, — сказал Джалобин. — Слабо представляю, как можно обезвредить эту тварь, оставив ее при этом в живых. Я по змеям не специалист.

Дыббакс нахмурился.

— Мы, должно быть, где-то ошиблись.

— Нет, по буквам все сходится, — уверенно заявил Джалобин. — Ты уж поверь опытному кроссвордисту.

— Но это же белиберда какая-то! — поддержал Дыббакса Джон. — Как можно сказать, что собираешься умереть от рук своих врагов, но при этом тебе улыбнулась удача. И при чем тут лак и хна?

— Во-во! — воскликнул Дыббакс. — Ракшас написал, что полковник Килликранки погиб от укуса королевской кобры. Тут уж не до покраски волос!

Расстроенный Дыббакс в сердцах хлопнул рукой по расстеленной на столе картине, вскочил и заметался по комнате. Потом остановился у висевшей на стене карты Непала и северной Индии.

— «М.У.К.», — сказал Джон. — Это определенно инициалы полковника. Значит, по буквам и правда все сходится. «Зеленые глаза Королевы кобр из Катманду» — тут тоже по смыслу все верно, хотя господин Ракшас в своей записке назвал ее «Королевой-коброй». Нет, похоже, мы все таки правильно выбрали город.

— А парень внизу, за стойкой, сказал, что неправильно, — возразил Дыббакс. Он ткнул пальцем в карту и провел невидимую линию от Катманду к индийскому штату Уттар-Прадеш. — Если верить его словам, нам надо искать где-то здесь.

— Боюсь, он прав, — сказал Джалобин близнецам. — В сущности, мы целились в яблочко, а попали в молоко. — Он открыл баночку с детским питанием — единственной пищей, которую он рисковал потреблять вдали от Англии, — и начал есть.

Дыббакс обалдел.

— Как вы можете есть эту гадость? — спросил он.

— Спокойно, — ответил Джалобин. — Набираю на ложку, открываю рот, помещаю туда содержимое ложки, закрываю рот и…

Дыббакс рассмеялся:

— Но это же замазка!

— Молодой человек, я ем эту, как вы изволили выразиться, замазку, поскольку мой желудок не выносит дерьма, которым кормят за границей. Карри ваш любимый в том числе. А это — идеальная, стерилизованная пища. Ее с чистой совестью можно дать даже грудному ребенку. Самая безопасная еда на свете.

— Грудному ребенку?! — Дыббакс опять покатился со смеху. — Я не дал бы эту дрянь даже собаке.

Джалобин строго сдвинул брови:

— Молодой человек, я вам искренне желаю таких же неприятностей с пищеварением, какими страдаю я. Чтобы вы не смели ерничать! Чтобы стереть с вашего лица эту глумливую

усмешку! — Теперь-то Джалобин не боялся произносить свои желания вслух, находясь в компании джинн. А ведь не так давно у него оставалось в запасе одно не исполненное Нимродом желание, и он был вынужден обдумывать каждое слово, чтобы не потратить это желание так же бездарно, как два предыдущих. — Вам бы мои несчастья! Увы, удача отвернулась от моего желудка еще в…

— Повторите-ка! — вскрикнул Дыббакс. — Последнее предложение.

— Удача отвернулась от моего желудка…

— «Удача»! — Дыббакс выхватил листок с расшифрованным письмом Килликранки. — Вот именно, удача! — Он поместил палец под словами и начал читать вслух: — «…я пытался скрыться в этом ужасном месте, где я так страдаю и где, вероятно, умру от рук моих врагов. Теперь мне улыбнулась удача: у меня есть лак и хна».

Он вернулся к карте на стене и издал радостный клич, взметнув руку в победном салюте. Ну наконец-то он сам до чего-то додумался! Значит, он чего-то стоит! Значит, он соображает не хуже Филиппы? И способен шевелить мозгами не хуже Джона? Ура! Ему есть за что себя уважать!

— Вот именно! — вопил он. — Это же проще простого. Неужели вы еще не дотумкали?

Джон озадаченно уставился на карту. А потом, покачав головой, схватил тибетские четки и стал угрожающе ими размахивать перед лицом Дыббакса.

— Ну, говори же, что ты там понял, задавака! — потребовал он. — Или получишь сейчас по первое число!

— Вот он — ответ, — сказал Дыббакс и ткнул пальцем в карту. — Полковник Килликранки решил с нами поиграть. Да-да, тут игра слов. Он действительно писал это в штате Уттар-Прадеш. В северной Индии. Только ни лака, ни хны у него не было. Просто место это называется Лак-хна-у. Вот, глядите, город Лакхнау! Километров примерно пятьсот к юго-западу от Катманду.

Джон, Филиппа и Джалобин подскочили к карте, а Дыббакс продолжал восторженно вопить и скакать по комнате.

— На этот раз Дыббакс прав. — Филиппа фыркнула и достала путеводитель по Индии.

— «Лакхнау, столица северного индийского штата Уттар-Прадеш, — читала Филиппа по путеводителю, — возможно, в первую очередь известен благодаря пятимесячной осаде его жителей британского происхождения в 1857 году, во время Первой войны за независимость, или, как ее иногда называют,

Великого мятежа».

— Это совпадает с датами, которые нам уже известны, — сказал Джон.

— А то как же! — сказал Дыббакс, готовый зубами и когтями отстаивать свою версию. Сейчас он точно знал, где надо продолжать поиски розового форта и потерянной Королевы-кобры. Филиппа листала путеводитель.

— Боюсь, что розового форта в Лакхнау нет. Во всяком случае, он тут не упоминается, — заметила она.

— Мы найдем прямо там, на месте, — настаивал Дыббакс.

— Туда ужасно неудобно добираться самолетом, — сказал Джалобин, рассматривая карту. — Видимо, придется лететь через Калькутту.

— Ничего себе крюк! — возмутился Дыббакс. — Калькутта совсем в другой стороне! И почему вы решили, что мы полетим на самолете?

— Надеюсь, молодой человек, вы не предлагаете нам путешествовать на смерче, — сказал Джалобин.

— Джинн-сила к нам полностью вернулась, так что… — Дыббакс пожал плечами. — Почему бы не на смерче?

Филиппа испугалась.

— Я сама никогда не запускала смерчей.

— Я тоже, — сказал Джон.

— А я запускал, — сказал Дыббакс. — Летел на нем из Палм-Спрингс к дому моей двоюродной бабушки Фелиции, на Гудзон.

— И получилось у тебя неказисто, сам же признался, — сказала Филиппа.

— Только потому, что я залетел слишком далеко на север. Надо было забирать южнее, туда, где тепло. Долететь до Флориды, а потом уж подняться вверх по Восточному побережью до Нью-Йорка. Но сейчас-то мы находимся в Индии, и тут, как вы заметили, вполне жарко. В этой стране моя джинн-сила не подведет.

Однако поутру, когда они уже собрались лететь в Лакхнау, Дыббакса подвела не джинн-сила, а живот. Парень проснулся совсем больным.

— Такое чувство, будто кто-то сжимает все мои внутренности в кулак, — пожаловался он.

— Не надо было вчера вечером есть столько карри! — Джалобин был даже доволен, поскольку оказался прав насчет «иностранного продовольствия». — Я же предупреждал: от индийской жратвы добра не жди. Полагаю, молодой человек, теперь вы уже не считаете мое пристрастие к детскому питанию столь забавным. Я его ем исключительно для того, чтобы не

глотать ту гадость, которой вы набили пузо вчера вечером. Результат налицо.

— Дыббакс не мог отравиться карри, — возразила Филиппа. — Мы же все ели карри, втроем. И я, и Джон, и Дыббакс. А я прекрасно себя чувствую.

Джон промолчал, зная, что виноват. Втайне он надеялся, что никто не вспомнит, как накануне Джалобин пожелал Дыббаксу расстройства желудка. Нет, Джон совершенно не собирался выполнять это дикое желание! Но впервые за долгое время, джинн-сила в нем так и играла, так и просилась бой, а сам он был немного утомлен после длительного перелета из Лондона… Короче говоря, он это желание выполнил. Нечаянно. Точнее — подсознательно. Так, кажется, говорил Нимрод, когда неопытный джинн, не очень-то понимая, что делает выполняет чужие желания. Н-да… Выходит, Джлобин не шутил? Выходит, он желал Дыббаксу расстройства желудка совершенно искренне?

— А ты не можешь справиться с этой болезнью? — опасливо спросил он Дыббакса. — С помощью джинн-силы?

— Думаешь, я не пробовал?

Джон кивнул. На самом деле он тоже уже попробовал вылечить Дыббакса, но поскольку точно не знал, на чем именно надо сконцентрировать воздействие джинн-силы, попытка оказалась тщетной. Возможно, он даже усугубил муки, которые испытывал его приятель.

— Ребята, вам придется сотворить этот смерч самим, — прошептал Дыббакс. — Мне слишком худо… — Заметив, что близнецы растерянно переглянулись, он добавил: — Расслабьтесь. Все получится. Смерч — это легкотня. И вообще, надо же вам когда-нибудь начинать. Так почему не здесь и не сейчас?

Джалобин замотал головой.

— Если вы не против, я все-таки полечу на самолете, — сказал он.

— Не волнуйтесь, мистер Джалобин, — прошептал Дыббакс, обхватывая руками живот. — Я подскажу им, что делать. — Он слабо улыбнулся. — Ну сами подумайте. Если ваш самолет потерпит крушение, вы окажетесь среди груды искореженного металла. А если авария случится со смерчем, все будет красиво… вокруг только воздух… один только воздух… На самом деле у нас там срабатывают воздушные подушки безопасности, честное слово.

Джалобин закрыл глаза и кивнул.

— Я знаю одно: я об этом пожалею, — сказал он. — Горько пожалею.

Они забрались на крутой холм, высившийся в западной части города. Внизу простиралась живописнейшая долина Катманду, где — согласно путеводителю Филиппы — когда-то находилось кишевшее змеями озеро. На вершине холма стояло святилище сваямбху Ганапати, — в окружении обезьян, паломников и туристов. Неподалеку, около автостоянки, джинниоры нашли тихое местечко, и Джон приступил к делу. Первый сотворенный им смерч опрокинул ближайший автомобиль, второй вообще вышел из-под контроля и унесся прочь — вслед за обезьянами, которые бросились наутек по южному склону, к Музею естествознания.

— Черт побери, Джон! — возмутился Джалобин. — Этак нас всех сейчас загребут в полицию. Давай же скорее, сделай нормальный смерч, пока на нас никто не смотрит.

— Кое-кто уже смотрит, — сказала Филиппа и кивнула на дальний конец стоянки.

Старый монах в красных одеждах начал Энергично им кланяться, благоговейно сжимая руки и бормоча что-то себе под нос.

— Продолжай, Джон, — добавила девочка. — Теперь уже поздно разбираться, видел он что-нибудь или нет.

С третьей попытки Джон сумел-таки сотворить, добротный, приличных размеров смерч и поднять в воздух всю компанию.

— Похоже, мальчик мой, ты сделал этого монаха счастливым до конца дней, — заметил Джалобин. — Думаю, ты упрочил его веру, не важно во что. Я в здешних верованиях не разбираюсь.

— Это замечательно, — сказала Филиппа и приветливо помахала монаху, а он, к ее радости, замахал в ответ.

— Так, вероятно, выглядели колесницы богов, — сказал Джалобин, пробуя за что-нибудь ухватиться. Однако ничего, кроме воздуха, он нащупать не мог. — О господи!

Дыббакс тоже громко застонал, поскольку смерч вдруг качнулся под ними и понесся вперед, словно в него впрягли упряжку невидимых лошадей. Через несколько секунд Дыббакс вообще не выдержал — и его, к отвращению Филиппы, вырвало прямо на головы толпившихся внизу туристов.

— Ну как? — сурово поинтересовалась девочка. — Тебе лучше?

Дыббакс слабо улыбнулся.

— Лучше? — едва слышно переспросил он. — Да. Чуть-чуть.

— Бедные туристы! — со вздохом сказала Филиппа.

Однако сотворенные Джоном смерчи и смерчики, а также болезнь Дыббакса оказались далеко не последними неприятностями, доставшимися в тот день долине Катманду.

Путешественники поднимались вверх и летели прочь от холма так быстро, что Джон, опомнившись, попробовал изменить траекторию. Смерч накренился — сначала слегка, а потом ощутимо, и они оказались на самом его гребне: того и гляди слетят вниз.

— Выравнивай крен! — завопил Джалобин. — Сейчас грохнемся.

— Ой, простите! — сказал Джон, а Дыббакса тем временем снова вырвало, на сей раз на ту самую несчастную стаю обезьян, которую первый неудачный смерч погнал прочь с холма.

— Выравнивай, — проговорил Дыббакс, вытирая рот рукавом. — Упирайся пятками и держись против ветра. Так легче сосредоточиться и представить, что хочешь получить в итоге.

Джон послушался и уперся пятками в клубящийся в водовороте воздух. Смерч мгновенно изменил направление.

— Не перестарайся, — посоветовал Дыббакс.

— Я, кажется, понял, как это делается, — громко ответил Джон, стараясь перекричать нарастающий вой ветра.

— Давно пора, — простонал Джалобин. — Еще немного, и меня тоже вывернет наизнанку.

Смерч несся над долиной. Задев хвостом альпинистский перевалочный пункт, он сорвал рифленые жестяные крыши с туалетов и душевых — к смущению и стыду тех, кто был внутри. Дыббакс рассмеялся, хотя по-прежнему корчился от боли животе.

— Надо мне почаще болеть, Джон, — сказал он. — У тебя такие клевые смерчи выходят!

— Мы летим слишком низко, — заметила Филиппа. — Нас отлично видно с земли.

Она была права. Восседающие на воздушных подушках дети и однорукий мужчина были отлично видны в прозрачной воздушной спирали. Полицейский-регулировщик тщетно махал им жезлом, пытаясь направить путешественников в сторону от многолюдной центральной площади Дурбар, и еле увернулся от спутниковой антенны-тарелки, которую смерч сорвал с крыши ресторанчика «Боннингтон Бургер». Завидев шарахающийся вправо-влево смерч, рабочие бросили складывать кирпичи и сгребать песок на стройплощадке гостиницы для альпинистов и разбежались точно тараканы. Происходи все это не в Катманду, а в любом другом городе мира, там наверняка бы возникли паника и хаос. Но столица Непала известна своей неторопливостью и терпимостью. Многие заметили четырех западных туристов, летевших, скрестив ноги, прямо по воздуху без всякого летательного аппарата, но недовольно заворчали всего несколько человек. Большинство жителей Катманду были всегда готовы к

чудесам, а паломники именно за чудесами сюда и прибыли, поэтому летевших на смерче людей они приняли за магов какого-то тайного искусства из области летательной йоги, которая крайне способствует глубинной медитации и проникновению в суть вещей. Все глядевшие на смерч с земли сочли, что стали свидетелями бескрайних возможностей самопознания, к которому сами они стремились, посещая непальские ашрамы и храмы. Священники поклонились, отшельники воздели руки к небу, гуру захлопали в ладоши, йоги приняли позу лотоса и начали в этой позе прыгать по траве, точно сами пытались взлететь, женщины бросали вверх цветы, а хиппи блаженно улыбались и, подняв вверх два пальца, приветственно махали путешественникам.

— Круто, — сказал Дыббакс и тоже поднял два пальца.

— Так в какую нам сторону? — спросил Джон.

— Лакхнау там. — Дыббакс неопределенно махнул в западном направлении.

Джон с сомнением посмотрел на страшно бледного, маявшегося животом Дыббакса.

— Ты уверен? — спросил Джон.

— Уверен, — раздраженно сказал Дыббакс. — Сначала немного на запад, а потом прямо на юг. К обеду доберемся.

В Непале находятся самые высокие пики мира: и Джомолунгма, и Лхоцзе, и Макалу, и, возможно самая трудная для подъема вершина — Аннапурна. Джон направил смерч вдоль южных отрогов Аннапурны, и именно здесь они столкнулись с свежим муссонным ветерком, который, несмотря на все ухищрения Джона, начал сносить их к северу, в предгорья Гималаев.

— Мы отклонились от курса, — крикнула брату Филиппа.

— Знаю, — ответил он. — Мне с этим ветром не справиться.

Но ни Филиппа, ни Дыббакс помочь ему не могли, потому что управлять смерчем вправе только тот джинн, который его создал.

— Надо уйти от ветра, который дует нам в хвост, — сказал Дыббакс.

— Я боюсь подниматься выше, — отозвался Джон. — Не замечаете? Становится холодно. — Он поглядел вниз. — Приземляться здесь мне тоже не хочется. На земле-то снег лежит.

Но когда их окончательно снесло к заснеженным склонам Аннапурны, Джону стало так холодно, что он больше не мог управлять смерчем, и они были вынуждены приземлиться прямо на неприветливый каменистый ледник. Вершина была совсем близко, в каких-нибудь трех километрах.

Оттуда, сверху, дул порывистый ветер, обжигая теплолюбивых джинн ледяным дыханием, забрасывая их снегом и

промораживая до самого мозга костей. Развести костер на горе было не из чего, поэтому надежды согреться и восстановить джинн-силу у детей не было. Альпинистов в поле зрения тоже не было — ни на склонах, ни в огромной заснеженной долине, — так что рассчитывать на помощь или хотя бы на чашку горячего чая не стоило. Не прошло и нескольких минут, как четверо путешественников поняли, что их ждет неминуемая смерть от холода, если не случится чудесного спасения. Причем очень быстро.

— Изумительный вид, не правда ли? — язвительно произнес Джалобин. Он сел под огромной глыбой льда, засунул единственную ладонь под мышку и, стараясь не клацать зубами, проворчал, искоса глядя на Дыббакса: — Значит, говоришь, смерчем лучше, чем самолетом? А я, дурак, поверил!

— Я же не виноват, если Джон летать не умеет, — сказал Дыббакс. — Надо было двигаться на юг, а потом на запад. Так мы бы не попали в этот дурацкий муссон.

— Я точно помню, что ты сказал сначала на запад, потом на юг, — заспорил Джон, перекрикивая вой ветра.

— Нечего катить на меня бочку! — взвился Дыббакс.

— Никто никого не обвиняет, — сказала Филиппа. — Уже не время. Если мы прямо сейчас не придумаем, что делать, мы очень скоро умрем от холода. — Она села около Джалобина и прижалась нему, тщетно пытаясь согреться.

Большие пушистые облака застилали солнце, температура стремительно падала. Волосы путешественников посеребрил иней.

Туг заговорил Джалобин, и на холодном гималайском воздухе изо рта у него повалил пар. Детям даже показалось, что сейчас оттуда, как из лампы или бутылки, появится джинн.

— У кого-нибудь припасено это… как его? На букву Д. Короче — желание на крайний случай. Сейчас самое время им воспользоваться.

Ни один из трех джинниоров не отозвался.

— Так я и знал, — мрачно пробормотал Джалобин. И добавил: — *Nunc fortunatus sum.*

— Что это значит? — спросила Филиппа.

— Я просто вспомнил, — сказал Джалобин, приобняв девочку за плечи, — о том, что написал полковник Килликранки. Я бы сейчас тоже хотел, чтобы нам улыбнулась удача. Я бы хотел оказаться в Лакхнау.

— Я тоже, — чуть не плача сказала Филиппа и вдруг вскочила: — Смотрите!

К ним, вверх по склону, широким, размашистым шагом

поднимался высоченный человек. Или нет, не человек… Существо смутно напоминало обезьяну с длинной и косматой бурой шерстью. Огромная голова походила на яйцо, лицо было плоское, без всякой шерсти.

— Это медведь? — испуганно спросил Дыббакс — Какой медведь? Это йети! — возразил Джон. — Ужасный снежный человек.

— Разрази меня гром! — воскликнул Джалобин. — Нам только чудища не хватало.

Он закрыл глаза и приготовился вознести последнюю молитву.

Глава 10
Идеальные дети

За тысячи километров от Индии, в Нью-Йорке, двойники Джона и Филиппы, их «вторые я», созданные ангелом Африэлем, вели себя идеально. Даже чересчур. Ведь что типично для ангела и любого его творения? Вот именно! Ангельский характер. Никаких тебе недостатков, недосмотров, недомыслия или недозволенных поступков. Это означало, что Джон-2 и Филиппа-2 не умели проказничать или лениться, как настоящие близнецы и как любые нормальные дети. Не то чтобы настоящие Джон и Филиппа были плохими детьми, вовсе нет. Но ведь у всех детей — не важно, джинн они или мундусяне — случаются приступы лени, беспечности, непослушания. И всем им иногда хочется… пошалить. Однако у Джона-2 и Филиппы-2 не было ни одного из этих естественных детских недостатков, и уже спустя два дня после их появления в доме семь на Восточной Семьдесят седьмой улице их необычное поведение привлекло внимание окружающих. Первой, кто заметил, что своенравные хозяйские дети превратились в сущих ангелов, была миссис Трамп, домработница семейства Гонт. Это же немыслимо, чтобы Филиппа взялась мыть кафель в ванной, а Джон отправился выносить мусор! Теперь-то понятно, какая добрая фея только что вытерла всю пыль и пропылесосила весь дом!

— Уж не знаю, что вы, дружочки, затеяли, — сказала близнецам миссис Трамп, нервно теребя жемчужное ожерелье (домработница Гонгов была очень богатой женщиной и часто носила под фартуком дорогущие драгоценности). — Но как бы там ни было, спасибо за помощь. В этом доме всегда полно работы. Иногда мне кажется, что без волшебной палочки тут вовек порядка не будет… Но что вы все-таки затеяли?

— Мы ничего не затевали, — ответила ей Филиппа-2. — Просто пытаемся как-то облегчить вам работу.

— Конечно! — подхватил Джон-2. — А теперь вам надо на пять минут прилечь. И может быть, вы хотите зеленого чая? По-моему, он вам совсем не помешает.

— Но что скажет ваша мама? — испугалась миссис Трамп. — Что она подумает, если увидит, что я прохлаждаюсь на диване, а вы двое делаете за меня всю работу? Да меня тут же уволят! Наверняка. Она не за то мне платит, чтобы я тут чаи гоняла.

Тем не менее миссис Трамп позволила близнецам немного за собой поухаживать. Да и как она могла отказаться? Ведь

Филиппа-2 испекла для нее торт. Воздушный, как ангельская поступь, бисквитный торт.

На глазах у миссис Трамп показались слезы.

— Для меня никто никогда не пек пирогов… Разве что в детстве…

Но даже съеденные в детстве пироги и торты не выдерживали никакого сравнения с этим произведением искусства. Да и чай оказался необычайно вкусным.

— Смотрите, — сказала миссис Трамп и захихикала, — а то еще я привыкну к вашим деликатесам!

Но вскоре она решительно встала, шуганула детей из кухни, начала готовить обед и вскоре забыла о неожиданном внимании, которое проявили к ней хозяйские дети. Однако они не преминули снова напомнить о своих замечательных качествах. Войдя после обеда в столовую, чтобы убрать грязную посуду, миссис Трамп обнаружила, что все уже сделано: близнецы не просто унесли тарелки на кухню, но даже ополоснули их и аккуратно разместили в посудомоечной машине.

— Вот это да! — ахнула домработница.

Мистер Гонт тоже заметил перемены в близнецах. Да и как было не заметить, если Филиппа-2 притащила ему прямо в постель чашку кофе — лучшего кофе он в жизни не пил! — и положила на поднос утреннюю газету, а Джон-2 наполнил для него ванну? Выходя из комнаты, близнецы, вернее, «близнецы близнецов» теперь не забывали выключать свет и электроприборы, а ведь именно за забывчивость и небрежность папа так часто сердился на них прежде. В общем, мистер Гонт был крайне доволен своими детьми, хотя заподозрил, что они просто пытаются задобрить его впрок и скоро подкатятся к нему с какой-нибудь неожиданной просьбой Ладно, попросят — разберемся, решил мистер Гонт. А пока надо расслабиться и получать удовольствие.

От глаз миссис Гонт внезапные перемены в поведении близнецов тоже не укрылись, но, в отличие от мужа, она подумала, что дети уже напроказничали и теперь заметают следы. Поэтому она решила последить за ними попристальнее. Но никаких проступков не выявилось. Более того, к своему величайшему удивлению, Лейла обнаружила, что Джон теперь реже играет на компьютере и смотрит телевизор, зато стал больше читать. А Филиппа по утрам старательно расчесывает волосы, тщательно пережевывает пищу, чистит зубы после каждой еды и содержит комнату в идеальном порядке. Оба они по крайней мере один раз в день принимают ванну или душ. Без всякого напоминания. Все это было похоже на чудо.

Правду знала только кошечка Монти. Она поняла, что это не настоящие близнецы, а их двойники. Кошки — такие особые существа, которым ведомо то, что не ведомо ни людям, ни даже джинн. А уж кошки, которые — как Монти — когда-то были женщинами, вообще обладают особой интуицией. Впрочем, Монти пришла к этим выводам отнюдь не без оснований: новый Джон не кидался в нее разными предметами, когда она точила когти о ножки его любимого кресла, а Филиппа, прежде любившая тайно подкормить кошечку под столом, перестала давать ей лакомые кусочки. Но главной подсказкой был, разумеется, запах. Кошка почуяла, что в доме живут теперь совсем другие близнецы, потому что пахли они совершенно иначе. Точнее, не пахли вообще, что, впрочем, было неудивительно, учитывая их невообразимую любовь к чистоте.

Когда же миссис Гонт узнала, что Джон принимает душ аж два раза в день, она решила, что ребенок заболел, и вызвала джинн-доктора Дженни Сахерторт — маму Дыббакса.

— С близнецами что-то не так, — сказала ей миссис Гонт. — Не знаю, что именно, но они какие-то не такие.

— А поконкретнее, Лейла?

— Они никогда не были такими… хорошими. Такими ответственными. Такими понимающими. Такими предупредительными. Такими уравновешенными. Такими послушными. Такими опрятными. Такими прилежными. И уж точно они никогда не были такими чистюлями. Наверно, это какая-то болезнь, или стресс, или еще что-нибудь в этом роде.

Доктор Сахерторт покачала головой.

— Лейла, дорогая, уж прости за резкость, но, по-моему, у тебя невроз, причем на пустом месте. Большинство родителей были бы счастливы иметь детей с такими, с позволения сказать, недостатками. и вообще… ты хотя бы знаешь, где твои дети. Хотя бы знаешь, что они живы… — Доктор Сахерторт судорожно всхлипнула.

— От Дыббакса все еще никаких вестей? — Миссис Гонт участливо сжала руку подруги.

— Никаких. Мы с тетей Фелицией ищем его повсюду. — Она вздохнула. — Я сама виновата. Я была с ним слишком строга. Надо было давать ему больше свободы. Но после того, что случилось с его сестрой Фаустиной… — Доктор Сахерторт смахнула со щеки слезу.

— Ты ни в чем не виновата, — убежденно сказала миссис Гонт.

— Нет, Лейла, увы… Как говорится, потерять одного ребенка — несчастье. Но потерять двоих — типичная

безответственность. — Она высморкалась. — Я убеждена, что исчезновение Дыббакса как-то связано со смертью его друга Брэда и мистера Бленнерхассита. Вопрос только — как? Я этого не знаю. И полиция у нас в Палм-Спрингс, похоже, ничего не выяснила.

Лейла обняла Дженни Сахерторт.

— Ты права, — сказала она. — Я и вправду стала чересчур нервной.

— А как ты думаешь — почему?

Миссис Гонт на мгновение притихла.

— Хочешь, объясню? — продолжила доктор Сахерторт. — На самом деле это ясно как день ты чувствуешь себя виноватой за то, что вынуждена их скоро покинуть. Ведь ты станешь следующей Синей джинн. Верно?

— Ты об этом знаешь?

— Конечно. Мне сказала тетя Фелиция. А она узнала от Эдвиги-странницы. Они — старые друзья.

— Понятно…

Испокон веков Синяя джинн Вавилона — женщина, и сильнее ее никого в мире джинн нет. Она обязана быть равнодушной к Добру и Злу, поскольку должна вершить между ними справедливый суд. Миссис Гонт дала тайную клятву: она согласилась сменить Айшу, нынешнюю Синюю джинн, после ее смерти, чтобы совсем старая, одряхлевшая Айша, которая на самом деле была ее собственной матерью, не вздумала сделать своей преемницей Филиппу. За необыкновенное могущество все Синие джинн всегда платили ужасную цену: им приходилось поступаться семейными и дружескими связями и жить, руководствуясь лишь холодными правилами Логики. Без любви.

— Тебе кажется, что, будь они непослушны, тебе было бы легче с ними расстаться? — Доктор Сахерторт покачала головой. — Пойми, Лейла, милая, дети ничем не больны, это у тебя болит душа. Потому что ты знаешь, как будешь тосковать по своим детям, как тяжела будет разлука. — Она помолчала. — Ведь я права?

— Да. Ты права. — Миссис Гонт глубоко вздохнула. — Но что я могу поделать, Дженни? Я же дала слово. У меня не было выбора. Я поклялась Айше, что, когда она уйдет в иной мир, я приду ей на смену и стану следующей Синей джинн. И произойдет это совсем скоро. Через несколько дней. — Миссис Гонт закусила губу. — Что же я скажу им, Дженни? Что я скажу Джону и Филиппе?

— Ты просишь совета?

— Конечно.

— Скажи им то, что сама Айша когда-то сказала тебе и

Нимроду. Когда уходила, чтобы стать Синей джинн. Ты ведь справилась с этой утратой, Лейла? Справятся и они. Просто повтори слова своей матери. И если твои дети хотя бы наполовину такие расчудесные, вдумчивые и понимающие, как ты описываешь, они тебя не осудят. Поверь.

В то утро, когда в своем берлинском особняке скончалась Айша, миссис Гонт поднялась к детям и обнаружила, что они сидят по своим комнатам и читают. Ну, Филиппа еще ладно, но чтобы Джон схватился за книгу с самого утра? Миссис Гонт даже решила пощупать его лоб: не упала ли температура, поскольку у джинн температура во время болезни не поднимается, а, наоборот, падает. Нет, кажется, горячий. Значит, температура нормальная. И все же поведение Джона так насторожило миссис Гонт, что она сунула ему термометр под язык. Все в порядке: 39,6, что на три градуса выше температуры здорового человека и абсолютно нормально для здорового джинн.

— Что-нибудь случилось? — спросил Джон-2.

— Вроде нет, — задумчиво сказала миссис Гонт. — Во всяком случае, с тобой.

— Со мной? — удивился Джон-2. — Я прекрасно себя чувствую.

— Надеюсь, дорогой… Просто ты чересчур послушный… — Она пожала плечами. — Вот и все.

Тут в комнату вошла Филиппа-2. Она теперь повадилась по утрам проверять, нет ли у мамы для нее поручений. Мило улыбнувшись, девочка села на краешек стула. Воплощенная скромность: руки на коленочках, ножки вместе, спинка точно струнка. В точности так, как просит мать. Она даже надела платье, хотя обычно миссис Гонт не удавалось убедить Филиппу сменить джинсы на девичью одежду.

— Вы оба какие-то… ручные, — растерянно продолжала миссис Гонт. — Ну вот, смотри, как ты сидишь, Филиппа. Ты же всегда сутулишься, а сейчас нет. И платье тебя обычно надеть не заставишь. И Джон вдруг перестал пялиться в телевизор и начал читать книги. Все это как-то… неестественно.

— Но, мама, ты же всегда просишь меня не сутулиться, — возразила Филиппа-2.

— И всегда говоришь, что я должен больше читать и меньше смотреть телевизор, — добавил Джон-2. — Ну вот, я так и делаю.

— Да, дорогой. Ты прав. — Миссис Гонт присела на край кровати. Ей все еще было невдомек, что перед ней не ее родные дети, а лишь совершенные копии Джона и Филиппы. — Странно сетовать на то, что вы вдруг стали неукоснительно выполнять все

мои просьбы и требования… Конечно странно… Но я как-то… привыкла к тому, что вы ведете себя несколько хуже, чем сейчас…

— Давай уточним, — сказала Филиппа-2. — Ты хочешь, чтобы мы плохо себя вели?

— Нет. — Миссис Гонт смущенно улыбнулась. — Этого я не говорила. Но я не хочу, чтобы вы вдруг переменились до неузнаваемости. Не хочу, чтобы вы утратили свое «я».

Сама того не понимая, миссис Гонт точно определила проблему двойников Филиппы и Джона. «Второе я» — совсем не то, что «первое я». У «второго я» нет души. Впрочем, наличие или отсутствие души у этих детей можно было проверить лишь одним способом: поднявшись с ними на чердак и поставив там каждого перед зеркалом под названием «синопадос». Но это миссис Гонт в голову не пришло. Сейчас ее занимало совсем другое и весьма немаловажное дело: как сообщить близнецам не только о том, что их бабушка умерла, но и что сама она, Лейла Гонт, должна немедленно покинуть дом и семью, поскольку согласилась стать преемницей Айши и, соответственно, следующей Синей джинн Вавилона. Понимая, что Дженни Сахерторт права и нет смысла ходить вокруг да около, миссис Гонт выложила им все новости сразу, то есть поступила точно так же, как поступила много лет назад ее собственная мать.

— Все это означает, что я навсегда покидаю наш дом, — закончила она. — Я должна оставить вас и папу. Отныне я буду жить в Берлине. Ну и в Вавилоне, конечно. Я уезжаю прямо сейчас.

— Да, мамочка, я понимаю, — сказала Филиппа-2, смахивая уместную слезинку. — Ты согласилась ради меня, верно?

— Нет, Филиппа, — сказала миссис Гонт. — На самом деле Айша всегда хотела, чтобы преемницей стала именно я. Не ты, а я. И тебе совершенно не за что себя корить. Ты ни в чем не виновата.

— Да, теперь все встает на свои места, — рассудительно добавил Джон-2, который, разумеется, помнил все, что хранилось в памяти настоящего Джона. — То-то мне казалось, что тогда, в Иравотуме, спасение Филиппы прошло слишком гладко. Теперь понятно, почему Айша нас не остановила.

Большую часть года Синяя джинн живет в Берлине. Но один раз в год, зимой, она отправляется в Иравотум, огромное подземное царство под Вавилоном, где все воплощения Синей джинн уже много веков подряд закаляют сердца.

Двойники близнецов притихли. Они быстро просчитали, как лучше реагировать на эту новость, и справедливо сочли, что сильный всплеск эмоций сейчас вряд ли поможет миссис Гонт.

Надо думать о маме, а не о своих чувствах, надо облегчить ей и без того тяжелое расставание. Нельзя быть эгоистами, надо вести себя достойно — ведь все равно ничего не изменишь.

— Ты уже сказала папе? — спросил у матери Джон-2.

— Нет еще. — Она покачала головой. — Я очень за него боюсь. Он не такой сильный, как вы.

Дети даже удивили ее своей выдержкой. Наверно, их сила друг в друге, решила миссис Гонт. Они все-таки близнецы, а вместе близнецы обладают совершенно особой силой, которую никому из неблизнецов не постичь. Миссис Гонт поняла, что за детей можно не волноваться. Зато Эдвард Гонт… о, Эдвард — это совсем другое дело. И как она раньше не почувствовала? Волноваться надо за мужа, а не за детей. Что с ним станется? Как он переживет утрату? Как будет без нее жить?

Все еще полагая, что перед ней ее собственные обожаемые дети, миссис Гонт обняла двойников и поцеловала их в макушки, непривычно благоухающие шампунем. Да, она восхищалась их мужеством, но все же была слегка разочарована. Неужели им нисколько не больно? Не страшно? Неужели они так спокойно расстанутся с родной матерью? Что ж, она тоже не станет плакать…

И тут Лейлу осенило, хотя ее догадка была, разумеется, неверна.

— Я все поняла. Ну конечно!.. — и Лейла разрыдалась. — Потому вы и вели себя в последнее время так идеально. Потому и старались мне ни в чем не перечить и быть такими хорошими, и сейчас тоже — вы стараетесь облегчить для меня отъезд, верно? Значит, вы догадывались? Вы знали, что нам предстоит, и хотели, чтобы мне было легче? — Она снова принялась целовать двойников. — Какие у меня чудесные, какие замечательные дети! Ангелы, а не дети! Маленькие ангелы.

Что ж, в этом она была почти права.

Теперь-то Джон-2 сообразил, что они с Филиппой-2 чуть-чуть просчитались. Миссис Гонт наверняка ожидала, что ее дети по крайней мере попытаются отговорить ее от этой затеи. Поэтому Джон-2 наконец произнес то, что, по его мнению, сказал бы на его месте настоящий Джон:

— Пожалуйста, мама, не уезжай. Мы тебя не отпустим. А если уедешь, мы отправимся следом и вернем тебя домой.

— Правильно, — подхватила Филиппа-2. Она тоже поняла, какие именно слова сейчас будут уместны, чтобы утешить миссис Гонт. — Мы тебя не пустим.

— Нет, все-таки я должна ехать, — ответила Лейла. — Я дала слово. И вы тоже сейчас дадите мне слово. Вы пообещаете, что

останетесь здесь и будете заботиться о папе. Будете его беречь и защищать — что бы ни случилось.

Двойники промолчали. Они решили, что в данных обстоятельствах маме возражать не стоит. А миссис Гонт, улыбнувшись, сказала:

— Боитесь дать мне слово? Что ж, я вас не виню. Все-таки вы — мои родные дети и хотите не сидеть дома, а спасать маму… Ладно, тогда просто внимательно послушайте. Вот что случится, если вы вздумаете последовать за мной. Это случится не с вами, а с вашим отцом. Слушайте,

не отвлекайтесь. Вы когда-нибудь слышали

о человеке по имени

Мафусаил?

Глава 11
Желания и беспечность

И вот йети уже стоит прямо перед ними — громадная меховая гора, неуязвимая ни для снега, ни для ветра. Джон прикинул, что ростом это существо примерно метра три. Однако снежный человек не был ни отвратителен, ни даже сколько-нибудь неприятен. Он не обнажил клыков, не ударил себя в грудь, не зарычал и не заревел, одним словом — не сделал ничего такого, чего ожидали от него четверо узников ледяной горы Аннапурны. Вместо этого йети тяжело вздохнул и подал им знак следовать за ним вниз по склону. Но никто не двинулся с места. Поняв, что они просто боятся, йети заговорил.

— Kommt, — сказал он. — Kommt, kommt, wir mussen uns beeilen!

— Он предлагает идти за ним, — перевел Джон, который когда-то не пожалел джинн силы на то, чтобы в совершенстве овладеть немецким языком. — И говорит, что мы должны спешить.

— Типичный немец, — простонал Джалобин, пытаясь распрямить скованные морозом ноги. — Они вечно куда-то спешат.

Филиппа хмыкнула.

— Вот уж на кого он совсем не похож, так это на типичного немца.

— Мне не важно, откуда он родом, — процедил Дыббакс и первым зашагал вслед за йети. — Главное, чтобы он отвел нас туда, где потеплее.

Они двинулись за снежным человеком вниз по склону Аннапурны и вскоре добрались до огромной глыбы льда, за которой скрывалась огромная — под стать самому йети — дверь, аккуратно врезанная в другую глыбу. Чуть сдвинув первую, йети пропустил путешественников и тут же вернул глыбу на прежнее место. Потом кивнул на дверь.

— Внутрь, быстро, — сказал он по-английски. — Быстрее. А то совсем околеете.

Они оказались в длинном ледяном коридоре, который, похоже, вел в самое сердце Аннапурны. Коридор был ярко освещен самыми настоящими электрическими лампами, и после двух-трех минут ходьбы они увидели другую дверь, сделанную из толстого непрозрачного стекла, уместного скорее в нью-йоркском банке, чем в недрах Гималайских гор. Ощутив присутствие

гостей, дверь с тихим шорохом скользнула в сторону, и их обдало волной теплого воздуха, благодатного, согревающего до самого нутра.

— Прошу, — сказал йети. — Входите.

Жилище йети было выдержано в таком же лаконичном современном стиле, как и входная дверь: стены либо из стекла, либо просто покрыты белой штукатуркой; черный гладкий пол, казалось струился, точно вода. Все это напоминало скорее больницу, Чем жилой дом, но в низком и длинном, на полстены, камине приветливо горел огонь и это скрашивало скудость и негостеприимность обстановки.

— Добро пожаловать в мою гималайскую обитель, — сказал йети, как только дверь бесшумно закрылась у него за спиной. — Располагайтесь, чувствуйте себя как дома.

Н-да, легче сказать, чем сделать. Ведь в подземной квартире не было никакой мебели. Поэтому они сели прямо на пол, поближе к огню, и уставились на косматого хозяина, надеясь на какое-нибудь дополнительное гостеприимство.

— Вы, наверно, хотите чаю или кофе? — спросил йети.

— Если вас не затруднит… — отозвался Джалобин.

— Ничуть, — сказал йети и произнес: — КАВАРДАКОХАОС.

Видимо, это было слово-фокус, поскольку не успело оно сорваться с его громадных мясистых губ, как возле четырех страдальцев появился под нос с горячим шоколадом, кофе, чаем, с кучей бутербродов, булочек и пончиков.

— Значит, вы — джинн, — сообразила Филиппа — как и мы. Мы трое. Мистер Джалобин — единственный среди нас мундусянин.

— Рад с вами познакомиться, — сказал Джалобин, наливая себе чаю. — Мы-то решили, что вы — снежный человек.

Йети улыбнулся.

— Я и есть снежный человек, — сказал он. — Уже много десятков лет я провожу отпуск в Гималаях, чтобы по-настоящему отдохнуть от… от всего. От современного мира. Понимаете? Я обожаю лазить по горам, упиваюсь свежим горным воздухом. Не говоря уж о моей любви к одиночеству. Для настоящего отдыха самое важное — одиночество. — Он засмеялся. — Англичане, вероятно, назовут меня отшельником, ja? Верно?

— Еще бы! — с трудом произнес Дыббакс, запихнувший в рот почти целый бутерброд. — Как такому чудищу не быть отшельником? Вряд ли к вам ломятся посетители.

Филиппа посмотрела на нахала крайне неодобрительно.

— Дыббакс. Не груби.

— Нет, нет, — сказал йети. — Ваш друг совершенно прав. Я

предстаю в таком виде в том числе и для того, чтобы отпугнуть людей. Хотя это — не единственная причина. Есть другие причины, более практического свойства. Кстати, этот образ — мое собственное изобретение. — Он показал им свою громадную, голую, лишенную меха и покрытую жесткой кожей ступню. — Такая нога идеально приспособлена для лазанья по горам. Мыщцы ног тоже развиты соответствующим образом. А меховая шкура прекрасно греет меня в любую погоду. Конечно, все эти ухищрения нужны только на открытом воздухе. В доме я принимаю свое привычное обличье.

С этими словами йети превратился в обыкновенного мужчину и галантно поклонился гостям:

— Разрешите представиться. Барон Райнхольд фон Райнрассиг. Из джинн-клана Джань.

Барон был высок и белокур. На широком лице его лукаво искрились синие-пресиние глаза. Они сияли даже ярче, чем маленький алмазный гвоздик, который торчал в мочке его левого уха.

Когда все перезнакомились с бароном, Джон спросил:

— Так, значит, все эти мифы и легенды о снежном человеке на самом деле — о вас?

— Боюсь, что да. — Барон пожал плечами. — Вначале мой замысел себя вполне оправдывал. Местные жители старались держаться от меня подальше. Но потом тут появились экспедиции, снаряженные специально, чтобы меня поймать. Спасает только то, что я провожу здесь всего несколько недель, причем зимой, так что найти меня совсем непросто. Остальную часть года я живу у себя дома, в нашем фамильном замке в Баварии.

— Но почему вы выбрали именно эти места? — спросил Джалобин. — Вы ведь джинн, а джинн так любят жару. И кровь у вас даже горячее человеческой. Почему не поехать в теплые страны?

— У большинства жарких стран, как бы хороши они ни были, есть одна беда, — сказал барон. — Там тучи туристов. Лет пятьдесят назад я часто ездил на Майорку, Мальдивы, Гавайи, Ямайку или на Виргинские острова. — Он покачал головой и скривился. — Больше меня туда не тянет, фабрики по выкачиванию денег. Там все пронизано пороком. Теперь езжу только сюда. Здесь тоже, конечно, попадаются туристы-альпинисты. Но на Аннапурну не так-то легко забраться. Особенно в это время года. — Он мягко улыбнулся. — Вот и вся моя история. Ну а с вами что случилось? Я видел ваш смерч и предположил, что у вас какие-то неприятности.

— Мы летели из Катманду в Лакхнау, — сказала Филиппа. — Но ветер сбил нас с верного курса.

— Холодный воздух лишил меня джинн-силы, — добавил Джон. — Пришлось совершить вынужденную посадку.

Барон кивнул.

— Обычная проблема, когда учишься летать. К сожалению, джинн всегда рискуют внезапно утратить температуру тела, необходимую для управления смерчем. Это для нас, так сказать, издержки профессии.

— Но как же вы тут живете? — спросил Дыббакс. — На этой горе дикий холод.

— Ну, во-первых, здесь, в доме, очень тепло — сказал барон.

— Воистину. — Джалобин снял пиджак и ослабил узел галстука. — Как в печке.

— Во-вторых, когда я — йети, мне тоже вполне тепло. У меня есть подкожный жир и меховая шкура, что означает, что температура моего тела остается неизменной и в доме, и на открытом воздухе. — Он протянул руку и пощупал тоненькую футболку Джона. — В следующий раз, когда соберетесь летать, наденьте что-нибудь посущественнее. Вроде лётного костюма из овчины.

— Я всегда прошу его надевать куртку или пальто, — сказала Филиппа. — Но он не слушается.

Джон пожал плечами:

— Ненавижу пальто.

— И я тоже, — подхватил Дыббакс.

— Однако, — сказал барон, — для полетов, совершаемых с помощью джинн-силы, я настоятельно советую одеваться тепло. Кстати, если вы все-таки намерены добраться в Лакхнау, вам придется обзавестись теплой одеждой. — Он покачал головой. — Самого меня туда совсем не тянет. Как и вообще в Индию. Понимаете, я избегаю жарких стран еще по одной причине. Я терпеть не могу змей. А Индия ими кишмя кишит. Конечно, в Непале их тоже немало. Но не здесь. И не зимой. — Он смущенно засмеялся. — Я знаю, что это звучит нелепо. Почему джинн вдруг боится змей? При том что мы, джинн, неуязвимы для змеиного яда. И в то же время я нисколько не боюсь паукообразных — скорпионов и пауков, — хотя их яд для джинн как раз опасен. В общем, нелепица она и есть нелепица. Но я ничего не могу с собой поделать.

— Мы неуязвимы для змеиного яда, но можем погибнуть от укуса паука или скорпиона? — повторила Филиппа. — Я не знала.

— А я знал, — сказал Дыббакс. — Странно, что для тебя это

новость.

— Тогда почему ты боишься тех парней из Палм-Спрингс? — спросил Джон. — Которые убили Брэда и его отца?

— Я боюсь, что кроме змей у них есть и другое оружие, — сказал Дыббакс. — Для пули я пока уязвим. Как и любой джинн.

— Нет, давайте все-таки разберемся, — настаивал Джон. — Значит, все джинн обладают иммунитетом к яду змеи?

Барон кивнул.

— Да. И кстати, древние змеиные культы переняли эту идею от нас. Я имею в виду, что общение с ядовитыми змеями является для них признаком святости, власти над смертью и все такое прочее. На самом деле все это ерунда. Ни один мундусянин никогда не выживал после укуса крупной кобры. Ну разве что если ему оказывали быструю и квалифицированную медицинскую помощь. Справиться с коброй без врачей может только джинн.

— Как же так? — Джон задумался. — Прошлым летом мы с дядей ездили в Египет. И ифритцы подсунули кобру в мой багаж. Дядя тогда сказал, что я мог погибнуть.

— Ах, вот ты о чем, — сказал барон. — Если тут замешаны джинн из клана Ифрит, это совсем другое дело. Ифритцы здорово управляются со змеями. Это их талисман. И сами они превращаются исключительно в змей. По всей вероятности, тебе подсунули ифритца в обличье кобры, то есть джинн-кобру. А это вовсе не обычная змея. И она вполне могла тебя убить.

— Но как их отличить? — спросил Джон. — Вы глядят они абсолютно одинаково.

— С виду и вправду не отличишь. Только когда укусит. Но большинство этих гадов — совершенно обычные змеи. Так что волноваться на самом деле не стоит. Почти никогда.

— Господин барон, вы говорили про змеиные культы, — сказала Филиппа. — А вы когда-нибудь слышали про Ааст Нааг?

— Восемь кобр? Разумеется. Это был местный культ джиннопоклонников. Кажется, недалеко от Катманду. Но после восстания тысяча восемьсот пятьдесят седьмого года они как-то заглохли.

— Зато теперь возродились, — сказал Дыббакс. — И мы в этом вполне уверены.

— Тогда вам надо быть очень осторожными, — встревожился барон. — Не только вам. Нам всем. С миром может случиться что угодно, если они снова сумеют получить власть над каким-нибудь джинн. Люди очень внушаемы, и человек который докажет, что он бессмертен, пережив на глазах у толпы укус кобры, с легкостью убедит эту толпу сотворить любое, буквально любое зло.

— Этого-то я и боюсь. — Филиппа вздохнула.

— Я помогу вам, — сказал барон. — Я помогу вам снова подняться в воздух и даже наделю мистера Джалобина тремя желаниями, чтобы он мог спасти вас, если вы сами окажетесь бессильны.

— Это очень любезно с вашей стороны, сэр, — сказал Джалобин, понимая, что при нынешних обстоятельствах он едва ли вправе отказаться от благородного предложения барона. Разумеется, три желания могут оказаться очень полезны в предстоящем путешествии. И все же… И все же его грызло сомнение, потому что он отлично помнил, какое бремя ответственности ложится на обладателя трех желаний, полученных от могущественного джинн. Однажды ему уже случилось стать их обладателем, и он слишком хорошо знал, как нелегко, как страшно стоять перед выбором и как парализует человека необходимость совершать этот выбор. Он так промучился без малого десять лет и испытал неимоверное облегчение, когда его третье желание было наконец израсходовано. Самое ужасное состояло в том, что высказанное желание зачастую имеет совершенно непредсказуемые последствия. Как любит говорить господин Ракшас: «Желание — все равно что костер. Запалить нетрудно, но кто-нибудь обязательно закашляется, наглотавшись дыма».

Барон оказал путешественникам всяческую помощь, в том числе снабдил их теплой одеждой, и они все-таки прибыли в Лакхнау в тот же день правда, уже после наступления темноты, так что разглядеть розовый форт с воздуха им не удалось.

Дыббакс, который вполне оправился после болезни и на этот раз управлял смерчем сам, посадил его неподалеку от города, на южном берегу ленивой, заросшей водорослями речки Гомти. Их появление в Лакхнау не привлекло особого внимания местных жителей не только потому, что Дыббакс выбрал для приземления укромное место, но и потому, что по совету барона все они стали индийцами. Филиппа, как все индианки, надела сари, а Джалобин и оба мальчика надели *курта*— длинные, до колен, рубашки, какие носят индийские мужчины. Но преображение касалось не только одежды. С помощью джинн-силы они перекрасили себе волосы в черный цвет и сделали кожу совсем смуглой. Кроме того, они теперь безупречно владели хинди — официальным языком Индии. Мистер Джалобен стал господином Гуптой, Джон — Джанешем, Филиппа — Панчали, а Дыббакс — Дипаком. Характеры их при этом не изменились, но некоторые тонкие отличия все же возникли.

После превращения они некоторое время чувствовали себя не

в своей тарелке, но пообвыклись довольно быстро. Когда путешественники добрались до гостиницы «Чуна Лага Дия», они уже ощущали себя естественно, как перцы в карри. Более того, им очень даже понравилось быть индийцами, поскольку — как и обещал барон — местные жители не принимали их за богатых западных туристов и не пытались вытянуть из них деньги и всучить им все что ни попадя.

— Мне ужасно идет такой цвет волос, — сказала Филиппа, разглядывая себя в зеркале в ванной гостиничного номера, где она поселилась вместе с Джоном. — А какой загар! На пляже мне так в жизни не загореть. Даже за миллион лет. На пляже я мигом становлюсь красной как рак. — Она оценивающе взглянула на брата. — Тебе загар тоже к лицу, Джон. Классно выглядишь.

— Ты думаешь? — Джон вошел в ванную и принялся рассматривать себя весьма критически. — Возможно. Не знаю. Может, и так. Главное, что мы теперь не привлекаем к себе внимания.

На самом деле Джон был в таком же восторге от собственной внешности, как и его сестра, но считал, что проявлять лишние эмоции не пристало.

Впрочем, радость джинниоров была ничто в сравнении с чувствами, переполнявшими мистера Джалобина, который обнаружил, что впервые в жизни способен есть местную пищу. Да-да, превращение затронуло не только его внешность, но и все внутренности. В частности, его изрядный живот. Он уже с наслаждением съел шашлычок, купленный у уличного продавца, хотя прежде будучи настоящим английским дворецким, никогда бы себе этого не позволил, поскольку шашлыки, здесь жарили не на древесных углях, а на тлеющих коровьих лепешках.

— И почему я раньше так боялся местной пищи? Ума не приложу, — рассуждал Джалобин. — Даже не думал, что это такая вкуснятина. Какого счастья я лишал себя все эти годы!

— А может, открыть вам баночку с детским питанием? — поддел его Дыббакс.

— С детским питанием? О чем ты?! — воскликнул Джалобин и купил себе второй початок кукурузы. — Не предлагайте мне больше эту гадость! Никогда!

Стоявший на обочине торговец съестным оказался полезен им еще в одном деле: он смог опознать постройки на картине Ост-Индской компании и поведал им о том, что делается в розовом форте теперь.

— Да это же знаменитый ашрам Джаяр Шо, — сказал он. — Основал его гуру Масамджхасара. Это одна из самых известных святынь! Здесь собираются йоги и медитируют паломники со всей

Индии. Доберетесь до железнодорожного вокзала Чарбагх, потом свернете к югу, выйдете из города по Канпурской дороге, и тут сразу будет ашрам. Его отовсюду видно, мимо не пройдете. И не только потому, что он розовый. Там толпы туристов — всех этих англичан и американцев. Каждый ищет в ашраме ответ на свой вопрос. — Торговец хмыкнул, расшевелил огонь в коровьих лепешках и принялся жарить новый початок кукурузы. — И каждый жаждет оставить в ашраме кучу денег. Гуру очень богат.

— Они ищут ответы? — переспросил Дыббакс. — А какие у них вопросы?

Торговец пожал плечами.

— Вот уж не знаю, — сказал он. — Сходи туда сам да и поинтересуйся. Может, поймешь.

Следующим утром Джалобин и трое юных джинн сели в автобус, направлявшийся к югу — в аэропорт и дальше, в Канпур. Вместе с ними ехали несколько белокожих монахов, в которых джинниоры безошибочно — по широким открытым улыбкам — опознали своих соотечественников, несмотря на желто-оранжевые монашеские одежды и сандалии. Джон обратился к одному из них, вполне еще юному.

— Ты едешь в Джаяр Шо? — спросил он.

— Я там живу. Я — монах, по-здешнему *санья син*. Ученик гуру Масамджхасары.

— Но ты ведь из Соединенных Штатов?

— Верно. Из Кливленда. Это в штате Огайо.

— А зачем ты ехал так далеко? — спросил Джон. — Ты уж прости, мне просто любопытно.

— Я охотно отвечу. Меня интересуют йога и медитация. Хочу через них прийти к прозрению. — Голос саньясина, пожелавшего найти ответы на вечные вопросы, показался Джону смутно знакомым. — Ашрам — это целый огромный резервуар с энергией тех людей, которые там когда-либо медитировали. Даже те, кто неопытны и еще не умеют делать это сознательно, впадают в ашраме в глубокую задумчивость. — Он улыбнулся счастливой, но какой-то бессмысленной улыбкой. — Парень, а ты сам откуда родом? У тебя такой замечательный английский.

Джон пожал плечами.

— Мы здешние, — сказал Дыббакс. — Английский учим в школе. Еще я часто смотрю по телевизору американские фильмы. Поэтому… ну и по всяким другим причинам… наш папа, господин Гупта… — он кивнул на Джалобина, — хочет, чтобы мы побывали в ашраме. Он вообще хочет, чтобы мы там поселились. И направили свою энергию «в более духовное русло».

Эту легенду они придумали еще утром, перед отъездом из гостиницы, надеясь, что она поможет им хорошенько осмотреть ашрам. А уж как это грамотно подать, Дыббакс знал лучше всех. Недаром он жил с матерью на ее курорте в Палм-Спрингс, куда на выходные стекались все голливудские богачи и хвастались своими гуру и учителями йоги.

— Отец хочет, чтобы мы все окунулись в купель настоящего духовного тепла, — продолжал он.

— Я с радостью покажу вам ашрам, — сказал саньясин. — В Америке меня звали Джой Ридер.

— Джой? — переспросил Джон.

— Да, но в ашраме меня зовут Джаганнатха, — сказал Джой. — Ну, помните из фильмов? Джаггернаут? Неумолимая сила?

— Послушай… Джаггернаут… Ты в ашраме, случайно, не работаешь в центре компьютерной поддержки? Не даешь людям инструкции по телефону? Ну, как компьютер наладить и тому подобное?

— Верно, — удивился Джаггернаут. — Там я и работаю. Гуру открыл этот центр, чтобы все мы имели работу и пропитание.

Джон кивнул. Значит, он не ошибся. Именно Джой давал ему по телефону эти бездарные советы, когда он устанавливал программное обеспечение на свой новый, подаренный на день рождения ноутбук. Джон чуть не поперхнулся, но улыбку выдавил.

— Приятно познакомиться, Джаггернаут, — сказал он. — Меня зовут Джанеш. Это — мой брат Дипак и моя сестра Панчали.

— Мне тоже очень приятно.

— Как хорошо, что ты покажешь нам ашрам! — обрадовался Дыббакс. — А что ты делал раньше? До того, как приехал в Индию? Когда жил в Кливленде?

— Работал медбратом в больнице.

Автобус остановился у подножия громадной голой скалы из песчаника, метров тридцать-сорок высотой. Спрыгнув на землю, Филиппа прищурилась и, прикрывая глаза от солнца ладонью, как козырьком, попыталась разглядеть постройки за грозными зубчатыми стенами на вершине скалы.

— Это наверняка форт, — сказала она.

— Он и есть, — согласился Джон.

— Жуть какая! — пробормотал Дыббакс — Просто жуть.

Розовые стены форта, построенные в конце шестнадцатого столетия, выглядели неприступно и воистину устрашающе. Над самой высокой башней, откуда в эту минуту спускалось на

веревках допотопное подъемное устройство, кружили стервятники. Когда корзина дотрюхала донизу, в нее погрузились все саньясины за исключением Джаггернаута, и она начала неспешно подниматься вдоль отвесной скалы. Джаггернаут сказал, что поднимется следующим рейсом — вместе с детьми и их отцом, господином Гуптой.

Джалобин неотрывно следил, как простая корзина, какие подвешивают к большим воздушным шарам с газовыми горелками, двигалась над пропастью к вершине скалы. Однорукого дворецкого перспектива такого подъема явно тревожила. Нет, даже пугала. Он нервно покосился на молодого саньясина, с которым так подружились дети.

— Кто этот хиппарь? — спросил он Дыббакса на хинди.

— Он говорит, что в ашраме его называют Джаганнатха, — ответил Дыббакс. — Но его настоящее имя — Джой Ридер, и он готов показать нам ашрам. Мы с Джоном сказали ему, что намерены здесь поселиться. Как договаривались. — Он посмотрел на Джаггернаута и покачал головой. — Не волнуйтесь, он не понимает, когда мы говорим на хинди.

Когда подъемник вернулся вниз. Джаггернаут залез в корзину и жестом предложил Джалобину и троим детям последовать за ним.

— А иначе туда никак не подняться? — спросил его Джалобин, перейдя на английский.

— Боюсь, это единственный способ, — сказал Джаггернаут. — Но вполне безопасный. Во всяком случае, к этой штуке быстро привыкаешь. Главное — не паниковать. И не смотреть вниз.

Когда все они забрались в корзину, Джаггернаут дернул за свисавший сверху колокольчик, и они начали медленный подъем к высившейся над пропастью башне. Корзина скрипела, шкивы покряхтывали, веревки натянулись до предела, и Джалобин, не на шутку перепугавшись, решил, что никогда больше не будет ворчать и жаловаться, когда его с комфортом возят на смерче А потом он нечаянно поглядел за борт, увидел далеко-далеко внизу острые камни и скалы и просто закрыл глаза… У него резко закружилась голова.

— Дети-дети, на что только я не иду ради вас, — бормотал он. — Как бы я хотел…

— Нет! — воскликнула Филиппа. — Ничего не говорите!

Но было слишком поздно.

— …уже оказаться наверху.

Разумеется, Джалобин позабыл, что барон фон Райнрассиг снабдил его на крайний случай тремя желаниями. Дворецкий исчез, едва договорив последнее слово. По счастью, в этот момент

внимание Джаггернаута привлекло что-то на горизонте и он не смотрел на своих спутников. Но вскоре он все-таки осознал, что пассажиров неожиданно стало не четверо, а трое.

— Эй, а где ваш папа? — спросил он Дыббакса изменив своей неспешной и благостной манере речи. В испуге он заглянул за край корзины, ожидая увидеть на дне пропасти останки разбившегося человека.

Трое джинниоров некоторое время просто молчали. Они-то прекрасно поняли, что именно произошло, но как объяснить это мундусянину, пусть даже столь доверчивому, как этот хиппи Джаггернаут? Дети боялись, что у них просто не хватит изобретательности. Тут и слов-то нужных не подберешь.

— Куда он делся? — вопил саньясин. — Господин Гупта! Он исчез!

— Ага, именно так! — с легкостью подтвердил Дыббакс, а дальше принялся вдохновенно фантазировать, или попросту лгать, поскольку владел этим затейливым искусством в совершенстве. — Понимаешь, всякий раз, когда он видит над головой веревку, он просто не может удержаться. Наш папа фокусник, ясно? Факир. И специализируется он на особом индийском фокусе — на лазании по канату. Как увидит ведущую в небо веревку, так фазу лезет по ней вверх и… исчезает. — Дыббакс прищелкнул пальцами. — В мгновение ока!

Джон и Филиппа смущенно вздрогнули. Брехня Дыббакса звучала совершенно неправдоподобно. Впрочем, объяснить исчезновение Джалобина из корзины сколько-нибудь убедительно вряд ли было возможно.

Задрав голову, Джаггернаут проследил, как веревка мерно накручивается на выступающий за край скалы шкив. До верха было еще очень далеко.

— Неужели ему это по силам, Дипак? У него ведь только одна рука, — с сомнением сказал он.

— Так в том-то и дело! — воскликнул Дыббакс — Он вечно себя преодолевает. Доказывает себе, а главное, нам, что он до сих пор на что-то способен. Ну, это… может по канату лазить… как до несчастья… — Придуманная на ходу легенда все больше увлекала Дыббакса. — Раньше-то он вообще чудеса творил. Долезет доверху, разрубит себя топором и побросает все части тела вниз, в корзину, которая к веревке привязана. У нас тут, в Индии, так положено — чем опаснее фокус, тем круче. А после кто-нибудь из нас набрасывал на корзину большую тряпку, и отец чудесным образом появлялся, и все части тела у него были где положено. Только однажды во время фокуса внизу оказалась собака. Она схватила его отрубленную руку и убежала. Так что

теперь отец только лазит и исчезает.

Глядя на отвисшую челюсть Джаггернаут Джон с трудом удерживался, чтобы не расхохотаться.

— Конечно, я слышал об индийских трюках с веревками и канатами, — сказал Джаггернаут. — Думаю, я даже видел этот фокус, когда был маленьким. На представлении в Лас-Вегасе. Я и сам выступал там с фокусами. Чревовещанием занимался. Только я никогда не показывал фокусы без предупреждения. — Он снова заглянул за край корзины, будто проверяя, не валяется ли у подножия скалы бездыханное тело Джалобина.

— Сам спроси его, зачем он так делает, когда вы встретитесь наверху, — сказал Дыббакс. — Если, конечно, ты веришь, что он не вывалился. И что мы не выкинули его за борт.

— Ну что ты, у меня такого и в мыслях не было, — заверил его Джаггернаут, словно боялся, что они и в самом деле выкинули отца из корзины, а теперь наступила его очередь, поскольку они хотят избавиться от свидетеля.

— Знаешь, Джаггернаут, в это, конечно, трудно поверить, — вставил Джон, придя наконец на помощь Дыббаксу, и привел довод, который он уже приводил в сходных обстоятельствах: — Помнишь, как говорил Шерлок Холмс? Когда исключено все принципиально невозможное, то, что остается — пусть даже самое невероятное, — и есть правда. Ты же помнишь, как он забирался в корзину?

— Ну да, — согласился Джаггернаут.

Джон указал на землю:

— Ведь его нет внизу, верно? И тут, в корзине, его тоже нет. Значит, он должен быть наверху. Я прав?

— Думаю, да…

Наконец подъемник достиг верхнего края пропасти. Старый саньясин подтянул корзину к шаткому деревянному «причалу» и открыл дверцу. Четверо пассажиров оказались внутри башни.

Увидев детей, Джалобин рискнул наконец вылезти из-за пустых баллонов из-под жидкого азота. Он просидел за ними все это время — с тех пор, как обнаружил, что его желание «уже оказаться наверху» внезапно осуществилось. К счастью, старичок-монах, служивший на подъемнике вместе с крутившим ворот старичком-осликом, не заметил, что Джалобин появился в башне значительно раньше прибытия корзины. Он приветливо принял вновь прибывших, не зная, что лишь четверо из пяти добрались наверх нормальным способом. Зато Джаггернаут смотрел на Джалобина с нескрываемым страхом.

— Потрясающе, господин Гупта, — вымолвил он наконец. — Так лазить по канату! С одной рукой! Просто чудо какое-то!

Джалобин неуверенно улыбнулся.

— Разумеется, но… — пробормотал он.

— Все в порядке, папа, — с нажимом сказал Дыббакс. — Я рассказал ему о твоих знаменитых индийских трюках.

— Ах вот как?!

— Вы должны показать мне этот фокус еще раз, господин Гупта, — сказал Джаггернаут. — Только предупредите заранее. Чтобы я ничего не пропустил.

— Ну что вы, разумеется, вы ничего не пропустите! — Джалобин сердито зыркнул на Дыббакса, немало удивившись тому, что молодой американский монах поверил несусветным байкам этого мальчишки. — Это — э-э… неплохое зрелище, мой друг, хотя хвалить себя самого вроде как не пристало. Только… могу я попросить вас об одолжении? Пожалуйста, никому об этом не рассказывайте. Мне бы не хотелось, чтобы люди подумали, что я ищу внимания или тем паче славы…

— Ладно, я вас не подведу. — Джаггернаут улыбнулся. — А теперь давайте-ка я покажу вам с ребятами ашрам.

День выдался такой жаркий, что двигаться вообще было очень трудно, а на вершине скалы, где находился розовый форт, зной стоял вовсе нестерпимый, точно на гигантской, раскаленной солнцем наковальне. Даже Джалобину-индийцу, проявлявшему — в противоположность Джалобину-англичанину — чудеса выносливости, было очень худо. К тому времени, когда Джаггернаут показал им все спальни, где жили саньясины, библиотеку и огромный зал с куполом, где гуру Масамджхасара обычно выступал перед своими последователями, Джалобин уже начал хватать ртом воздух, точно рыба на суше. Жару не облегчали ни легкая, почти невесомая индийская одежда, ни мягкие фетровые шлепанцы. Совсем плохо ему стало в центре компьютерной поддержки, где множество саньясинов отвечали на телефонные звонки людей, купивших где-нибудь в Великобритании и Соединенных Штатах компьютер фирмы «Дингл».

— Что с вами, мистер Джалобин? — тихонько спросила Филиппа.

Обмахиваясь оставленной кем-то газетой, дворецкий дышал шумно и прерывисто.

— Со мной? Думаю, ничего страшного. Я бы только хотел, чтобы не было так жарко, вот и все.

Не успел он это произнести, откуда ни возьмись налетела туча и, подобно огромному пляжному зонтику, закрыла розовый форт от палящих солнечных лучей. Температура воздуха тут же упала на несколько градусов.

— Вот это да! — Джаггернаут ошарашенно уставился на тучу. — Тут такого никогда не было.

Джалобин вздрогнул.

— Не может быть, неужели опять? — сказал он на хинди и сердито покачал головой. — Уже два желания попусту потратил!

— Ничего страшного, — утешил его Джон. — Со всеми бывает.

— Но сейчас это случилось со мной, — горестно отозвался Джалобин. — Причем не впервые. Точно такая же история произошла со мной, когда я познакомился с Нимродом и он подарил мне три желания за то, что я вызволил его из бутылки.

— Джон прав, — сказала Филиппа. — Вам не за что себя корить.

— Все хорошо? — уточнил Джаггернаут. Он не понял ни слова из того, что эти четверо говорили на хинди, но по поведению Джалобина уловил, что он чем-то расстроен. — Джанеш? Панчали? С вашим папой все в порядке?

— Он тяжело переносит жару, — пояснил Джон по-английски. — Но как только набежала туча, ему сразу стало лучше.

— Хотел бы я, чтоб это было так! — пробормотал Джалобин. И это оказалось уже третьим его желанием за один день. Оно тут же исполнилось, и Джалобин и впрямь почувствовал себя лучше. Тут уж он не стал горевать о зря потраченном желании. Напротив, он поглубже вдохнул, выкатил грудь, расправил плечи и радостно закивал. — Наш Джон прав. Я действительно чувствую себя куда лучше. Словно принял какую-то волшебную пилюлю. — Он поморгал и широко улыбнулся. — Давненько я не чувствовал себя так славно. Года этак с тысяча девятьсот восемьдесят девятого, когда «Манчестер Сити» выиграл у «Манчестер Юнайтед» со счетом пять — один. Я уж думал, что больше никогда не буду так счастлив в жизни.

— Что ж, наслаждайтесь, пока можете, — процедил Дыббакс. — Боюсь, всем нам скоро придется пожалеть о том, что вы профукали три желания. Помяните мое слово. То, что здесь только что произошло, — настоящая катастрофа.

— Мне очень жаль, — неискренне сказал Джалобин, сияя как начищенный самовар. Он нисколько, нисколечко не сожалел о содеянном.

— Может, нам самим стоит дать ему три желания? — предложила Филиппа. — На всякий случай?

— Нельзя, — возразил Джон. — И, согласно Багдадским законам, нельзя будет это сделать еще целый год и один день. Четвертое желание только уничтожит три предыдущих. А пятое и

вовсе наделает бед. Потому что оно снабжено *энантодромией*. Это такое особое проклятие. Что бы ты ни пожелал, получится ровно обратное. — Джон задумчиво покачал головой. — Надеюсь, вы не хотите узнать, что случится, если дать ему шестое желание?

— Я, во всяком случае, не хочу, — заявил Джалобин. — Так или иначе, желания мои больше исполняться не будут. Ни одно, ни три. И это к

лучшему. Я не готов рисковать своим нынешним

счастьем. Ни за какие

коврижки.

Глава 12
Святоши-обманщики

Они обошли уже почти весь розовый форт. И Джалобину и детям было ясно, что попали они по адресу, это то самое место, но… Они даже не представляли, где тут искать Королеву-кобру. Форт был огромен. Видно, придется им поселиться в здешнем ашраме, если они хотят когда-нибудь найти потерянный амулет.

— Тогда никто из местных не станет задумываться, кто мы и зачем приехали, — убеждала своих спутников Филиппа. — Кроме того, мы не можем беспрерывно мотаться вверх-вниз в этой дурацкой корзине.

— Да уж, — сказал Джалобин. — Хорошенького понемножку.

— Как только мы станем новыми членами ашрама — местные называют их «садхаки», — мы сможем находиться здесь, не навлекая на себя подозрений. А сами будем держать ухо востро и быстро разберемся, где искать медальон.

— По-моему, я так и предлагал, — обиделся Дыббакс.

— На самом деле ты предлагал немного другое, — сказала Филиппа. — Ты хотел, чтобы мы притворились, будто собираемся вступить. Но в любом случае это — хорошая идея.

Джалобин объявил Джаггернауту, что они решили вступить в ашрам. Тот обрадовался, поздравил их, сказал, что они об этом никогда не пожалеют, и повел знакомиться с гуру Масамджхасарой.

Гуру восседал в кресле, какие стоят в кабинетах у зубных врачей. Само кресло стояло на возвышении внутри храма, а вокруг, на полу, расположились несколько десятков сподвижников гуру и горели сотни свечей. Гуру оказался пухленьким, похожим на Санта-Клауса человечком с густой седой бородой, в белых бесформенных одеждах и темных очках. На руке у него красовались часы «Ролекс», на голову был намотан громадный оранжевый тюрбан. Прямо перед ним висел золотой колокол, и время от времени гуру ударял в него, а потом изрекал очередное откровение, и толпа вокруг жадно внимала. На мольберте, рядом с его креслом, была установлена картина, изображавшая мужчину на высоком шесте. Он был в одной лишь набедренной повязке, а из груди и спины его торчали сразу восемь кинжалов.

— Ого! Жуть какая! — Джон даже присвистнул, но глаз от картины отвести уже не мог.

— Это факир Муруган, — сказал Джаггернаут. — Отец

нашего гуру. Великой святости был человек. Невероятные чудеса творил! Вообще-то в старые времена все праведники так себя истязали. Ножи в себя втыкали, на шестах сидели помногу дней. Святость свою доказывали.

— Но нас-то не этому собираются учить, правда? — с надеждой спросила Филиппа. Одна мысль о том, что в ее тело может вонзиться что-то острое, вызывала у девочки ужас. — Неужели ты тоже готов протыкать себя ножами, брать в руки змей и спать на гвоздях? Ну же, признайся!

— Я-то? — Джаггернаут улыбнулся. — Шутишь? Я ненавижу ножи. А змеи тут, на скале, по счастью, не водятся. Скалой мы называем наш ашрам. — Договорив, Джаггернаут почтительно сложил ладони вместе, приблизился к гуру, несколько раз поклонился и представил четырех новых учеников по именам — естественно, индийским: господин Гупта, Джанеш, Панчали и Дипак.

Мысли гуру явно где-то блуждали, и на новоприбывших он отреагировал довольно вяло. Но все-таки ударил в свой колокол и, как только паства стихла, произнес:

— Я вам рад, господин Гупта. И вашим детям тоже. Я обучу вас процессу осознанного ничегонеделанья. — Судя по выговору, он получил образование в Британии, в дорогой частной школе. — Я открою вам секреты особого искусства. Жить, не прилагая усилий.

— Это мне очень подходит, — пробормотал Дыббакс.

— Мне тоже, — признался Джалобин.

Гуру наклонился вперед, пытливо посмотрел на своих новых последователей и снова ударил в колокол.

— Я знаю, кто вы такие, — заявил он, и дети затаили дыхание. Неужели этот восточный прорицатель и вправду догадался, что они не люди, а джинн? Но тут он по-девчачьи хихикнул и добавил: — А вы знаете, кто я такой. И мой вам главный совет — надо освободиться от всего, что вас обременяет. Поэтому вы будете приходить сюда, чтобы вместе, сообща, три часа в день заниматься йогой, чтобы сообща медитировать, чтобы сообща очищать ваши тела и ваши умы. Вы будете вместе со всеми работать в нашем центре компьютерной поддержки, помогая советами великому множеству людей, англичан и американцев, настраивать свои персональные компьютеры, ноутбуки и наладонники, хотя я сам не знаю, что это за штука.

— Но мы не знаем, как настраивать компьютеры, — сказала Филиппа и растерянно взглянула на брата. Он разбирался в компьютерах чуть получше, чем она, но и его знаний, разумеется, было недостаточно, чтобы давать профессиональные советы

другим людям.

К счастью, Джон, Джалобин и Дыббакс горячо поддержали девочку:

— Мы тоже не знаем. И наладонниками не пользуемся. Мы вообще не разбираемся в технике!

— Это даже лучше, — сказал гуру и снова хихикнул. Он поднял свою довольно грязную ногу, с удовольствием ее рассмотрел, а затем, пошевелив длинными подвижными пальцами, вытолкнул из ямочки меж пальцев большой комок грязи. Филиппу передернуло. — Все в жизни к лучшему, Джанеш, — сказал он.

— Вообще-то я Панчали, — уточнила девочка и, ткнув пальцем в брата, добавила: — Это он — Джанеш.

— Дитя мое. Я обучаю людей процессу сознательного ничегонеделанья и проповедую простую безыскусную жизнь. Чтобы жить так, необходимо освободить мир от царящего на Западе гнета компьютеров и повальной компьютеризации. Потому-то мы и даем людям, которые продолжают поклоняться компьютерам, плохие советы. Ужасные советы. Советы, вводящие их в заблуждение. Но на самом деле это — самые лучшие советы. В сущности, мы говорим им, что дважды два — пять. Мы делаем это в надежде, что они возненавидят свои компьютеры и уничтожат их или выбросят на свалку, и мир освободится от этой заразы. Человечество возвратится в мир безграничной любви и радости, в мир, где останутся лишь карандаши и бумага. — Он снова захихикал. — Ну как, справитесь вы с такой задачей, дети мои? Сможете давать глупым богатым западным людям неверные инструкции по установке программного обеспечения? Готовы спасать их бессмертные души?

— это нам проще простого, — обрадовался Дыббакс. Ему ужасно понравилась идея давать людям дурацкие советы.

— Я называю этот процесс умственной йогой, — продолжал гуру. — Мы вьем из разума заблудших людей веревки и скручиваем их в узлы, чтобы это сверхнапряжение обратилось в свою противоположность и им открылся иной мир, мир спокойствия и расслабления. Мир безыскусной жизни. И ничегонеделанья.

— Я справлюсь, — заявил Дыббакс. — Я в этом уверен.

Не переставая хихикать, гуру вытер грязь, так и оставшуюся меж пальцев его ног, о собственную длиннющую бороду, а потом трижды ударил в колокол. Аудиенция была окончена.

— По-моему, вы ему понравились, — сказал Джаггернаут. — В вас есть что-то необычное, и он это заметил.

— Ничего необычного в нас нет, — отрезала Филиппа. Гуру вызывал у нее откровенное отвращение.

Джаггернаут проводил их от святилища до отведенной им в спальном корпусе комнаты. Корпус был оставшейся с военных времен треугольной постройкой с соломенной крышей. Он стоял в пределах внешних стен розового форта, рядом со старым заброшенным колодцем. В комнате оказалось четыре кровати, умывальник, некрашеный стол и несколько циновок для молитв. Стену украшала большая картина, изображавшая гуру Масамджхасару. Скрестив ноги, он сидел без всяких подпорок, просто в воздухе, и улыбался. Прямо как джинн, подумала Филиппа.

— С минуты на минуту к вам придет учительница йоги, — сказал Джаггернаут. — Она человек довольно суровый, но вы не принимайте ее наезды близко к сердцу.

Наконец, вежливо поклонившись сначала гостям, а затем портрету парящего в воздухе гуру, Джаггернаут оставил их одних.

— Хиппарь! — Презрительно фыркнув, Дыббакс плюхнулся на кровать, но тут же скорчил недовольную гримасу: здешний матрац оказался куда жестче, чем на его родной кровати в Палм-Спрингс. — Спасибо, хоть убрался.

— А по-моему, он славный, — сказала Филиппа, и Джалобин, по-прежнему ощущавший себя на вершине блаженства, с готовностью с нею согласился.

— Мне тут нравится, — сказал он и, счастливо улыбаясь, растянулся на своей кровати. — Тут все очень милы. — К этому времени тучка над розовым фортом уже рассеялась, и на скале снова стало сильно припекать, но благодаря щедрости барона Райнрассига Джалобин все равно чувствовал себя лучше, чем когда-либо прежде.

Джон нахмурился: ему этот новый благостный Джалобин был не по душе, и он бы с радостью променял его на привычного нытика и скрягу. Мальчик мечтал, чтобы случилось что-нибудь этакое, отчего новообретенный оптимизм дворецкого тут же увянет. В конце концов, его нынешнее блаженство ненастоящее. Это просто результат третьего желания, подаренного ему бароном.

Ждать Джону пришлось недолго. Раздался стук в дверь, и в комнатку вошла высокая, тощая, светловолосая тетка. На ней был спортивный костюм-трико, под мышкой — прорезиненный оранжевый коврик. Она поклонилась изображению гуру, а затем — Джалобину и детям.

— Здравствуйте, — энергично сказала она. — Меня зовут Пруденс Краббе, я из Канады. Я буду обучать вас йоге. Это будет

урок только для вас четверых. Посмотрим, на что вы способны. Итак, если все готовы, пойдемте в центр йоги. И начнем без промедления.

— У меня только одна рука, — сообщил ей Джалобин. — Не думаю, что я смогу заниматься йогой.

— Ерунда, — деловито заявила мисс Краббе. — Заниматься йогой может любой человек. Даже вы, господин Гупта. Не волнуйтесь. Настоящая йога не потребует от вас скручиваться морским узлом.

Но именно этого она, судя по всему, и требовала. Джалобин с детьми не провели в обществе мисс Краббе и часа, но уже почти падали от усталости. А впереди было еще больше двух часов этой пытки.

— Терапевтический эффект и ценность йоги проявляются во всех сферах жизни, — вопила мисс Краббе, помогая им зафиксировать особенно невообразимую и болезненную позу. — Это общеизвестно.

Джалобин пыхтел и отдувался, пытаясь потянуться именно таким образом, как им только что демонстрировала мисс Краббе.

— Йога помогает людям испытать и выразить свою божественную сущность, — продолжала учительница.

— Это нелепо, — не выдержав, возразил Джалобин. — Будь у меня рога, хвост и членский билет Клуба Геенны Огненной, я и то ощущал бы свою божественную сущность острее, чем сейчас.

Выплеснув таким образом свое недовольство, он рухнул на циновку и издал громкий, жалобный стон. Для Джона стон этот был слаще музыки, поскольку именно такого Джалобина он знал и любил.

— Я больше не могу, — стонал Джалобин. — Честное слово, не могу.

— Три часа йоги в день обязательны для всех, кто желает остаться здесь, в ашраме, — безжалостно объявила мисс Краббе. — Никаких исключений. Так приказал гуру Масамджхасара. — Она повернулась и поклонилась большому портрету гуру, висевшему на стене йога-центра. — Вам понятно? Никаких исключений. Итак, следующую позу называют «поза краба».

Джалобин не хотел покидать ашрам, не найдя амулета с Королевой-коброй, поэтому он попытался продолжить упражнения. Но вскоре близнецам стало ясно, что еще немного — и дворецкий попросту потеряет сознание. Однако для мисс Краббе это было вовсе не очевидно. Что ж, значит, эту женщину, глухую к доводам разума, не знающую ни жалости, ни юмора, придется остановить с помощью джинн-силы. Только сделать это

надо очень и очень аккуратно.

Они бы так все и обставили, но их опередил Дыббакс. А уж кто-кто, а Дыббакс не умел пользоваться джинн-силой хоть сколько-нибудь деликатно.

— СКУЛОЖАБЕРНЫЙ!

Будь в их распоряжении еще несколько минут, близнецы, возможно, лишили бы мисс Краббе голоса или наделили ее растяжением мышц, ну, скажем, на шее, чтоб никакой йогой до конца дня она больше заниматься не смогла… Дыббакс же попросту превратил ее в краба. Вышло не так уж оригинально, поскольку фамилия ее была Краббе, но главное — результат получился отменный.

— Премного вам благодарен, — прошептал распростертый на полу Джалобин. Он был так изможден, что даже не смог подняться, когда краб, угрожающе шевеля клешнями, двинулся прямо на него. — Я уже умирать собрался…

— Ты что, не мог превратить ее во что-нибудь другое? — сердито выговаривала Филиппа Дыббаксу. — До моря — полторы тысячи километров, температура чуть не пятьдесят градусов в тени, в небе полно стервятников! Бакс, крабу здешняя жизнь — верная погибель! Если ты не превратишь ее обратно в человека, мисс Краббе скоро умрет… Ну в кошку бы превратил. Или в мышку. Пусть даже в паука. Это бы я еще поняла. — Она покачала головой. — Но в краба?! Бакс, ты все-таки болван.

— Подумаешь, преступление! — Дыббакс пожал плечами. — Ну фамилия у нее такая… удобная… И «позу краба» она как раз стала с нами разучивать. Мне ничего другого в голову не пришло. — Тут он засмеялся, поскольку краб замахал клешней, точно пытаясь привлечь к себе внимание.

— Слишком очевидный ход, — неодобрительно сказал Джон.

— А я тебе очень благодарен, Бакс, мальчик мой, — прошептал Джалобин. — Даже дряхлым столетним стариком я не буду чувствовать себя так ужасно, как сейчас. Эта женщина! Нет, она не женщина! Она вообще не человек.

— Уже не человек, — усмехнулся Дыббакс. — Вот тут вы попали в самую точку.

Бывшая мисс Краббе, а ныне небольшой крабик, еще немного помахала клешнями, а потом забилась в угол, покорившись судьбе.

— Быстро превращай ее обратно, — настаивала Филиппа. — А то она совсем высохнет.

— Ладно, — сказал Дыббакс. — Но если она опять начнет приставать к нам с йогой, я за себя не отвечаю.

Он на мгновение смолк, а потом, сосредоточившись,

произнес:

— СКУЛОЖАБЕРНЫЙ!

Высокая, тощая Пруденс Краббе просидела в углу йога-центра еще почти минуту, боясь пошевелиться.

— С вами все в порядке, милочка? — невинно поинтересовался Джалобин.

— А что со мной случилось?

— Так, небольшое затмение. Весьма забавное, — ответил Джалобин. — Вот и все.

— Ведь я только что показывала вам новую позу… А потом вдруг почувствовала, что я — краб. Очень странное чувство. — Она принюхалась. — И запах странный. Кажется, я пахну рыбой.

Дыббакс безжалостно засмеялся.

— Боюсь, вы переусердствовали с йогой, — строго сказал Джалобин. — Перегрузки. Или солнечный удар. На вашем месте я бы пошел к себе в комнату и устроил себе маленький отдых. А утром посмотрим, как вы будете себя чувствовать. — Он вскочил, помог обескураженной мисс Краббе встать на ноги и одарил ее добрейшей улыбкой.

— Да, — тихонько сказала она. — Наверно, вы правы. Я перетрудилась. Да, наверняка. И солнце. И обезвоживание. Верно, других объяснений нет. Не могла же я вправду стать кра… — Нетвердо ступая и двигаясь чуть боком, по-крабьи, мисс Краббе молча направилась к двери. И скрылась за ней — к превеликой радости Дыббакса и Джалобина.

— Замечательно, — сказал Джалобин. — Она получила хороший урок.

Вернувшись в комнату, Дыббакс достал картину Ост-Индской компании, расстелил ее на столе и принялся тщательно изучать.

— Тут изображен розовый форт. Без вопросов, — сказал он. — Мы попали куда надо, форт, похоже, вообще не изменился с тех пор, когда рисовали эту картину. Но где искать-то? — Он пожал плечами и поглядел на портрет гуру Масамджхасары. — Если этот парень и впрямь собирается нас просветить, хорошо бы он сделал это побыстрее.

— Ответ наверняка здесь, — сказала Филиппа. — В танцующих змеях полковника Килликранки. Я в этом абсолютно уверена.

И она прочитала расшифровку змеиного письма с начала до конца:

> Змею я не убивал, только обезвредил. Потом я пытался скрыться в этом ужасном месте, где я так

страдаю и где, вероятно, умру от рук моих врагов. Теперь мне улыбнулась удача: у меня есть лак и хна. Удача улыбнется из глубины вод и вам, только приезжайте. В зеленых глазах Королевы кобр из Катманду — все богатство мира. Ищите третью змею. Но остерегайтесь восьмой.

МУК

— Похоже на ключ к разгадке кроссворда, — сказал Джалобин.

— Вы это уже говорили, — проворчал Дыббакс.

— Потому что так оно и есть.

В кроссворды — это детская забава, — не унимался Дыббакс.

— Ты заберешь свои слова назад, если хоть раз попробуешь решить кроссворд из «Дейли телеграф», — возмутился Джалобин. — Кроссворды вообще не для детей. Они — для людей, которые любят проверять, работает ли у них голова. Чтобы решить вашу змеиную загадку, никакая джинн-сила не поможет. Только мозги. Запомни мои слова, Дыббакс.

— А вы запомните, что я — Бакс. Просто Бакс.

Дыббакс и Джалобин продолжали спорить, а Джон тем временем подошел к двери и выглянул во внутренний двор, ограниченный внутренней — более высокой, чем внешняя, — стеной розового форта. Во дворе было пустынно, только несколько птиц скрывались от солнца в тени навеса над старым колодцем.

Внезапно Джон влетел обратно в комнату и оглушительно хлопнул ладонью по столу, прямо перед носом Дыббакса. Все так и подскочили от неожиданности.

— Я понял! — воскликнул Джон. — В те времена в колодце было много воды. Вот что значит «из глубины вод»!

Дыббакс недоуменно поднял глаза.

— Неужели не понимаешь? — удивился Джон и кивнул на дверной проем. — Полковник говорил вот об этом колодце. Именно там он спрятал Королеву кобр, в глубине вод. В ее глазах все богатство мира. И мы найдем его в заброшенном колодце. Все встали и подошли к двери.

— Ну конечно! — обрадовалась Филиппа. — Старый колодец — самый лучший тайник!

— И яму рыть не надо! — подхватил Джалобин. — И зарывать потом не требуется!

— Королева-кобра наверняка здесь, — уверенно сказал Джон.

— А больше в форте нет колодцев? — спросил Дыббакс. — Никто не заметил?

Других колодцев никто не видел. И они решили рассмотреть единственный колодец повнимательнее.

Он был стар, как сам форт. Над отверстием, где далеко внизу плескалась вода, был навес: куполообразная узорчатая крыша на каменных столбах. На парапете стояло гигантское ведро, привязанное к толстой веревке. Они заглянули за край — в прохладные, темные глубины, и в лицо им пахнуло влагой, точно через это отверстие дышала сама земля. Путешественникам стало не по себе. Пока никого из них не снедало желание немедленно спуститься вниз.

— Кто-то должен туда слазить, чтобы найти амулет, — неуверенно сказал Дыббакс, хотя всем это было и так очевидно.

— Чур не я, — отозвался Джалобин. — Как-то мне не улыбается лезть в эту старую дырку в земле. Особенно ночью.

— А кто сказал, что спускаться надо непременно ночью? — спросил Дыббакс, который, по правде говоря, тоже не стремился лезть в колодец. Да и близнецы побаивались. Ведь джинн всегда страдают от клаустрофобии, эта болезнь у них наследственная, и возникла она оттого, что многие поколения джинн провели свои лучшие годы в так называемых волшебных лампах, куда их заключили мундусяне. Не то чтобы джинн не любят сидеть в масляных лампах или бутылках. Некоторые джинн — такие, как господин Ракшас, — считают такой образ жизни наиболее удобным. Но джинн, как и люди, предпочитают быть хозяевами собственной судьбы и, даже живя в лампе, хотят ввинчиваться и вывинчиваться из нее по своей воле.

— Нет, парень, — сказал Джалобин. — Днем сюда спускаться рискованно. Нас могут заметить, и у местных возникнут всякие вопросы. Спускаться надо ночью или вечером. Сегодня же. После ужина. Если тут, конечно, подают ужин.

Словно в подтверждение его слов из двери на другом конце внутреннего двора появился Джаггернаут и направился прямиком к ним.

— Q.E.D.[1], — заключил Джалобин. Он всегда так говорил, когда оказывался прав, но никто из детей не понимал, что это значит.

— Всем привет! — сказал Джаггернаут. — Как у вас дела?

— Похоже, мы ужасно утомили бедную мисс Краббе, — ответил Джалобин.

— Да, я слышал. — Джаггернаут усмехнулся. — Она теперь предается медитации. Надеюсь, это займет остаток дня. А я пришел, чтобы отвести вас на ужин. Полагаю, вы изрядно проголодались после знаменитых упражнений мисс Краббе.

— Хочется не столько есть, сколько пить, — сказала

находчивая Филиппа, кивнув на колодезную шахту. — Мы как раз обсуждали, осталось ли на дне колодца хоть немного воды.

— Там-то? — Джаггернаут брезгливо поглядел вниз. — Вода там есть, но пить ее я бы не стал. На самом деле здесь ниоткуда нельзя пить. Только из бутылок или из стерильных фильтров.

— Неужели? — делано удивился Джалобин.

— Да, кстати, после ужина вы заступаете на вечернюю смену в центре компьютерной поддержки, — продолжал Джаггернаут, пожав плечами. — Мне очень жаль, но новенькие у нас обязательно идут на работу в первый же день. — Заметив обеспокоенные лица друзей, он ободряюще кивнул. — Не волнуйтесь. Работка ерундовая. Или читайте, что написано на экране, или просто говорите, что в голову взбредет. Без разницы. Главное — болтать поуверенней, чтобы собеседник не сомневался, что вы о этом деле разбираетесь. Всякий раз, когда я уже вовсе не знаю, что сказать, я спрашиваю беднягу на том конце провода, есть ли у него кабель ю-эйч-ти.

— А что это за кабель? — спросил Джон. — Я о таком никогда не слышал.

— В этом вся соль, — сказал Джаггернаут. — Такой штуки на свете нет. А клиенты просто с ума сходят, когда понимают, что им чего-то не хватает. Вы бы слышали, как они ругаются! Некоторые и телефон раскокать готовы. А некоторые даже компьютеры разбивают, что, собственно, и является главной целью всей этой затеи.

— А как по-твоему, — тщательно подбирая слова, спросила Филиппа, — не жестоко ли давать людям заведомо неправильные советы?

— Наша жестокость — во имя добра, — улыбнулся Джаггернаут. — Вот и весь ответ. Мы освобождаем людей от тирании технологий. Мы ломаем оковы современной диктатуры силикона и микрочипов. Это не мои слова. Так говорит гуру. И он совершенно прав. Людям пора вернуться к простой жизни и ее безыскусным радостям. Пора забыть о скорости процессора, об электронной почте и о веб-сайтах. Вы никогда не задавались вопросом о несовершенстве мира? Почему у одних людей есть персональные компьютеры, а другим нечего есть?

— Я не уверена, что все так просто, — сказала Филиппа. — И не уверена, что смогу или захочу убеждать людей, будто разбираюсь в компьютерах.

— Ладно, не заморачивайся, — сказал Джаггернаут. — Все ерунда. Сегодня вечером я буду вашим бригадиром, так что если возникнут проблемы или вам и вправду ненароком удастся наладить чей-нибудь компьютер, я тут же приду на подмогу и

запутаю вашего клиента окончательно и бесповоротно. Договорились?

Джалобина, Джона и Филиппу по-прежнему терзали сомнения, зато Дыббакс улыбался до ушей.

— Похоже, повеселимся! — сказал он.

В огромной столовой собрались сотни саньясинов — кто из Швеции, кто из Канады, кто из Великобритании, кто из самой Индии, но главным образом из Соединенных Штатов. Все они были одеты одинаково и настроены крайне дружелюбно. Вообще народ в ашраме постоянно улыбался. Какой-то человек играл на небольшой фисгармонии. Несколько увешанных цветами саньясинов с ярко раскрашенными лицами, пританцовывая, двигались вереницей вокруг столов. Они пели, били в барабаны или ритмично стучали в бубны. Трапеза происходила под огромным изображением гуру Масамджхасары, что Филиппе ужасно не понравилось, поскольку она терпеть не могла есть под чьим-либо взглядом. И вообще, в заросшем волосами лице гуру было что-то ужасно, ужасно для нее неприятное. Не говоря уж от том, что он такой грязнуля. Какой же пример подает он своим последователям? А если они при этом работают на кухне?

После ужина, который оказался на удивление вкусным, они отправились в центр компьютерной поддержки — большое помещение с множеством телемониторов и телефонов, но без единого компьютера. Зато на стене висело самое большое из доселе им попадавшихся изображений все того же гуру Масамджхасары. Он словно хотел напомнить каждому работнику центра, что неусыпно за ним наблюдает.

Первой, кто позвонил Филиппе, была старушка из штата Массачусетс по имени Эстер Кардиган, которая умела только включать и выключать компьютер. А ей надо было присоединить к компьютеру принтер. Филиппа пожалела мисс Кардиган и хотела посоветовать ей обратиться за помощью к каким-нибудь симпатичным, понимающим в компьютерах соседям, но за ней следил Джаггернаут и еще несколько саньясинов, поэтому девочке оставалось только следовать инструкции, то есть читать ерунду, которая бежала по экрану ее телемонитора.

— Не удивительно, что ваш компьютер не хочет контачить с вашим принтером, — без большого энтузиазма произнесла Филиппа. — У вас очень старая модель принтера. Вам следует перезагрузить компьютер и запустить его в безопасном режиме, чтобы мы могли изменить свойства вашего принтера, используя ваш собственный набор инструментов для диагностики. После чего мы закачаем вам обновленное программное обеспечение,

снова перезагрузим машину, проверим ваши новые драйвера, узнаем, какие порты вы используете, выведем новые протоколы, используя коды АСКИИ, после чего распечатаем тестовую страницу. Но если у вас персональный компьютер — семьдесят шесть А, а не семьдесят шесть Б, вам надо будет сохранить все ваши установки, а затем загрузить отдельный набор драйверов, совместимых с тем портом, которым вы пользуетесь. Все очень просто. Вы готовы?

Последовала длинная пауза. Джаггернаут показал Филиппе большой палец, одобрив тем самым ее действия, и двинулся дальше, чтобы послушать, как Дыббакс вешает клиентам лапшу на уши. Филиппа рискнула воспользоваться паузой и действительно помочь бедняжке мисс Кардиган. Понизив голос, она спросила:

— Мисс Кардиган? Вы еще тут?

— Да, — всхлипывая, прошептала старушка.

— Забудьте все, что я вам только что говорила. Я вас специально путала. Не спрашивайте почему, слишком долго объяснять. А теперь сделайте, что я скажу. И это действительно просто. Кликните на слово «старт». Откроется меню. Теперь кликните «панель управления». Теперь кликните «принтеры и факсы». Теперь кликните «добавить принтер». Кликните «далее». Теперь подождите, чтобы компьютер нашел новый принтер. Вот и все.

Последовала продолжительная пауза, после чего Филиппа услышала, как включился принтер.

— Заработал, — сказала мисс Кардиган и расплакалась.

— Замечательно, — сказала Филиппа. — И вот вам напоследок по-настоящему полезный совет. Не звоните больше по этому номеру. Никогда. — Девочка положила трубку, повернулась на стуле и, ослепительно улыбнувшись Джаггернауту, сказала: — Она понесла сдавать компьютер обратно в магазин.

Джаггернаут торжествующе потряс кулаком в воздухе.

— Хорошая работа, Панчали! Плохой совет — лучший совет.

В отличие от Филиппы, Дыббакс не терзался сомнениями о правомерности своих действий и радостно принимал уже четвертый за смену звонок. В особенный восторг он пришел, узнав, что его новый клиент преподает математику в начальной школе в Южной Калифорнии. Учителей математики Дыббакс ненавидел всех по определению. Этого звали Норман Блэкхед, и у него возникли проблемы с модемом.

— Какая скорость у вашего модема? — небрежно спросил Дыббакс.

— Скорость?

— Да, скорость. Пятьдесят шесть? Сто двадцать восемь? Двести пятьдесят шесть? Пятьсот двенадцать? Какая, ну?

— Гм… Сто двадцать восемь.

— Килобайт или мегабайт?

— Мегабайт.

Дыббакс засмеялся:

— Это — килобайты, папаша. Самый быстрый модем в мире не передает больше четырех мегабайт в секунду. А брандмейстер у вас инсталлирован?

— Гм… думаю, что да.

Дыббакс снова засмеялся:

— Эта штука называется «брандмауэр», папаша, а брандмейстеров в компьютере нет. Этак вы мне скоро скажете, что не хотите устанавливать антибиотики.

— Ну что вы, разумеется, хочу.

— Вы уверены?

— Да, совершенно уверен.

— Тогда, папаша, вам к доктору надо. А я вам не помощник. — Дыббакс выдержал многозначительную паузу. — А как насчет антивирусных программ? Их вы собираетесь устанавливать?

Боясь снова попасть впросак, несчастный учитель сказал «нет». Дыббакс снова заржал:

— Эх, папаша, если не установить антивирусную защиту, вы соберете всю гадость из Сети, как только выйдете в Интернет. Послушайте, вот что вам следует сделать. Запустите мастера соединений и проверьте конфигурацию ти-си-пи-ай-пи через пинг. Ну, пинг, как в слове «пинг-понг». Справитесь?

Филиппа слушала Дыббакса и поражалась с каким удовольствием издевается он над несчастным клиентом, позвонившим по этому телефону, надеясь получить помощь! Это был уже не первый случай, когда она начинала сомневаться в том, что Дыббакс действительно принадлежит к клану добрых джинн. Каким же черствым можно стать из-за развода родителей и гибели лучшего друга! Других объяснений жестокости Дыббакса она просто не находила.

Что касается Джона, то теперь ему стало окончательно ясно, почему его собственная попытка наладить подаренный на день рождения компьютер «Дингл» оказалась столь неудачной. Он ведь позвонил в центр компьютерной помощи, где работали под девизом, провозглашенным гуру Масамджхасарой: «Освободим людей от тирании компьютеров во имя спасения их душ». Но Джон был совершенно согласен с сестрой — высокой цели тут

достигали дурными методами. Надо же было додуматься — сознательно вводить людей в заблуждение!

Близнецы очень рассчитывали, что их пребывание в ашраме Джаяр Шо не затянется надолго и они скоро покинут розовый форт. Иначе они наверняка не выдержат и выскажут этому гуру все, что они думают о бессердечном типе, который заставляет своих последователей издеваться

над несчастными, беззащитными

людьми.

Глава 13
Колодцелазы

Спуститься в колодец под покровом темноты и найти там Королеву-кобру было, конечно, непросто, но ночь для этой затеи выдалась подходящая. Полная, лилового оттенка луна освещала неровные камни внутреннего двора, посреди которого стоял древний колодец. Вокруг зубчатой стены форта мелькали летучие мыши, слышалось их тонкое попискивание. Никаких других звуков до ушей юных джинн и мистера Джалобина не доносилось, что еще больше осложняло их задачу, поскольку любой шум, произведенный во дворике, туг же возвращался эхом и мог привлечь внимание обитателей тех комнат, чьи ярко освещенные окна выходили на эту сторону внутренней стены. А жил там в роскоши и довольстве не кто иной, как сам гуру Масамджхасара. Так, во всяком случае, сказал им Джаггернаут.

Осмотрев колодец попристальнее, они бросили вниз камень и успели досчитать до пятнадцати, прежде чем из темных глубин донесся тихий всплеск.

— Тут метров тридцать, а то и сорок, — сказал Джон.

— Все пятьдесят, — прошептал Джалобин и мрачно покачал головой. — Бьюсь об заклад, этот колодец повидал на своем веку немало ужасов.

— Вы о чем? — занервничал Дыббакс, который сам вызвался спуститься вниз в огромном металлическом ведре, стоявшем на краю колодца.

— А я почитал кое-что о нашем розовом форте, — сказал Джалобин. — В ашраме имеется библиотека. Так вот, в девятнадцатом веке, после мятежа, британцы сбросили в колодец кучу бедных индийцев. — Он выдержал эффектную паузу. — Живьем.

У Дыббакса от страха тут же пересохло во рту. Он сглотнул, но гулкое эхо тут же превратило этот звук в громкое индюшачье кулдыканье.

— Говорят, некоторые даже сами туда прыгали, чтобы избежать еще более страшной участи, — продолжал Джалобин, не обращая на перепуганного Дыббакса никакого внимания. — Прошу заметить, что события эти происходили позже, чем интересующий нас эпизод. Если полковник Килликранки и правда спрятал амулет в колодце, то это был еще чистый колодец с питьевой водой, а не заваленная трупами шахта.

— А что с ними стало? — спросил Дыббакс, вглядываясь в

прохладные, темные глубины и представляя, как он сам летит вниз, чтобы найти там свою смерть. Вот ужас-то! — Что случилось со всеми этими трупами? Они все еще там?

— Их извлекли, когда англичане решили расквартировать в форте свой гарнизон, — ответил Джалобин и бросил в колодец еще один камень. На этот раз всплеск был похож на стон одного из погибших индийцев. — Трупы увезли и перезахоронили, а англичане снова стали брать из колодца воду. Так, во всяком случае, говорится в книге.

Придерживая ногой специальный тормоз — приспособление, помогавшее регулировать скорость вращения ворота, — Джалобин снял ведро.

— Что ж, — сказал он. — Ты спускаешься или нет, Дыббакс?

Хотя на лицо Дыббакса падала тень от навеса, Джон и Филиппа ясно видели, что у него уже пропало всякое желание лезть в ведро. Что ж, винить его не за что. Джалобин рассказал свою мрачную историю очень не вовремя. Из колодца веяло влажным могильным холодом, и было совсем нетрудно представить, что пара-тройка трупов в этой зловещей темноте все-таки плавает. У того, кто отважится залезть в ведро и спуститься вниз, должны быть стальные нервы.

Само ведро было огромным, вроде мусорного бака. Держалось оно на толстой веревке, которая накручивалась на бревно, надетое на проржавевшую ось. Снаружи ось изгибалась и заканчивалась тяжелой деревянной ручкой. Вертя эту ручку, можно было опускать и поднимать ведро. Как ни ломали голову юные джинн, никто из них не мог придумать, как использовать джинн-силу, чтобы спуститься в колодец, не залезая в ведро, и выполнить последнее указание полковника Килликранки: *«Ищите третью змею. Но остерегайтесь восьмой»*. Разве что стать птицей или даже летучей мышью и беспрепятственно летать вверх-вниз? Но ни одно из этих существ не сможет вынуть кирпич из стены колодца, а именно это им, судя по всему, и предстоит сделать. Да и взлететь с амулетом в лапах или в клюве они наверняка не смогут. Хватит того, что они уже использовали джинн-силу, чтобы обеспечить себя долотом, приличного размера молотком, несколькими карманными фонариками большой мощности и трубками портативной рации.

Выход, как обычно, нашел Джон.

— Вы сможете справиться с воротом, если в ведре будет не один Дыббакс, а все мы втроем? — спросил он Джалобина.

— Нет, дружок, даже двоих не посажу, — печально ответил дворецкий. — Вниз хоть всех троих спущу, без проблем. Это все делается с помощью ножного тормоза, видите? А вот поднять

больше одного мне не удастся. Для этого, сами понимаете, нужны две руки. А я, известное дело, располагаю только одной.

— Ну а если у вас будет две руки? — спросил Джон. — И ваша новая рука будет очень сильной?

Джалобин нахмурился.

— Н-да, есть над чем подумать, — сказал он, присаживаясь на край колодца. — Вы уж простите, что я не прыгаю от радости. Понимаешь, Джон, я как-то привык, что у меня всего одна рука. Иногда мне даже непонятно, что я стал бы делать с двумя. Кроме занятий йогой, конечно. Для йоги-то всенепременно нужны две руки. — Он вздохнул. — Как вы знаете, Нимрод частенько предлагал вернуть мне вторую руку, но я всегда говорил «нет». Не потому, что мне так нравится быть однoруким, а потому, что я человек привычки и не люблю новшеств. Но теперь, в нынешней ситуации, у меня нет никаких причин сказать «нет». Ну разве что… я немного сомневаюсь в ваших способностях. Не хотел бы походить на Франкенштейна, чтобы вместо руки торчало невесть что… Ну да ладно, валяйте. — Джалобин кивнул и закрыл глаза. — Только быстро! Пока я не передумал.

Джон сжал пальцы Филиппы, а она сунула ладонь Дыббаксу, чтобы максимально сконцентрировать джинн-силу. В человеческой руке тридцать две кости — две плечевых, три в предплечье, восемь в запястье и девятнадцать в кисти, не говоря уже обо всех кровеносных сосудах и тканях. Для создания любой части человеческого тела нужна недюжинная сила, причем желательно, чтобы делал это взрослый опытный джинн, а не джинниоры.

— ПОПРИТРЯСНО…

— АППЕНДЭКТОМИЯ!

— ОТПРИПАДНО…

— СКУЛОЖАБЕРНЫЙ!

— ФАНТАПРИСМАГОРИЯ!

Темнота вокруг Джалобина слегка замерцала, словно там пронеслась волна раскаленного воздуха. И тут же сильно запахло серой, поскольку при высокой концентрации джинн-силы этот аромат всегда источается в избытке.

Дворецкий медленно открыл глаза.

— Готово? — осторожно спросил он.

— Да, — ответил Джон. — Готово.

Они окружили Джалобина, чтобы оценить результаты своего труда. Впервые за долгие годы Джалобин вытянул вперед обе руки и… чуть не завопил от ярости!

— Колдуны несчастные! Сколдовали две правых руки! Смотрите же! Ну? Где должен быть большой палец?

— Тьфу ты! — огорчился Джон.

— Может, и так сгодится? — сказал Дыббакс. — Никто же не заметит, верно?

— Нет, не сгодится, щенок! — решительно заявил Джалобин и замахнулся своей нормальной рукой, чтобы в сердцах дать Дыббаксу затрещину. — Я тебе не манекен и не пациент кукольной больницы.

Пришлось поработать снова. На этот раз рука получилась такая, как надо. Левая. Детям даже удалось — чтобы как-то загладить свою вину — поместить на левое запястье Джалобина замечательны часы с браслетом, и они ему так понравились, что было не очень понятно, чем он доволен больше — новыми часами или новой рукой, на которой эти часы красовались.

— Ну, теперь поехали, — сказал Джон, залезая в ведро. — А то скоро светать начнет.

Веревка раскручивалась, ведро опускалось, и вокруг становилось все более промозгло и зябко. Юные джинн были уже в самой глубине скалы, на которой стоял форт. Колодец был прорублен в твердом песчанике, но кое-где виднелись следы кирпичной кладки, точно скалу укрепляли или… устраивали в стенах тайники?

Стоя в ведре, Джон глядел в одну сторону, Филиппа в другую, а Дыббакс в третью, чтобы успеть осмотреть все стены колодезной шахты, пока Джалобин медленно опускал их в эти необозримые глубины. Лунный свет постепенно слабел, а потом и вовсе исчез, и детям пришлось включить фонарики. Сначала они еще поднимали глаза, но метров через пятнадцать колодезного створа над головами было уже не разглядеть. Только веревка, которая, поскрипывая, продолжала раскручиваться, соединяла их с оставшимся на поверхности миром.

Время от времени кто-нибудь из джинниоров дотрагивался до стены, надеясь обнаружить скрытую метку или шатающийся кирпич, а за ним — Королеву-кобру из Катманду. Несмотря на влажный воздух, стены оказались сухими и чистыми. Впрочем это наверняка объяснялось тем, что в Индии всегда очень жарко, да и вода была далеко-далеко внизу, куда им, честно говоря, смотреть не хотелось. Вдруг их поджидает там что-то ужасное?

— Притормозите, — сказал вдруг Дыббакс, и его голос заухал в узком колодце. — По-моему, я что-то нашел.

Джон поднес ко рту трубку.

— Мистер Джалобин, остановитесь на минутку, — сказал он.

Ведро перестало опускаться, только крутилось вокруг своей оси, как грузило на удочке. Джон с Филиппой вгляделись в

отметину, на которую показывал Дыббакс. На кирпиче, в перекрестье лучей от их фонариков, явственно проступал процарапанный рисунок. Кобра.

— Раз мы ищем третью кобру, — сказал Дыббакс, — начнем считать. Похоже, эта — первая?

Близнецы согласились, и Джон попросил Джалобина снова начать спуск, но теперь помедленнее, чтобы не пропустить вторую кобру. Само собой разумеется, что спускаться вниз по узкой колодезной шахте было для страдающих клаустрофобией джинниоров куда труднее, чем подниматься на просторе над бездонной пропастью. Вскоре им пришлось глотать угольные таблеточки — единственное спасение для джинн, оказавшихся в замкнутом пространстве.

Метрах в двадцати ниже первой Филиппа нашла вторую кобру, тоже грубо нацарапанную на кирпиче. Долго рассматривать ее они не стали, поскольку вода была уже близко и они начали замерзать. Филиппа чувствовала, что ее пробирает дрожь, только вот непонятно отчего: от холода или от страха перед третьей коброй. В какой-то момент им пришлось еще раз остановиться и исследовать место, где, похоже, произошло обрушение стены, поскольку им показалось, что там-то и мог быть тайник. Но ни на одном из кирпичей не было нацарапанной полковником кобры, и они продолжили спуск. Наконец, днище ведра коснулось поверхности воды.

Джон поспешно нажал кнопку на трубке.

— Стоп! — закричал он. — Остановитесь!

Но Джалобин прекратил спуск не сразу, и ведро успело погрузиться в воду сантиметров на сорок-пятьдесят, прежде чем они остановились. Еще чуть-чуть — и вода перелилась бы через край. С тревогой они водили лучами фонариков по стенам колодца, ища третью кобру, но ничего не обнаружили.

— Должно быть, мы ее пропустили, — проговорила Филиппа. — Наверно, она все-таки была на том месте, где обвалилась стена. А кирпич с третьей коброй, например, упал в воду.

— Или кто-то добрался до третьей кобры раньше нас, — вставил Дыббакс.

— Ладно, не унывай, — отозвалась Филиппа. — Мы ее найдем.

Джон положил фонарик на небольшой выступ каменной кладке и опустил руку в воду.

— Ледяная, — сказал он. — Аж пальцы сводит.

Филиппа с Дыббаксом тоже сунули руки в воду, Джон был прав. В такую воду лучше не соваться.

— Это, наверно, родниковая вода, — догадалась Филиппа. — Бьет прямо из горы.

— Надо подниматься, — сказал Дыббакс. — Мы все-таки пропустили третью отметину.

Но прежде чем близнецы успели ему ответить, раздался громкий всплеск: совсем рядом с ними в воду что-то упало.

— Что это было? — удивился Джон и, перегнувшись через край ведра, успел заметить, как тонет трубка. На долю секунды он решил, что рацию упустил он сам. Но нет, его трубка в руке! Не успел он сообразить, что это Джалобин уронил свою трубку, как ведро стало тоже стремительно погружаться в воду, и вся троица мгновенно оказалась с головой в ледяной воде, не успев ничего предпринять, не успев даже вспомнить, что у них есть джинн-сила.

— Что случилось? — завопил Дыббакс, когда смог наконец вынырнуть и глотнуть воздуха.

— Не знаю, — крикнул ему Джон, который все-таки успел вытащить долото из ведра, прежде чем оно перевернулось. В другой руке у мальчика по-прежнему была трубка. Взглянув на эту бесполезную теперь вещь, Джон тут же ее выбросил, а долото сунул за пояс, чтобы освободить руки и держать себя на плаву. Филиппа и Дыббакс лишились своих фонариков, но, к счастью, фонарик Джона остался лежать на выступе стены, так что свет у них какой-никакой был.

С трудом дыша в холодающей воде, дети пытались сосредоточить свою джинн-силу, чтобы выбраться из колодца, но было слишком поздно: они уже промерзли до мозга костей и напрочь лишились джинн-силы.

— Это все ваш идиот дворецкий! — воскликнул Дыббакс. — Что он вздумал? В игрушки играть?

И Дыббакс начал голосить, призывая кого-нибудь на помощь.

— Замолчи, — велел ему Джон. — Замолчи, дай подумать. Джалобин не сделал бы этого нарочно. С ним наверняка что-то случилось. — И он рассказал Филиппе и Дыббаксу о том, что за секунду до того, как ведро погрузилось в воду, Джалобин уронил рацию. — Короче, звать на помощь не стоит. Пока, во всяком случае.

— Но нам-то что делать? — возмутился Дыббакс. — Джинн-силы ни у кого из нас нет. По веревке нам в жизни доверху не долезть. А если мы останемся здесь, мы попросту утонем.

— Предлагаю не унывать, — бодро сказала Филиппа.

— Может, я чего-то не понимаю, — буркнул Дыббакс, отчаянно молотя по воде руками. — Но я не вижу никаких поводов для оптимизма.

— Но и слезами горю не поможешь, — заметила Филиппа.

— Эй вы, оба! Прекратите спорить, — сказал Джон.

— Никто и не спорит, — возразила Филиппа.

— Послушайте, ведь могло быть еще хуже, — продолжал Джон. — Мы могли оказаться в полной темноте. Но у нас есть свет, а потому есть и шанс на спасение, даже не один.

— Например? — Дыббакса рассуждения товарища явно не убедили.

— Надо подняться совсем немного — до того места, где когда-то обвалилась стена. Там есть уступчик. Можно вынуть еще несколько кирпичей, сделать его побольше и сидеть там, пока мы не обсохнем, не согреемся и не вернем джинн-силу.

Филиппа поглядела вверх. Место, о котором говорил Джон, было высоко, метрах в десяти над их головами. Девочка не была уверена, что сможет туда долезть. Зато Дыббакс уже ухватился за веревку.

— Хорошая идея, — сказала Филиппа и

решила надеяться

на лучшее.

Глава 14
Под магическим взглядом

Еще утром, когда во время встречи с паствой к нему подвели новых членов ашрама, гуру Масамджхасара начал терзаться подозрениями. Где-то он уже видел этого однорукого… Во всяком случае, он был чем-то похож на одного его старого знакомца… Гуру видел его всего единожды, давным-давно, по крайней мере десять лет назад… Но тот человек был дворецким у джинн, которого звали Нимрод, и англичанином… А сегодняшний был индийцем и назвался господином Гуптой… Однако что-то в этом новичке, попросившемся к нему в ашрам, настойчиво напоминало ему о дворецком Нимрода. Только что?

Когда-то нынешний гуру был врачом и успешно практиковал в Лондоне, причем среди его пациентов были самые высокопоставленные лица страны вплоть до жены премьер-министра Великобритании. Именно поэтому ранним апрельским утром в самом конце двадцатого столетия его и вызвали на Даунинг-стрит, попросив осмотреть самого премьер-министра. Большинство докторов, увидев пациента в таком состоянии, решили бы, что он сошел с ума, и отправили бы его в сумасшедший дом. По счастью, доктор Варнакуласурия — а именно так звали в те времена гуру Масамджхасару — относился к числу очень немногих врачей, способных распознать симптомы болезни, внезапно поразившей премьер-министра, который вел себя как взбалмошная двенадцатилетняя девчонка. Доктор понял, что в премьера вселился злой джинн. Воспользовавшись тем, что его покойный отец был знаком с могущественным джинн по имени Нимрод, он пришел к Нимроду и попросил о помощи. Там-то он и столкнулся с одноруким дворецким. Ну да, конечно! Дворецкий-то был однорук! И у этого господина Гупты только одна рука!

Еще тогда, в Лондоне, ему показалось странным, что Нимрод выбрал себе в слуги человека с одной рукой. Но эта странность была ничто по сравнению с престранными событиями, которые произошли сразу после этого в доме премьер-министра и так потрясли доктора Варнакуласурию, что он решил оставить медицину и, подобно отцу, стать праведником. Вскоре после изгнания нечистой силы с Даунинг-стрит он возвратился в Индию и на заработанные в Лондоне деньги купил розовый форт близ Лакхнау, открыл там ашрам Джаяр Шо и провозгласил себя гуру.

С тех пор ашрам стал во главе всемирной сети духовных

центров, которых насчитывалось уже больше пятидесяти, а последователей у гуру было несколько тысяч. Короче говоря, предприятие оказалось весьма прибыльным. И сейчас, когда тайные планы гуру были близки к осуществлению, он меньше всего хотел бы видеть у себя под боком лазутчиков и диверсантов. Особенно если они как-то связаны с Нимродом. Поэтому сразу после полуночи гуру послал нескольких садхаков из состава своей личной охраны за господином Гуптой. Надо расспросить его поподробнее, кто он такой и что привело его вместе с детьми в ашрам.

Направляясь в отведенную новеньким спальню, садхаки наткнулись на Джалобина во внутреннем дворе розового форта.

Почувствовав, что эта недружелюбная команда пришла по его душу, Джалобин запаниковал. Он туг же избавился от портативной рации — просто бросил трубку в колодец, надеясь только, что она не угодит в детей. А потом, рассудив, что близнецы и Дыббакс все-таки не простые дети, а джинн, которые смогут о себе позаботиться, он снял ногу с тормоза и, засунув свою новообретенную руку под мешковатую индийскую рубашку, принял самую что ни на есть невинную позу и стал праздно глазеть на звезды.

Старший из садхаков, господин Бхуттоте, раздраженно ткнул пальцем в Джалобина.

— Что вы здесь делаете? — спросил он на хинди. — Разве вы не знаете, что после полуночи из спальни выходить запрещено?

— Я только что закончил работу, — сказал Джалобин. — В центре компьютерной помощи. Я просидел там на одном месте несколько часов, и теперь мне обязательно надо размять ноги и подышать свежим воздухом.

— Пойдемте, — сказал господин Бхуттоте. — Вас хочет видеть гуру.

— Меня? А зачем?

— Не имею представления.

— В такой поздний час? — Джалобин с трудом подавил зевоту, и получилось это у него вполне натурально. — Разве нельзя подождать до утра? Сначала я полдня занимался йогой, потом сидел в центре на телефоне! У меня нет сил.

— Нет, вы пойдете сейчас, — настаивал господин Бхуттоте. — Таково распоряжение гуру. Как он сказал, так и будет. Между прочим, гуру Масамджхасара никогда не спит. Он не спит уже двенадцать лет.

— Очень ему сочувствую, — сказал Джалобин. — Бессонница, что ли?

— Нет, — ответил другой садхак. — Он просто не вправе

тратить время на сон, потому что ему в голову все время приходят важные мысли.

— Бедняга, — произнес Джалобин и последовал за садхаками к святилищу, где, по словам сопровождавших, его ждал гуру. — Как же неприятно, когда тебя по ночам одолевают мысли!

— В этом нет ничего неприятного, — возрази господин Бхуттоте. — Ночи гуру посвящены раздумьям о великом. Потом он делится этими великими мыслями с нами, и благодаря ему мы все достигаем просветления.

— Разумеется, — выдавил из себя Джалобин. — Мы бы все просто погибли без великих мыслей гуру.

Одной рукой Джон схватился за веревку, а другой подтянул сестру поближе.

— Давай же, Фил! Ты справишься! — сказал он.

Дыббакс тем временем уже одолел десять метров, отделявших их от уступа, и примеривался, как на него перебраться.

Филиппа оцепенела от холода. Зубы ее стучали, точно копыта крошечной лошадки. В школе она никогда не отличалась большими успехами на уроках физкультуры, и предложи ей кто-нибудь в Нью-Йорке залезть по десятиметровому канату, она бы наверняка отказалась или, если уж на то дело пошло, применила бы джинн-силу. Но, как известно, опасность и отчаяние любому придадут недюжинную выносливость и ловкость. Сейчас, разумеется, был как раз такой случай, и Джону не пришлось долго уговаривать сестру. Филиппа ухватилась за веревку, подтянулась и, оттолкнувшись от днища перевернувшегося ведра, полезла вверх.

Ожидая своей очереди, Джон на мгновение сгрузил голову в воду и посмотрел вниз. Вынырнув, он крикнул сестре:

— Думаю, там еще воды метров тридцать, а то и больше. Но она очень прозрачная, дно хорошо видно.

— Пожалуйста, замолчи, — отозвалась Филиппа — Ничего не хочу знать.

Тут в воду плюхнулось что-то тяжелое. Филиппа с Джоном посмотрели вверх и увидели, что Дыббакс все еще держится за веревку и колотит ногой по стене колодца. Вот еще один кирпич полетел в воду, а вот и следующий.

— Осторожно! — крикнул Джон. — Ты чуть в меня не попал.

— Прости, — отозвался Дыббакс и, сбросив в воду еще несколько кирпичей, перелез в образовавшееся отверстие. — Быстрее сюда, — крикнул он вниз. — Тут всем места хватит. Джон, а ты сможешь захватить фонарик?

Чтобы достигнуть выступа, Филиппе потребовалось добрых пятнадцать минут, причем ее победа далась колодцелазам не без потерь. Пытаясь нащупать опору в нише, которую сделал в стене колодца Дыббакс, девочка случайно сбила вниз еще один кирпич, но вместо того, чтобы просто упасть в воду вслед за остальными, он угодил точнехонько в фонарик, который Джон оставил на выступе над водой. Джон не успел его подхватить, и самый ценный из имевшихся у них предметов полетел воду.

Дыббакс ахнул, а Джон, одолевший уже почти половину пути, без раздумий бросился обратно в воду, вслед за их единственным источником света.

Фонарик, к счастью, был водонепроницаемым и продолжал гореть, что облегчало его поиски. Джон нырял и нырял, отчаянно пытаясь дотянуться до света то одной, то другой рукой. Дважды он даже коснулся фонарика пальцами, но схватить его не удавалось. Только с третьей попытки, когда мальчику казалось, что его легкие вот-вот лопнут, фонарик наконец оказался у него в руках.

И тут он увидел кобру — уже знакомый процарапанный на кирпиче знак. Третья змея! Сил всплывать и набирать в легкие новую порцию воздуха уже не было. Джон вообще не был уверен, что сможет взобраться по веревке после всех этих погружений. Что ж, теперь или никогда. Он подплыл к третьей кобре и, осветив кирпич, принялся колотить вокруг него долотом, чтобы расшатать и вынуть кирпич из паза, выбитого в стене полковником Килликранки. Полковник нацарапал эту змею даже тщательнее, чем двух предыдущих, и цифру «3» рядом с ней изобразил, чтобы не было никакой ошибки. Наконец Джон почувствовал, что кирпич подается… он подцепил его долотом, словно рычагом, и вывернул из паза.

Сидя в нише в темноте, Филиппа ждала возвращения Джона. Она гордилась братом, но больше тревожилась: его нет уже слишком долго, а вода такая холодная! Сверху им с Дыббаксом было вид о лишь перемещение пучка света под водой.

— Почему он не выныривает? — пробормотал Дыббакс.

Филиппа промолчала. И в тот момент, когда она уже была готова броситься в воду спасать брата на поверхности показался луч света, а следом и голова Джона. Он возбужденно кричал и показывал им какой-то предмет, вроде маленького кожаного мешочка.

— Я его нашел! — наконец различили они. — Амулет!

— Молодчина, Джон! — Филиппа была счастлива уже оттого, что видит брата живым и здоровым.

— Здорово! — орал Дыббакс. — Ты гигант, Джон!

— По крайней мере, я думаю, что там амулет. Когда я нырял за фонариком, я нашел кирпич с третьей коброй. Выломал его и достал вот это.

— Что ж еще? Конечно амулет! — радовался Дыббакс.

— И здорово, что ты спас фонарик, — добавила Филиппа. — Без света мы совсем пропадем.

— Кирпич с коброй был метрах в трех под водой. Когда я сунул в отверстие руку, она там застряла. Думал, утону…

Тут фонарик пару секунд померцал и потух. Темнота тут же сгустилась. Казалось, ее можно жевать.

— Давайте надеяться, что он просто подмок и скоро включится опять, — сказал Джон. Сунув фонарик и кожаный мешочек за пояс, он подплыл к веревке и полез вверх.

— О чем, спрашивается, думал полковник? — сердито ворчал Дыббакс. Расчищая место для Джона, он аккуратно скидывал в воду все новые кирпичи. — Спрятать третью кобру ниже поверхности воды!

— Знаешь, держу пари, что в те времена вода не стояла так высоко, — сказала Филиппа. — Уровень воды скорее всего поднялся после того, как английские солдаты восстановили колодец.

Проведя столько времени в воде и под водой, Джон так устал и замерз, что теперь лез вверх очень-очень медленно. Один или два раза он даже чуть вовсе не соскользнул обратно и ободрал ладони о грубую веревку. К счастью, эта новая боль отвлекла его внимание от закоченевших и затекших мышц на спине и плечах. Наконец он добрался, зацепился ногами за уступ, а Дыббакс схватил его за рубашку и с огромным усилием втянул в нишу. Вниз полетели новые кирпичи и каменная крошка.

Тут фонарик замерцал снова. Высвободившись из железной хватки Дыббакса, Джон откашлялся и, достав фонарик из-за пояса, принялся его осматривать. Однако прямо в руках у Джона он погас окончательно, и дети снова оказались в кромешной темноте. Положив фонарик на свою ободранную до крови ладонь, мальчик попытался вернуть его к жизни, но у него ничего не вышло.

— Великолепно! — взвыл Дыббакс. — Просто класс! И что нам теперь делать?

— Я попробую его разобрать и просушить, — сказал Джон. — Может, он еще заработает.

Дыббакс задышал часто-часто. Видимо, темнота резко усилила его клаустрофобию. Нащупав в кармане подмокшую, крошащуюся в пальцах угольную таблетку, он торопливо положил ее в рот.

— Важно не паниковать, — сказал Джон. — И не делать резких движений, чтобы ненароком не свалиться. — Он начал развинчивать фонарик. — Будем сушить фонарик и сохнуть сами. Кто знает, что произойдет раньше? Может, мы высохнем, согреемся и быстренько разрешим все наши проблемы?

Угольные таблетки действуют быстро, и Дыббакс понемногу успокоился.

— Ладно, — сказал он. — Договорились.

— Дыббакс, ты тем временем можешь поглядеть… — сказал Джон и осекся. — Вернее, пощупать, нельзя ли еще углубить нашу нишу. — Он вынул батарейки и потряс корпус фонарика, освобождая его от лишней влаги.

— А я могу помочь? — спросила Филиппа.

— А как же! — ответил Дыббакс. — Я начну рыть вот тут, сзади, и буду передавать тебе кирпичи и камни, а ты бросай их в воду, поскольку сидишь ближе к краю. — Он влез в самую глубину ниши, ухватил пригоршню мелких камешков и кирпичной крошки и аккуратно передал Филиппе. — Вот держи. Стена-то совсем прогнила, сама под руками крошится. Зато теперь я буду знать, как живется кротам.

Филиппа разжала руки, и камни полетели в холодную гулкую пустоту. Секунду спустя раздался всплеск.

Джон продул каждый уголок в корпусе фонарика, а потом положил батарейки и корпус на землю и сам лег сверху, чтобы случайно не скинуть их в воду. Да, что и говорить, без света им придется очень худо. Впрочем, со светом тоже не намного лучше. Он, конечно, старался подбодрить Дыббакса и сестру, но в глубине души не очень-то верил в благополучный исход. Холодно, слишком холодно было в этом колодце. Вряд ли им удастся быстро согреться и вернуть себе джинн-силу. Их окружали холод и тьма — прямо глаз выколи. Джон не видел даже собственных пальцев, хотя подносил их к самому лицу. Н-да, они попали в серьезную переделку, ничего не скажешь. Чем больше он размышлял, тем яснее понимал, что главная их надежда — Джалобин. Он придет и вызволит их из колодца. Главное, чтобы те неприятности, которые случились с дворецким там, наверху, оказались временными.

Гуру Масамджхасара — а на языке хинди масамджхасара означает «я понимаю все» — вылез из своего зубоврачебного кресла и медленно подошел к Джалобину, сверля его своим самым магичесим взглядом.

Джалобин, зажатый между двумя крепкими садхаками, выдержал эту игру в гляделки очень стойко и не издал ни звука,

когда гуру, обдав дворецкого зловонным дыханием, положил руки ему на голову, сосредоточенно закрыл глаза и замер, точно пытаясь прочитать его мысли.

— Мы встречались раньше? — не меняя позы, спросил гуру.

— Доселе никогда, — сказал Джалобин. — Я имею в виду до вчерашнего дня. Я наверняка запомнил бы столь достопочтенную личность, если бы нам доводилось встречаться прежде.

Закрытые веки гуру шевельнулись, поскольку он завращал глазами, точно пытался обозреть внутренним оком весь мир. А потом он повторил свой вопрос — не то не услышал ответа Джалобина, не то просто ему не поверил.

— Нет, не встречались, — снова сказал Джалобин. И все же… И все же, рассматривая гуру вблизи, Джалобин вынужден был признать, что что-то смутно знакомое в нем есть. Словно они и вправду встречались, только много-много лет назад. Зловонное дыхание гуру особенно беспокоило Джалобина. Он помнил этот запах — запах протухшего йогурта вперемешку с рыбой, сдохшей в жаркий день в полиэтиленовом пакете. Кроме того, за густой, как у Карла Маркса, бородой проступало лицо, которое Джалобин, возможно, и вправду когда-то видел. Но борода его отвлекала. Или, точнее, многочисленные предметы, застрявшие в этой бороде. Оказавшись лицом к лицу с гуру Масамджхасарой, Джалобин мог разглядеть все крошки и целые куски пищи, которые упали на бороду с вилки или прямо изо рта этого человека за несколько последних недель. Кукурузные зерна. Рисинки из плова. Длинная спагеттина и другие макаронные изделия — в форме половинок от раковины. Апельсиновая косточка. Ну и, разумеется, старая жевательная резинка и немного соплей.

— Понимаете, у меня внутри имеется система раннего отслеживания и оповещения о каждом встреченном человеке, — пронзительно объявил гуру с сильным английским акцентом и принялся ощупывать голову Джалобина своими засаленными, похожими на щупальца осьминога пальцами. — В том числе о вас, мой друг. И вы меня беспокоите.

— Не понимаю почему, — ответил Джалобин. — Я, в сущности, никто.

— О нет. — Гуру хихикнул. — Каждому, кто прибывает в ашрам, я говорю одно. Я говорю: «Ты уникален». Каждый. И вы тоже. Каждый — особая, уникальная личность. — Гуру говорил величественно, будто только что сошел с небес. — А самые особенные те, кто считают себя никем. — Он медленно открыл глаза.

— Возможно, вы меня с кем-то спутали, сэр. Может, я похож

на кого-то из ваших знакомых.

— Не думаю, — ответил гуру. — Вы, господин Гупта, человек весьма примечательный. Я в жизни встречал совсем немного людей с одной рукой. Да если честно — только одного.

Джалобин сухо улыбнулся.

— Если дело только в этом, могу понять, почему я показался вам знакомым, — произнес он. — Вы разумеется, правы. Быть однорукими достаточно необычно. Я и сам встречал не так много одноруких.

К этому моменту Джалобин окончательно понял: в его интересах убедить гуру, что он ошибся. Поэтому он решительно вынул свою новую руку из-под широкой рубахи и продемонстрировал ее окружающим:

— И я не из их числа, сэр. Как видите, у меня две руки.

— Это очень странно. — Гуру нахмурился. — Очень странно. Могу поклясться, что ясно видел, что у вас только одна рука, — сказал он. — Но почему вы прячете вторую? — Он схватил Джалобина за обе руки и сжал их сильно-сильно, будто проверяя, настоящие они или нет. — Ваша учительница йоги, мисс Краббе, тоже была уверена, что вы однорукий.

— Сэр, если честно, я решил спрятать руку, надеясь таким образом избежать занятий йогой. Но я поступил скверно. И прошу прощения за этот обман.

— Надо признаться, вы ловко скрывали вторую руку!

— На самом деле, сэр, я когда-то был фокусником, — сказал Джалобин, полагая, что стоит использовать ту легенду, которую дети уже рассказали Джаггернауту. — И часто изображал однорукого. На этом были построены многие мои фокусы. — Джалобин в свою очередь схватил гуру за руки. — Простите меня за неудачный фокус, сэр. Как видите, вы меня просто с кем-то спутали. Наверняка. — Джалобин улыбнулся и позволил себе напоследок небольшую шутку: — Ну не мог же я за сутки отрастить себе новую конечность?

Гуру Масамджхасара отпустил руки Джалобина и принялся теребить собственную бороду, словно хотел выдоить из этих клочковатых дебрей какую-нибудь мысль или идею. Но выпала оттуда лишь одна кукурузинка. Летела она недолго — тут же застряла в курчавых седых волосках, которые, как пружинки старого матраса, торчали на груди гуру.

— Верно, вырастить новую руку вы бы не смогли, господин Гупта. Если, конечно, это ваше настоящее имя. Руки за ночь не вырастают. Согласен. Но кое-кто мог наделить вас новой рукой. Это под силу джинн.

— Джинн? — Джалобин делано удивился. — Ну, сэр, если

так… Если вы верите в подобные небылицы… то, да, разумеется, джинн вполне мог сколдовать мне новую руку.

— Это не небылицы, — сказал гуру Масамджхасара. — Я достоверно знаю, что джинн существуют. И я знаком с одним из них. Возможно, вы тоже.

— Я сэр? — Джалобин улыбнулся. — Вот уж нет. Я — обычный человек и о таких вещах и слыхом не слыхивал. В детстве мама мне рассказывала что джинн являются только высшим браминам и святым.

Но гуру, не слушая, гнул свое:

— А может, вы сами джинн? Тогда понятно, как вы могли устроить этот фокус на подъемнике. Взять и исчезнуть посреди пропасти! — Он захихикал. — Да-да, не отнекивайтесь. Я слышал об этом. Мои последователи мне все рассказывают.

— Что вы, сэр, это сущая безделица, — сказал Джалобин. — Трюк с веревкой. Я его обожаю и делаю при каждом удобном случае. Чтобы не потерять форму. Поверьте, я — не джинн. Я — самый обычный человек.

— Тогда вы не откажетесь сесть в мое кресло, чтобы я мог осмотреть ваш рот? — сказал гуру и жестом скомандовал двум садхакам перенести Джалобина на стоявшее посреди святилища кресло.

Джалобин и в лучшие времена терпеть не мог дантистов. Ему не нравилось в них все: их жестокие неумолимые пальцы, их глупая светская болтовня, их сияющие белизной улыбки, их отвратительные пыточные инструменты, но больше всего он не любил, как пахнет зуб, когда его сверлят. Этот запах всегда вызывал у него гнетущие воспоминания о его манчестерском детстве.

— Что вы собираетесь делать? — завопил он, оказавшись в кресле высоко над полом.

Гуру рассеянно поковырял в носу, потом съел извлеченный оттуда слизистый зеленый продукт, а затем, выбрав с подноса инструмент, приблизился к дворецкому.

— Расслабьтесь, — велел он. — Я просто хочу проверить, все ли зубы у вас на месте.

— Зубы? — переспросил Джалобин. — А при чем тут мои зубы?

Разумеется, Джалобин отлично знал, что именно намеревался проверить гуру Масамджхасара. Но в тот момент было лучше изобразить полнейшее неведение относительно особенностей и привычек джинн. Откуда ему, Гупте, знать, что у джинн никогда не бывает зубов мудрости? Так или иначе, Джалобин испытывал величайшее отвращение, зная, что в рот ему сейчас проникнут

грязные пальцы гуру, в том числе палец, который только что выковырял из носа липкую зеленую соплю.

— Большинство людей считают, что мне просто приятно восседать на таком кресле, — бормотал гуру, разглядывая зубы Джалобина. — Но, сами видите, я использую это кресло и по его прямому назначению.

Джалобин понимал, что гуру не собирается его пытать. Это было уже неплохо, поскольку под пыткой он бы наверняка рассказал гуру все, что знал. Он нехотя открыл рот.

— Ну и ну! — воскликнул гуру и поморщился. — Что за гадость вы ели на ужин?

Джалобин попробовал ответить. Он вполне готов был произнести: «Это-ты-сам-воняешь-грязный-зловонный-скунс», но во рту у него находились грязные пальцы гуру да еще зубоврачебное зеркальце в придачу.

Завершив экспертизу, гуру отошел от кресла, вытер руки о бороду и разочарованно вздохнул.

— Нет, — сказал он. — Вы — не джинн. Конечно, будь вы джинн, вы бы наверняка попробовали сотворить со мной какую-нибудь гадость. Я говорю «попробовали сотворить», а не «сотворили», потому что я, естественно, готов к любым неожиданностям. — Он показал Джалобину висевший у него на шее медальон, в точности такой, какой Нимрод получил от Лейлы по нутряной джинн-почте. — Это мой амулет. Его изготовил мой отец, факир Муруган, чтобы противостоять джинн-силе. Мой отец был великим человеком. И великим факиром. — Гуру захихикал. — Я, конечно, не стал бы проверять ваши зубы, не будь при мне этого амулета. Окажись вы настоящим джинн…

Гуру не договорил. Он вдруг прищурился и снова воззрился на Джалобина особым магическим взглядом.

— Погодите-ка, — сказал гуру, взглянув на садхаков. — Ведь он сюда с детьми приехал?

— Да, ваша святость, — ответил один из садхаков.

— Интересно, — пробормотал гуру. — Нет. Не может быть. Такой удачи просто не бывает.

— Оставьте моих детей в покое, — сказал Джалобин резко, справедливо полагая, что отцам пристало защищать свое потомство.

— Дети. Очень интересно. — Погладив свою длинную бороду, гуру сбросил на пол несколько рисинок и слегка наклонил голову, точно прислушивался к тихому внутреннему голосу.

— Один плюс один плюс один будет три, — пробормотал он, а потом, уже громче,

обратился к садхакам: — Найдите их.

Срочно найдите этих детей.

Глава 15
Девятая кобра

Среди беспросветной тьмы дети продолжали на ощупь углубляться в стену колодца. — Камни теперь какие-то другие, — кинув вниз очередную порцию, сказала Филиппа. Снизу донесся тихий всплеск. — Намного легче тех, что мы выгребали вначале.

— Да, я тоже заметил, — согласился Дыббакс. — Похоже на какую-то вулканическую породу. Вроде камней, которыми оттирают мозоли.

— Пемза? Да, очень похоже.

Они рыли уже почти час, и ниша, где сначала было просто удобно сидеть или лежать, постепенно превращалась в туннель, уходивший в глубь стены метра на три-четыре. Копать было легко, словно этот туннель был здесь и прежде, только оказался под завалом. А вдруг тут есть выход наружу? Их одежда все еще оставалась влажной, и им было по-прежнему холодно, так что скорого возвращения джинн-силы не предвиделось. Тем не менее они немного воодушевились. И чем глубже они вгрызались в стену, тем больше воодушевлялись. А Филиппа, вся в каменной пыли, даже насвистывала в темноте, чтобы было веселее.

— Ну, как там фонарик? — поинтересовался Дыббакс.

— Детали вроде высохли, — ответил Джон. — Сейчас пробую собрать.

Он засунул обе батарейки в длинную металлическую трубу, прикрутил днище с пружинками и глубоко вздохнул.

— Ну, три-четыре!

Джон нажал кнопку.

Фонарик включился и осветил прорытый ими небольшой туннель. Но радоваться было нечему. Наоборот. Осознав, куда они попали, дети завопили от ужаса. Их окружали человеческие скелеты, великое множество скелетов, поскольку туннель оказался своего рода склепом или попросту могилой в скале, а камень, лежавший на коленях у Филиппы, был вовсе не камнем, а черепом. Девочка с отвращением скинула его в шахту колодца. Выяснилось, что палка, которой Дыббакс так успешно и долго рыл, на самом деле не палка, а бедренная кость. Человеческая. Теперь понятно, что сделали англичане с телами несчастных индийских повстанцев, погубленных здесь во время мятежа. Их не думали поднимать на поверхность, их захоронили прямо здесь — уложили в нишу, как сигары в портсигар. Так, друг на друге, и пролежали они в стене колодца полтора века.

Скелеты были повсюду, и деться от них было некуда. Филиппа брезгливо отворачивалась от одного усмехающегося черепа, чтобы оказаться нос к носу, вернее, к дырке от носа с другим. Пытаясь пробраться глубже, Дыббакс добился только одного: сверху на него обрушилось еще несколько скелетов. Дети не просто смотрели на человеческие останки, они дышали пронизанным ими воздухом, и костная пыль скрипела у них на зубах.

Джон опомнился первым и направил луч света мимо боровшегося со скелетами Дыббакса в самые глубины подземного склепа. Задняя стена оказалась кирпичной, но скреплявший кладку цемент раскрошился, и Дыббакс уже успел проделать в нем отверстие, достаточно большое, чтобы туда протиснуться. Джон прополз мимо Дыббакса и просунул голову и плечи через отверстие в стене. Остальные последовали за ним, потому что фонарик был только у Джона, и им совершенно не улыбалось остаться в темноте наедине с мертвецами.

Обнаружив за стеной большое пространство, где не было никаких скелетов, Джон пролез внутрь, прополз еще несколько метров и вскоре понял, что может встать во весь рост. Он с облегчением вдохнул воздух, свободный от этой жуткой, затхлой костяной пыли, и повернулся к уже вылезавшим, из отверстия спутникам.

— Похоже, тут все-таки есть выход! — радостно объявил он и посветил на древнюю каменную лестницу, которая начиналась прямо у них под ногами.

— Вот здорово! — Филиппа заулыбалась.

— Я начал с хорошей новости, — продолжал Джон.

— А какая плохая? — спросил Дыббакс.

— А сам не заметил? Тут намного холоднее. — Джон направил фонарик себе на лицо и выдохнул. — Видишь, пар идет от дыхания?

— Все равно тут лучше, чем в ледяной воде, — пробормотал Дыббакс.

— Еще бы, — согласился Джон. — Но, сами понимаете, джинн-силой нам пока воспользоваться не удастся.

Дыббакс пожал плечами:

— Ступеньки ведут вверх и наверняка выведут нас на поверхность. Там и согреемся. Давайте подниматься. Чем скорее на меня упадет луч солнца, тем лучше. А то я прямо как змея в холодильнике.

— Погодите-ка, — сказал Джон. — Я что-то отвлекся. Сначала с фонариком возился, потом еще скелеты эти жуткие… Чуть не забыл!

Вытащив из-за пояса свою находку, он передал фонарик Дыббаксу и аккуратно открыл кожаный мешочек. Внутри оказался длинный, сантиметров пятнадцати-семнадцати в длину, предмет. Он был обернут в несколько слоев водонепроницаемой бумаги. Джон развернул бумагу, Дыббакс направил на нее луч света… И все ахнули.

На ладони у Джона лежала Королева-кобра. Ее свернутое кольцами тело было из чистого золота, а в приподнятую голову и капюшон был искусно врезан огромный изумруд. Хвост — который, по мнению Дыббакса, был сделан несколько неточно, поскольку мог принадлежать скорее гремучей змее, чем кобре, — состоял из четырех обрамленных золотом желтоватых зубов мудрости. Джинниоров потряс отнюдь не столько размер изумруда Кох-и-Каф, а именно эта последняя деталь. Сколько же смертей и несчастий связано с этими зубами! Дети притихли и призадумались.

— Даже не верится… — наконец произнес Джон. — Эти четыре зуба когда-то принадлежали старому Ракшасу.

— Теперь понятно, сколько ему на самом деле лет, — сказал Дыббакс. Он пожал плечами. — А главное, понятно, почему Герман Геринг стремился заполучить эту штуку. Изумруд больше куриного яйца! Он, должно быть, стоит целое состояние.

— Да, но его денежная ценность ничто по сравнению с властью, которую владелец амулета может получить над Ракшасом, — сказал Джон. — Только представь: джинн в полном распоряжении человека. Интересно, а Геринг об этом знал? Этот амулет мог бы дать ему абсолютную власть над миром.

— Вот, что я думаю… — начала Филиппа — Это — зло. Самое настоящее, воплощенное зло, и, по-моему, его надо уничтожить. Разломать на кусочки и бросить в колодец, ко всем этим черепам и костям, чтобы никто и никогда не смог его заполучить. Надо выбросить все, включая изумруд.

— Ты шутишь? — сказал Дыббакс. — Мы одолели столько преград, чтобы найти эту вещь! — Он покачал головой. — Ни за что! Кстати, на случай, если ты забыла, ваши потери с моими не сравнить! У меня погибли два друга.

— Тем более ты должен со мной согласиться, — настаивала Филиппа. — Ты хоть сознаешь, какому риску подвергаемся мы все только оттого, что держим его в руках? Джон, ты-то что думаешь?

Джон вздохнул, и на морозе его выдох превратился в маленькое кучевое облачко. Было трудно представить, что они находятся в жаркой Индии. Джон был бы рад согласиться с сестрой, а не с Дыббаксом, но амулет выглядел слишком ценным, чтобы поступить с ним так, как предлагала Филиппа.

— Думаю, прежде всего надо найти господина Ракшаса и узнать, что думает обо всем этом он. Как он решит, так мы с Королевой кобр и поступим. В конце концов, это его зубы мудрости, и владелец амулета получает власть именно над Ракшасом.

— Все это ерунда, — сказал Дыббакс. — Кому нужен амулет, дающий власть над джинн, который того и гляди сделает всем ручкой и отлетит в большую лампу на небе?

— Дыббакс, что ты несешь? — возмутилась Филиппа — Ты иногда говоришь совершенно ужас е вещи. Господин Ракшас — наш друг.

— А что я такого сказал? — удивился Дыббакс. — Ты же не можешь отрицать, что Ракшас стар, джини-силы у него почти нет. Хватает ее теперь только на то, чтобы ввинчиваться и вывинчиваться из лампы. — Он покачал головой. — Я все равно не понимаю, зачем этому культу кобр понадобилось удерживать его в своей власти.

— Сила-то у него пока есть, — уточнил Джон. — Только он, будучи старым, не хочет ее тратить. Если есть хоть малейшая возможность обойтись без этого, он джинн-силу не применяет. Кстати, нет никакой гарантии, что даже если мы разломаем Королеву кобр на кусочки и сбросим их в колодец, не найдется кто-нибудь, кто вздумает эти кусочки отыскать и собрать. Наймут водолазов или спустят в колодец батискаф. — Джон указал на отверстие в стене. — Кроме того, неохота возвращаться к колодцу через туннель со скелетами. Мне, честно сказать, и одного раза хватило. До полусмерти перепугался. Так что прости, Фил, но я согласен с Баксом. Пока оставим амулет у себя.

Дыббакс закивал, считая вопрос решенным и дальнейшие обсуждения неуместными.

— Хорошо, — сказала Филиппа. — Если вы оба так считаете, оставляйте. Только не говорите потом, что я вас не предупреждала. — Она посмотрела на Королеву-кобру с неприязнью. — Поверьте, ничего доброго из этого не выйдет.

Дыббакс поднял руку, призывая Филиппу молчать. Она уже собралась на него рассердиться но поняла, что он не затыкает ей рот, а просто вслушивается в какие-то звуки.

— Что такое? — спросила она.

— Разве ты не слышишь? — сказал он. — Какое то бормотание.

— У меня в ушах еще полно воды, причем ледяной, — ответила девочка и, прижав ладонь к уху принялась вытряхивать из него воду.

— Звук идет с лестницы, — сказал Дыббакс и освещая путь

фонариком, сделал шаг вперед.

Завернув амулет в водонепроницаемую бумагу, Джон положил его обратно в кожаный мешочек, сунул за пояс и последовал за товарищем. Теперь он тоже услышал какой-то звук.

— Может, стоит выключить свет? — предложила Филиппа. — Или по крайней мере уменьшить яркость. Пока мы не поймем, что это за звук. Вдруг кому-нибудь не понравится, что мы здесь ходим.

— С какой стати? — возмутился Дыббакс. — Мы же члены ашрама, верно? Мы ведь вступали в ашрам как раз для того, чтобы ходить повсюду, не вызывая подозрений.

— Только не забывай о том, что Джалобин уже попал в беду, — заметила Филиппа. — С ним наверняка произошло что-то серьезное, иначе он не оставил бы нас в этом ужасном колодце.

— Фил права. — Джон кивнул. — Надо быть поосторожнее, пока мы не выясним, что случилось с Джалобином.

— Ладно, — согласился Дыббакс и ступил на лестницу. — Но немного света нам все-таки нужно, а то мы шеи себе свернем на этих ступеньках. Бред, конечно, но они обледенели.

Джон дотронулся до ступеней кончиками пальцев.

— Дыббакс прав, — сказал он. — Откуда же здесь лед?

— Не знаю, — ответил Дыббакс. — Но думаю, что скоро поймем. — Он прикрыл ладонью светящуюся поверхность фонарика, отчего ладонь его стала красной и прозрачной. Света было теперь совсем мало, так что они едва видели, куда ступать.

Бормотание становилось все громче, какие-то люди нараспев повторяли одни и те же слова.

— Может, у них тут урок медитации? — предположил Джон.

Дыббакс взглянул на свои часы с люминесцентными цифрами.

— В три часа ночи? — Он остановился и опять прислушался. — Кроме того, разве так медитируют? Ты различаешь, что они говорят? Ну же?

— НА-ГА. НА-ГА. НА-ГА.

— Нага, — прошептал Дыббакс. — Точно, именно Нага.

Дети задрожали, но уже не от холода, а от страха. До них наконец дошло, что слово, которое скандируют где-то совсем рядом, на санскрите означает «змея».

— У меня плохие предчувствия, — прошептала Филиппа.

— Ты это уже говорила, — отозвался Дыббакс.

— Нет, про это еще не говорила. Я говорила, что не стоит оставлять у себя Королеву-кобру. Надеюсь, что нынешние неприятные предчувствия хотя бы не связаны с этим амулетом. Поскольку это как раз тот случай, когда я не хотела бы оказаться

пророком.

— Да уж… — Дыббакс вздохнул.

Они прошли еще несколько ступеней вверх, и впереди забрезжил тусклый свет. Дыббакс тут же выключил фонарик. Крутая каменная лестница как раз закончилась, и они очутились в узком туннеле, который упирался в другую лестницу, на этот раз металлическую, она шла вертикально вверх внутри полого бронзового цилиндра. Шириной цилиндр был от силы метра полтора и заканчивался широким раструбом, через который лился яркий неровный свет и пение людей:

— НА-ГА, НА-ГА НА-ГА, НА-ГА, НА-ГА.

Джинниоры молча полезли вверх, с трудом отрывая пальцы от обжигающе холодных металлических перекладин. Наконец они смогли заглянуть за край цилиндра. И их утомленным, запорошенным пылью глазам предстало нечто удивительное.

В огромной пещере, метров пятнадцать или двадцать высотой, располагался храм, неравномерно освещенный гирляндами электрических лампочек. Пол пещеры застилал странный туман, это было похоже на театральные спецэффекты. Туман окутывал ноги трех или четырех сотен человек, мужчин и женщин, которые стояли на коленях, молитвенно сложив руки и обратившись лицами как раз к тому месту, над которым находился наблюдательный пункт Джона, Филиппы и Дыббакса. Люди были в резиновой обуви, в оранжевых одеждах с накинутыми сверху куртками и накидками из овечьей шерсти. Лица их были разрисованы желтой краской. Не переставая, точно под гипнозом, они твердили:

— НА-ГА, НА-ГА, НА-ГА, НА-ГА…

— Это культ кобры, — прошептала Филиппа. — Ааст Нааг. «Восемь кобр». Видимо, ашрам для них служит прикрытием.

Теперь девочка поняла, о чем говорилось в конце письма полковника Килликранки: *Ищите третью змею. Но остерегайтесь восьмой.*

Трое юных джинн притихли. Ну разве это не ирония судьбы? Они попали прямиком в лапы тех, от кого надеялись скрыть амулет! Вокруг, да-да — со всех сторон, были толпы и толпы именно тех людей, с которыми им меньше всего хотелось бы повстречаться.

Теперь они поняли и истинное предназначение бронзового цилиндра, который пока служил им убежищем. В нескольких шагах от того места, где они стояли, между двумя длинными тонкими клыками торчал раздвоенный язык, то есть они прятались внутри огромной статуи — поднявшей голову королевской кобры. Однако объектом поклонения толпы была не

кобра. Перед статуей, чуть ниже ее раскрытого рта, стоял уже знакомый им человек, гуру Масамджхасара, только одетый совсем по-другому. Вместо белых одежд на нем была толстая меховая шуба. Она защищала гуру от царившего в пещерном храме пронизывающего холода, природу которого дети по-прежнему не понимали. Прежде босые ноги гуру были теперь обуты в шикарные меховые сапоги.

Наконец острые глаза Джона высмотрели источник необъяснимо низкой температуры: в углу храма один садхак в толстых кожаных перчатках колол большие блоки сухого льда, а другой поднимал на тележку открытые емкости, над которыми курился белый ледяной пар. Видимо, в емкостях был жидкий азот.

— Зачем им все это понадобилось? — задумчиво спросил Джон.

— Не знаю, — отозвался Дыббакс. — Может, для кондиционеров? На поверхности-то очень жарко. Неизвестно еще, можно ли будет дышать в этом помещении, если не охлаждать воздух.

— Вот уж вряд ли, — сказал Джон. — Знаешь, я полежал на кровати в здешнем общежитии и твердо уверен, что гуру нисколько не волнует, как спится и дышится его последователям. Лед и азот нужны ему для чего-то другого. Только для чего?

Гуру сбросил с плеч шубу и обнажил голую грудь, раскрашенную такой же желтой краской, как щеки и лоб. Потом он, точно баптистский проповедник, поднял вверх руки. Все затихли.

— Я покажу вам суть вещей, на которые можно уповать — возвестил гуру громким, жутким голосом. И свидетельства того, что не видно глазу. Любой человек, не важно, женщина или мужчина, который последует за мной и повинуется моим командам, будет вознагражден чудесами и властью над жизнью и смертью. Сегодня ночью, друзья мои, сегодня ночью вы увидите эту власть во всем ее великолепии. Власть более сильную, чем логика. Власть более мощную, чем любые доводы. Да, дети мои, все вы станете свидетелями удивительной власти.

Гуру хлопнул в ладоши, и двое приближенных поставили рядом с ним стеклянный резервуар с клубком извивающихся змей. Было ясно, что гуру вознамерился взять их в руки.

— Для этого они и устроили тут такой холод, — прошептал Дыббакс. — Змеи — животные хладнокровные. У них температура тела зависит от температуры воздуха. Когда тело змеи значительно остывает, она становится сонной и вялой. Наверно, тогда с ними не так опасно общаться.

— Но эти змеи совсем не сонные, — заметил Джон. — Посмотри: в резервуаре установлен инфракрасный нагреватель. Им там вполне тепло.

Тут один из садхаков взял длинную палку и принялся тыкать в змей, как будто нарочно пытался их рассердить. И очень в этом преуспел. Одна змея, огромная королевская кобра, куснула палку, и трем скрывавшимся в статуе джинниорам стал очевидно, что гуру Масамджхасара вовсе не хо чет иметь дело с сонными, вялыми и послушными змеями. Ему были нужны змеи сердитые и агрессивные.

Гуру торжественно приблизился к резервуару и взял в руки королевскую кобру, которая не преминула его тут же укусить. По запястью гуру потекла кровь — Дыббакс даже не успел высказать свое следующее предположение, состоявшее в том, что змеям удалили клыки.

Гуру возликовал и схватил другую кобру, которая укусила его уже не один, а несколько раз. Третья кобра вонзила клыки в локоть гуру так глубоко, что не смогла их оттуда выдрать; она так и висела у него на руке, пока под тяжестью ее корчащегося коричневого тела клыки не выломались вовсе и кобра не упала на землю. Гуру тут же подобрал ее и накрутил на шею наподобие шелкового шарфа. К моменту, когда он взял в руки седьмую змею, укусов на его теле было уже вдвое больше, но это его, похоже, ничуть не беспокоило.

— Не понимаю, — сказал Дыббакс. — Он давно должен был быть мертв. Или хотя бы валяться на земле бездыханным.

Джон посмотрел на Филиппу.

— Ты думаешь о том же, о чем и я? — спросил он сестру. Он вспомнил, как йети, барон фон Райнрайстиг, с которым они познакомились на Аннапурне рассказал им, что джинн обладают иммунитетом к змеиному яду. — Что он, как и мы…

— Джинн? — Филиппа покачала головой. — Вряд джинн не устроил бы в храме такую холодрыгу. Он бы побоялся потерять джинн-силу в присутствии своих последователей. Я не знаю, как все это объяснить. Может, он просто принял сильное противоядие? — Но девочка и сама сомневалась в своих словах. Гуру покусали огромные мощные кобры, и у каждой имелся огромный запас яда. — Тогда он должен был принять целое ведро.

— Вы видите священные знаки! — провозгласил гуру, увешанный змеями, точно новогодняя елка игрушками. — Верьте в мою силу, в мою великую силу. Скоро наступит время, когда мы будем править миром.

Гуру схватил сразу двух змей и, пока они его кусали, держал

их высоко — для всеобщего обозрения.

— Мой предшественник, Ааст Нага, за один раз давал покусать себя восьми кобрам. Но я сильнее его, я могу устоять против яда девяти кобр. Теперь я дарю эту силу вам!

И все снова начали скандировать:

— НА-ГА, НА-ГА, НА-ГА…

— Подождите, друзья мои, — воскликнул гуру, и его последователи тут же замолчали. — Иногда, чтобы продемонстрировать силу, которая сильнее смерти, мы должны увидеть саму смерть. И перестать восхищаться ее могуществом. Потому что для тех, кто восхищается ею, мои знаки — ничто. Но моим последователем может стать не каждый. Не всем дано сделать то, что подвластно мне. Вы сами это сейчас увидите! Вы увидите то, что сам я победил уже много, много раз. Вы увидите смерть. Введите пленника!

— Ужас какой-то, — прошептал Дыббакс. — Они тут все чокнутые.

— Это еще мягко сказано, — поправила его Филиппа. — Они — убийцы, вот кто они такие.

Толпа расступилась, и из задней части храма садхаки вывели бледного от страха человека со связанными за спиной руками.

Дети ахнули. Человек, которого гуру Масамджхасара

приговорил к смерти, был не кто

иной, как мистер

Джалобин.

Глава 16
Кровь стынет

Мы должны что-то предпринять, — сказал Джон. — Нельзя, чтобы Джалобина укусила змея, даже одна, не то что девять. Тут ему никакая новая рука не поможет, он наверняка умрет.

— Может, ты забыл? — сказал Дыббакс. — Джинн-силы у нас нет.

— Но есть кое-что другое, — возразил Джон.

— Ты о чем? — удивился Дыббакс. — Что ты предлагаешь?

— Выход один — занять место Джалобина, — твердо сказал Джон. — У нас-то есть иммунитет к змеиному яду. Барон говорил, что на нас яд не действует.

— Хорошая идея, — поддержала Филиппа брата.

— Хорошая? — засомневался Дыббакс. — Послушайте, но есть же разница — одна кобра или девять. Вы не подумали, что нашего иммунитета может просто не хватить? А вдруг одна из этих кобр — джинн? Или, допустим, барон был неправ? Или просто приврал?

— Я так понял, что ты об иммунитете и без барона знаешь, — сказал Джон. — Когда барон говорил об этом, ты так уверенно кивал.

— Да я… просто щеки раздувал. Я знаю об этом не больше вашего.

— А зачем барону понадобилось врать? — спросила Филиппа. — По-моему, он очень славный.

— Он же чокнутый, — настаивал Дыббакс. — Только сумасшедший готов провести полжизни в обличье снежного человека. Но даже если он не врал, он все равно не объяснил, как действует наш иммунитет. А если он действует только в том случае, когда у нас есть джинн-сила? Тогда на холоде — а здесь жутко холодно — мы легко сдохнем от яда кобры. Шанс велик.

— Но у Джалобина шансов вообще нет, — парировал Джон. — И мы должны рискнуть.

— Джон прав! — Филиппа уже изрядно разозлилась на Дыббакса.

— Ну а дальше что? — упорствовал Дыббакс. — Предположим, змеи нас укусят, но мы не умрем. Как это воспримет гуру?

Джон нетерпеливо покачал головой.

— Мы не знаем всех ответов, Бакс. Правда не знаем. Но спорить нет времени. Кроме того, совершенно незачем идти всем

вместе. — Он передал Филиппе кожаный мешочек с Королевой-коброй. — Спрячьте амулет. И найдите другой выход из этого подземелья.

Поколебавшись, Филиппа согласилась с решением брата. Нет смысла в том, чтобы поймали их обоих. Да еще с амулетом.

— Будь осторожен, Джон, — сказала она напоследок, спустилась по бронзовому цилиндру и исчезла в туннеле. Дыббакс последовал за ней.

Джон поднялся на верхнюю ступеньку лестницы и, держась за гибкий раздвоенный змеиный язык, начал спускаться в пещерный храм.

— Подождите! — крикнул он стоявшему внизу гуру. — Остановитесь! Не трогайте его!

Люди зашумели. Чьи-то сильные руки цепко схватили Джона, поскольку он раскачивался на языке кобры прямо над головой гуру.

— Я слышал, что змеи отрыгивают съеденное, — произнес гуру. — Тебя съела бронзовая кобра?

Он опустил змей обратно в резервуар и, похихикивая, подошел вплотную к Джону.

— Надо же! — удивленно сказал он, взяв Джона за руку. — Я понятия не имел, что статуя полая. Хотя я тут хозяйничаю уже почти десять лет! Только вообрази! Послушай, а что ты там делал?

— Шпионил за вами, — ответил Джон и, перехватив взгляд Джалобина, ободряюще кивнул.

— А где твои маленькие друзья? — спросил гуру.

— В последний раз я их видел в спальне, — сказал Джон. — Оба спали.

Гуру терпеливо улыбнулся.

— Это неправда. Мы вас там уже искали, после того как схватили вашего отца. — Он еще раз взглянул на статую и прищурился. — Знаешь, а они ведь в змее. Наверняка.

Он отдал краткие указания своим охранникам, после чего двое садхаков быстро разделись и остались в одних набедренных повязках. Один вскарабкался другому на плечи, залез в рот статуи и скрылся.

— Скажи-ка, — гуру снова обратился к Джону, — зачем вы с отцом сюда прибыли? Что вам нужно в ашраме?

— Я же сказал. Мы за вами шпионим.

— Вы приехали специально? Или попали сюда случайно? — Гуру посмотрел сначала на Джона, а затем на Джалобина и, не получив ответа, резко заломил Джону руку за спину.

Услышав, что Джон вскрикнул от боли, Джалобин попытался

стряхнуть с себя двух охранников, но он еще не полностью освоился с новой рукой и не знал, что она обладает особой силой.

— Отпустите парня! — возмущенно крикнул Джалобин.

И тут Джона осенило.

— Мы приехали, чтобы доказать, что вы — мошенник — сказал он, решив, что надо подорвать репутацию гуру в глазах его последователей.

Джон вывернулся из запачканных кровью рук гуру и подбежал к резервуару со змеями. Было их там штук сорок или пятьдесят, и каждая несла в себе смерть. Но Джон не колебался. Он погрузил обе руки в шипящий клубок и вытащил большую черную кобру. Толпа глухо загудела. Все поразились бездумной храбрости Джона.

— Видите? — крикнул Джон. — Бояться-то нечего. Эти змеи безвредны. Вам просто морочат голову.

Гуру не пробовал остановить Джона, наоборот — вместе со всей паствой, собравшейся в подземном храме, он, как завороженный, ждал, чем кончится это безрассудство. На мгновение огромная кобра в руках Джона замерла, словно тоже поразилась его нахальству. Она вела себя совсем как ручная, просто уставилась на Джона двумя черными глазами-бусинками и то высовывала, то убирала язычок. Но в следующую секунду змея зашипела — звук получился громкий, как у закипающего полупустого чайника. А еще долю секунды спустя она вонзила клыки в запястье Джона — настолько глубоко, что принялась мотать головой, чтобы их вытащить. Следующий удар пришелся на грудь, чуть выше сердца. Толпа ахнула, поскольку укус крупной кобры в область сердца всегда смертелен, особенно для ребенка.

Самим укусам Джон нисколько не удивился он их ожидал, но не ожидал, что это так больно Точно не очень умелый, грубый доктор всадил ему сразу два болезненных укола. Джон дотронулся до груди, и его пальцы окрасились кровью. Извернувшись, змея укусила его в третий раз — теперь в руку, которая все еще крепко держала ее за толстое тело. Мальчик охнул и уронил змею обратно в резервуар.

Джон инстинктивно поднес руку ко рту, отсосал укус, сплюнул. Теперь он не сомневался, что эти змеи по-настоящему ядовиты. На губах его был яд, и они уже начали цепенеть. Неужели он совершил ужасную, непоправимую ошибку? Неужели Дыббакс был прав и устойчивость к змеиному яду, как и джинн-сила, зависит от температуры окружающего воздуха? Джон задрожал. Ему внезапно стало очень, очень холодно. Холодно и плохо.

— Больно, не правда ли? — Гуру Масамджхасара снова захихикал. — Укус змеи чувствителен даже без яда, а уж с ядом и подавно.

Джон ощущал, как на него волнами накатывает то жар, то холод. Кажется, его сейчас стошнит.

— Говорят, из всех змей самый болезненный укус у боа-констриктора, но боа при этом не ядовит. Так что все дело в яде. Особенно если речь идет о королевской кобре. В пересчете на единицу — допустим, на каплю — яда, королевскую кобру можно назвать менее ядовитой, чем обычная кобра. Беда в том, что королевская кобра обычно вводит целых семь миллилитров яда за один укус. Огромное количество. Хватит, чтобы убить слона. Или сорок двенадцатилетних мальчиков. — Он едва заметно улыбнулся и кивнул, словно одобрив собственные предположения. — Я верно определил ваш возраст, молодой человек? факт остается фактом: ваша дыхательная система должна скоро перестать функционировать. — Гуру подошел к Джону и, взяв его за запястье, начал считать пульс. Из чистого любопытства, а не из желания что-то предпринять. — Разумеется, здесь, в нашей клинике, имеется противоядие и система вентиляции легких. Однако я уже вижу, что тебе они совершенно не нужны.

Он взглянул вверх, так как в эту минуту во рту статуи показался садхак, толкавший перед собой Филиппу с Дыббаксом. Подоспевшие охранники быстро стащили их вниз.

Гуру снова повернулся к Джону:

— Это только ты такой особенный? Или у твоих друзей тоже иммунитет? И если так, то откуда он взялся? Почему тебя не убил первый же укус кобры?

— Нет у меня никакого иммунитета! — закричал Джон в зал, последователям гуру. — Эти змеи безвредны. А гуру ваш — мошенник. Слышите? Он — мошенник и обманщик.

Гуру терпеливо усмехнулся.

— Будь это так, — сказал он, — ты бы вряд ли бросился спасать отца. И это наводит меня на некоторые предположения. Вы трое совсем не похожи на отца, а отец на вас. Более того. Видимо, вы трое сильно отличаетесь от всех вокруг. Это так? — Он выпустил руку Джона и принялся тщательно осматривать его грудь, точно хотел удостовериться, есть ли там еще следы укуса. Увидев два кровоточащих прокола, гуру кивнул. — Удивительно. Весьма удивительно, молодой человек. Отчего это вы до сих пор живы?

Садхак, который лазил в статую и привел оттуда Филиппу и Дыббакса, вручил гуру кожаный мешочек с Королевой-коброй.

Джон с Филиппой переглянулись, и девочка печально отвела глаза.

Гуру Масамджхасара недоверчиво вертел в руках кожаный мешочек.

— Нет, — бормотал он. — Не может быть. Я, конечно, человек удачливый, спору нет, но это было бы слишком… И все же, если там то, о чем я мечтаю… все было не напрасно…

Дрожащими руками он открыл кожаный мешочек, вынул лежавший в нем предмет, нетерпеливо разорвал водонепроницаемую бумагу и, вскрикнув, с трепетом уставился на бесценный амулет.

— Я искал его долгих десять лет, — лепетал он. — И наконец нашел. — Тут он ошеломленно взглянул на детей. До него что-то дошло. — Значит, амулет все это время был здесь? Я целых десять лет считал, что он утрачен безвозвратно, а он был прямо у меня под носом?

Дети промолчали. Тогда гуру пребольно схватил Джона за ухо:

— Ну же, говори! Он был здесь?

— А-а-а! Да. Отпустите!

— Где он был? — не унимался гуру, продолжая выкручивать ухо Джона.

— Отпустите парня, наконец! — закричал Джалобин. — Не то врежу!

— В колодце. Мы нашли его в колодце. — Джон не видел большого смысла в том, чтобы это скрывать. Тем более что гуру по-прежнему сжимал его ухо. — Полковник Килликранки оставил секретное письмо на картине Ост-Индской компании, — сказал Джон. — Владельцем картины был нацистский рейхсмаршал Герман Геринг. Мы нашли картину, расшифровывали письмо и приехали сюда, чтобы найти амулет.

— Я же говорила! Надо было его сразу уничтожить! — воскликнула Филиппа.

— Уничтожить? Что ты такое говоришь, моя милая? Почему уничтожить?

— Хотя бы потому, что вы уже убили кучу людей, чтобы его заполучить. По-моему, это вполне достаточная причина.

— О, полагаю, что у вас были причины посерьезнее, — сказал гуру Масамджхасара. — За кого ты меня принимаешь, девчонка? За идиота? Я хотел, чтобы Королева-кобра дала мне власть над джинн. Над очень старым джинн по имени Ракшас. — Он неприятно усмехнулся. — Но теперь, когда я заполучил вас, он меня больше не интересует.

— Эй, вы о чем? — сказал Дыббакс.

— Не понимаешь? — Гуру наставил палец на Дыббакса, и мальчик даже успел заметить грязь под его ногтями. — Я, разумеется, не поленюсь осмотреть ваши зубы. Но будет быстрее, если вы признаетесь сами. — Он склонился над резервуаром со змеями, схватил кобру и поднес ее к самому лицу Джалобина. Змея тут же ударила, но гуру отдернул ее как раз вовремя, так что клыки змеи клацнули в нескольких сантиметрах от носа дворецкого.

Филиппа вскрикнула.

— В следующий раз я могу не успеть, — пригрозил гуру Масамджхасара. Кобра тем временем укусила его в руку, но он не обратил на нее ни малейшего внимания. — Признавайся, ты — джинн? — спросил он Джона. — Только джинн способен выжить и отвечать на мои вопросы после таких укусов.

— Ладно. Мы — джинн, — произнес Дыббакс.

— Все трое?

— Да, все трое. А отца не трогайте. Он — человек. И он умрет, если кобра его укусит.

Гуру захихикал и бросил змею назад в резервуар.

— Ага, значит, вы джинн? Ну-ка, продемонстрируйте. Превратите меня в крысу.

— Я бы с удовольствием, — сказал Дыббакс. — скормил бы вас этим змеям. Правда, вы такой грязный, что змеи наверняка сдохнут.

— Даруйте мне три желания, и я отпущу вас на все четыре стороны. — Гуру засмеялся. — Что, не можете? Я так и думал. У вас нет никакой джинн-силы, верно? Для вашей горячей джинн-крови тут слишком холодно.

— Ничего, вас еще превратят в скунса! — угрожающе сказала Филиппа. — Господин Ракшас доберется до вас и превратит в вонючего скунса.

Гуру Масамджхасара хлопнул в ладоши.

— Церемония окончена, — объявил он своим последователям. А потом, взглянув на Бхуттоте, добавил: — Ведите их. Я хочу показать нашим гостям нечто очень важное.

Покинув храм, они прошли через раздвижные стеклянные двери и очутились в помещении, похожем на научную лабораторию. Белоснежные стены, белоснежный потолок, белоснежный пол и сильный запах химикалий. Здесь было еще холоднее, чем в пещерном храме, но сразу за дверью стояла длинная вешалка со множеством дорогущих шуб. Гуру и без того был в шубе, а его охранники быстро разобрали здешний запас.

Дыббакс тоже потянулся за шубой, но его остановил сам гуру.

— Нет уж, — сказал он. — Оставайтесь-ка вы в нынешнем виде. Так сказать, полузамороженными. — Он указал на Джалобина и захихикал. — А этот, так и быть, пусть греется. Если он оденется, большой беды не будет.

Джалобин с благодарностью напялил шубу и поспешил за гуру, который повел их по длинному вполне современному коридору.

— Здесь постоянно поддерживается температура чуть ниже нуля. Эта секретнейшая медицинская лаборатория — самая важная часть ашрама. И вы сейчас поймете почему. — Он проследовал вперед, через целую череду раздвижных стеклянных дверей, отпирая их с помощью числового кода. — Уровень безопасности, естественно, очень высокий, — сказал он. — Естественно, поскольку я храню здесь великое сокровище. — Он торжествующе помахал амулетом, Королевой-коброй из Катманду. — Не менее, а может, даже более ценное, чем эта вещица.

Тут они вошли в совсем небольшую комнату, напоминавшую палату в шикарной больнице. Здесь было несколько пустых коек и куча медицинского оборудования. Один санитар в специальном утепленном стерильном костюме сидел за столом и следил одновременно за несколькими мониторами, другой поднимал на ручную тележку контейнер с жидким азотом.

— К счастью, мои последователи не скупятся на пожертвования. — Гуру опять захихикал. — Мы оплачиваем колоссальные счета за жидкий азот и сухой лед. Раз в неделю нам доставляют их вертолетом. Вообще сюда, на нашу скалу, не так-то легко доставить что бы то ни было. Так что за сверх-секретность мы платим немалую цену. Миллионы рупий, чтобы мы могли здесь жить и работать. Так что обвинять нас в небрежении к нашим почетным гостям никак нельзя.

Гуру отодвинул белую занавеску, за которой оказались еще две койки. На них лежали два человека в оранжевых пижамах. К их телам и головам вели трубочки и проводочки, так что вся жизнедеятельность их организмов отражалась на мониторах. Пациенты подземной больницы не то спали, не то были без сознания — дети не взялись бы сказать наверняка.

Филиппа ахнула. Джон сжал кулаки и скрипнул зубами. Дыббакс застонал.

— Вы их, разумеется, знаете, — сказал гуру Масамджхасара и улыбнулся Джалобину. — Думаю, что вы — дворецкий одного из моих гостей. — А потом, взглянув на детей, он добавил: — А двое из вас, видимо, его племянники, Джон и Филиппа. Ну, с девчонкой понятно, а кто из мальчишек, не скажу, но зато другой

дважды ускользнул от моих людей — в Палм-Спрингс и на острове Баннерманна.

Нимрод и господин Ракшас мирно лежали на кроватях, совершенно не сознавая, что происходит вокруг. Они оба заметно уменьшились с тех пор, как Джалобин и близнецы видели их в последний раз. Как-то скукожились, что ли… Уменьшились, похудели и постарели. Особенно Нимрод.

И тут близнецы увидели, как их дядя чуть шевельнулся и судорожно сглотнул — глубоко в своем замороженном сне. Филиппа чуть не расплакалась.

— А они… здоровы? — спросила она и вытерла слезу в уголке глаза.

— Зверюга! — воскликнул Джон. — Что ты с ними сделал?

— Не волнуйтесь, — сказал гуру. — Оба в полном порядке, уверяю вас. Недосмотр и небрежение исключены, поскольку они представляют собой слишком большую ценность. Нимрод требует поменьше внимания, поскольку он моложе и сильнее Ракшаса. Старик же, учитывая преклонный возраст, требует тщательнейшего ухода. — Гуру перевел взгляд с господина Ракшаса на Королеву-кобру, а потом обратно. — Даже трудно поверить, что Ракшас такой древний. Но именно после его рождения и возник наш культ.

— Вы свинья, — сказал Джалобин.

— Как это по-британски, мистер Джалобин. Думаю, я не ошибся и вас зовут именно так. О, меня не обманул цвет вашей кожи, сэр. Это вы с детьми остроумно придумали — превратиться в индийцев! — Гуру покачал головой. — Но если человек однорук, скрыть это довольно трудно. И когда вы сюда прибыли, у вас действительно была только одна рука, верно? Поскольку у меня как раз гостит Нимрод, внезапное появление человека с одной рукой — пусть даже индийца — не может быть простым совпадением.

— Свинья, — повторил Джалобин.

Гуру хихикнул.

— Знаете, что я вам скажу? Мне всегда ужасно хотелось это услышать, с самого детства. Чтобы какой-нибудь англичанин обозвал меня свиньей. Это сразу пробуждает во мне патриотические чувства. Я становлюсь истинным индийцем. Да, похоже, сегодня у меня день исполнения желаний. Главное же — в моем распоряжении Ракшас и амулет, который дает мне полную и неограниченную власть над этим стариком. Теперь я наконец могу разморозить его без риска. Но… пока воздержусь. Думаю, еще не время. Не теперь. Ситуация и так радикально изменилась.

— Не понимаю, — сказала Филиппа. — Вы сами говорите, что

потратили десять лет на поиски амулета. Чтобы его заполучить, вы даже пошли на убийство. И все для того, чтобы получить власть над господином Ракшасом. А теперь выходит, что вам это вовсе не нужно?

— Он стар. — Гуру пожал плечами — И джинн-сила у него уже не та. Конечно, за неимением лучшего, я был бы рад и его тщедушной джинн-силе. Но теперь для достижения моей цели у меня имеется кое-что получше. Вы. Все трое. Неожиданная премия за мои труды. Нелепо, правда? Я трачу годы, не говоря уже о нескольких миллионах долларов, чтобы заполучить живого джинн. И вдруг получаю пять! Пять сразу! Как пять автобусов, которые приходят сразу, когда ты уже отчаялся ждать на остановке.

— Так это вы пытались украсть наши зубы мудрости? — спросила Филиппа.

— Да. Мои люди. Еще несколько лет назад я разослал шпионов, которые должны были раздобыть у стоматологов истории болезни детей, у которых необычайно рано прорезались и были удалены зубы мудрости. Я рассчитывал их похитить. Сами видите, найти Королеву кобр я к этому моменту уже не надеялся. Я решил, что мое время и деньги будут потрачены с большей пользой, если я найду зубы джинн и сделаю новый амулет. Да, кстати. Мои люди. Что именно с ними случилось?

Джинниоры промолчали. Тогда гуру сказал:

— Детишки, советую вам со мной сотрудничать. Если вы, конечно, не хотите, чтобы я подыскал вашему другу, — он кивнул на Джалобина, — приятельницу в виварии. Кобру, например.

— Наша мама превратила ваших людей в две бутылки вина, — сказал Джон.

— Да ну? Интересный, неординарный ход. Одобряю.

— Наши зубы лежат дома, в Нью-Йорке, — сказала Филиппа. — Под защитой джинн-силы.

— Все верно, — подтвердил Джон. — Их никому не достать. Что вам еще от нас нужно?

— Ваши зубы мне не нужны, маленький джинн, — сказал гуру. — Уже не нужны. Теперь у меня есть вы сами. *И мне нужна ваша кровь*.

Взрослые джинн обладают огромной силой, и, чтобы они ею не воспользовались, приходится держать их глубоко замороженными, — объяснил гуру Масамджхасара. — Иначе никак. Ведь мой амулет защищает только меня лично. Он не сможет помешать джинн отсюда выбраться. Так что, заполучив этих двоих, я столкнулся с серьезной проблемой. И состоит она в том, что откачать кровь из джинн, подвергнутых глубокой

заморозке, невозможно. Абсолютно невозможно. Кровь по их сосудам течет слишком медленно. Или практически не течет вовсе. Как патока. Потому-то мне и нужна была Королева-кобра. Но отныне все будет проще. Похоже, юные джинн, такие, как вы, теряют силу при гораздо более высоких температурах, чем взрослые джинн вроде Нимрода и Ракшаса. Это означает, что вашу кровь можно откачать, когда вы еще находитесь в полном сознании. — Он усмехнулся. — Да ладно, не волнуйтесь. Всю не заберу. Так, по поллитра. И не каждый день.

— Для чего она может вам пригодиться? — вежливо уточнила Филиппа.

— Очень хороший вопрос, — сказал гуру. — Возможно, стоит поведать вам все с самого начала, чтобы вы поняли, как все это затеялось. — Он указал детям на три пустые койки. — Прошу, располагайтесь поудобнее, и я начну свой рассказ.

Но дети остались стоять.

— Да куда вы денетесь?! — Гуру подал знак своим прихвостням, и те без лишних слов повалили джинниоров на койки. Столь бесцеремонное обращение с детьми так возмутило Джалобина, что он рванулся было их защищать, но в живот ему тут же уперлось дуло пистолета.

— Заприте его, — сказал гуру, и Джалобина уволокли прочь.

Гуру понаблюдал, как извиваются джинниоры, пытаясь вырваться из железной хватки охранников, и уселся с надменной улыбкой между Джоном и Филиппой.

— Бежать нет никакого смысла. — Он рассеянно поковырял мизинцем в ухе, а потом вытер желто-коричневый комок ушной серы о волосы на собственной груди. — Вам же будет приятнее, если вы полежите неподвижно. Так на чем бишь я остановился?

— Какой вы самодовольный! — возмутился Дыббакс. — Самодовольный и отвратительный. И как только всем этим людям не противно принадлежать к культу, предводителем которого вы сами себя назначили.

— Тише, Дыббакс, — сказала Филиппа. — Я все-таки хочу послушать. Гуру собирался рассказать, с чего все началось.

— Бакс, — пробормотал Дыббакс сквозь зубы. — Я просто Бакс, договорились?

— Значит, это правда. — Гуру кивнул. — Женские джинн-особи умнее мужчин. Я давно задавался вопросом, так это или нет… Ну что ж, слушайте. Двенадцать лет назад я был доктором в Лондоне успешно практиковал на Харли-стрит. Наряду с Традиционной медициной я предлагал множество дополнительных и альтернативных видов лечения с помощью драгоценных камней, гомеопатии, силы мысли и передачи

энергии. Я был известным врачом и зарабатывал кучу денег. Один из видов альтернативной медицины привлек внимание супруги премьер-министра. Она стала моей пациенткой и всецело мне доверяла. В одно апрельское утро она позвонила мне в панике и попросила срочно осмотреть ее мужа. Я прибыл в резиденцию на Даунинг-стрит и обнаружил, что премьер-министр ведет себя крайне странно и говорит голосом девочки-подростка. Его собственные доктора единодушно сочли, что премьер-министр переутомился и такое состояние — форма нервного срыва после тяжелейшей предвыборной гонки. Они были готовы отправить его на лечение в психушку, но на полное восстановление не рассчитывали. Я же, осмотрев пациента, быстро пришел к выводу, что несчастный одержим. И вселился в него не демон, не злой дух, а джинн. Причем джинн женского пола, юная и проказливая. Вроде вас. — Он пожал плечами. — Я до сих пор не знаю, кем она была на самом деле. Понятно, что американка, понятно, что лет двенадцати-тринадцати. Полагаю, впрочем, что ваш дядя Нимрод — а именно его я тогда позвал на помощь — имел более ясное представление о том, что это было за существо. До этого мы с Нимродом никогда не встречались. Но он был Другом моего отца, факира Муругана.

История, которую рассказывал гуру, показалась Дыббаксу странно завораживающей. Он хотел слушать и слушать. В отличие от Джона.

— Ваш отец — это тот парень на картине? — спросил Джон. — Ну, на шесте, с кучей ножей в теле?

— Да. Для нас это — признак великой веры и большого мастерства йоги.

— Так он сам всадил в себя эти ножи? — удивился Джон. — Я-то думал, это родственники и соратники постарались.

Гуру лишь улыбнулся, проигнорировав оскорбление.

— Отец это сделал сам… Короче говоря, Нимрод подтвердил мой диагноз и согласился изгнать джинн из тела премьер-министра. Если начистоту, я не был уверен, что ваш дядя сможет помочь. Но он помог. О, Нимрод — могущественный джинн. Я бы даже сказал, всемогущий. Мне он внушал страх и трепет. Прошу заметить, я в то время не имел никакого представления о мощи джинн. Я знал лишь то немногое, что успел мне рассказать мой отец, факир. Все только с его слов. Но тут мне довелось увидеть весьма и весьма примечательные вещи своими глазами. Как из ничего, из воздуха, образуется вещество. Как кровать отрывается от пола и зависает в нескольких метрах над ним. Как голова премьер-министра поворачивается на плечах на триста шестьдесят градусов. И наконец Нимрод изгнал джинн. С тех пор

я преклоняюсь перед вашим дядюшкой и вообще перед всеми джинн на свете.

— Оно и видно, — пробурчал Джон — Очень мило с вашей стороны.

— Помолчи, Джон, — тихо проговорил Дыббакс. В горле у него был ком, в глазах стояли слезы.

— После этого я прочитал все до единой книги о джинн, которые имеются в библиотеке печально известного английского мага по имени Вирджил Макриби. Сначала я читал просто из интереса. А потом — чтобы разобраться, можно ли извлечь какую-то пользу из того, что оказалось в моем распоряжении после эпизода с премьер-министром. Дело в том, что перед тем, как вызвать Нимрода на Даунинг-стрит, я осматривал премьер-министра сам и взял у него кровь на анализ. У меня оставался полный шприц. После того как изгнание джинн было завершено, я задумался, найду ли я в его крови признаки происшедшего. Поскольку у меня та же группа крови, что у премьер-министра, я даже решился перелить себе немного его крови, взятой во время пребывания джинн в его теле. — Гуру пожал плечами. — И перелил. И знаете, что случилось? Ничего. Вообще ничего. Во всяком случае, я так поначалу думал. Однако спустя несколько дней после переливания мне пришлось возвратиться в Индию, потому что у меня неожиданно заболела мать. Вскоре она умерла, и я вместе с родственниками отправился собирать дрова для похоронного костра — в этой части мира умерших сжигают. В лесу меня несколько раз укусила кобра. Очень крупная. Больница была далеко, и я решил, что не выживу. Однако, несмотря на укусы, мне не стало особенно больно или плохо. Все это происходило при свидетелях, и односельчане моей матери, увидев, что укус кобры для меня — что укус комара, стали меня сторониться. Когда я спросил одного из деревенских старейшин, почему люди меня боятся, он сказал, что, возможно, я — джинн, поскольку именно у джинн есть иммунитет к любому змеиному яду. Так, по крайней мере, считается. Как вы понимаете, меня поразила такая моя устойчивость к яду змеи. И очень порадовала. Раздобыв противоядие — на случай, если мои предположения окажутся неверны, — я решил подвергнуть себя еще одному укусу. На сей раз меня укусил крайт, их в Индии довольно много, и яд их в шестнадцать раз сильнее, чем яд кобры. Со мной снова ничего не случилось, и я пришел к заключению, что этот иммунитет — несомненно результат переливания крови, в которой остались следы пребывания джинн. Тогда я задался другим вопросом: а что будет, если всю мою кровь заменить кровью джинн? Быть может, я и сам стану джинн? Смогу даровать

желания и жить не меньше двухсот лет? Это стало главной мечтой моей жизни, и вскоре я обнаружил, что для ее осуществления можно использовать мою новообретенную устойчивость к змеиному яду. Я и прежде слышал о древних культах кобры, в частности об Ааст Нааг и о потерянном амулете этого культа — Королеве кобре из Катманду. Я понял, что если найти амулет, я получу власть над Ракшасом и смогу перекачать себе его кровь. А ведь Ракшас, по замечательному совпадению, еще и друг Нимрода! Тогда я решил возродить культ. С одной лишь разницей: у нас стало девять кобр вместо восьми. Девять вообще всегда было моим счастливым числом. Я родился в девять утра девятого дня девятого месяца тысяча девятьсот пятьдесят девятого года в доме номер девять на улице Девяти вязов в Калькутте. И весил я ровно девять фунтов. Каждый, кто становится членом культа, жаждет обрести устойчивость к змеиному яду. И я обещаю своим последователям, что перекачаю им немного джинн-крови, а если ее хватит на всех — все мы когда-нибудь станем джинн.

— Свихнулся, — сказал Джон.

— Ну если только от предвкушения победы, юный джинн. — Гуру опять захихикал. — Поскольку благодаря вам мои планы осуществятся намного быстрее, чем я рассчитывал. Я на такую удачу и не надеялся. Мало того, что у меня есть Королева-кобра, Ракшас и Нимрод, у меня теперь есть трое здоровых молодых джинн, от которых я буду получать не меньше пяти литров крови в неделю. Я сам стану джинн в мгновение ока! А став джинн, я буду заманивать в ловушку все новых и новых джинн и откачивать их кровь. Это не составит большого труда.

Дыббакс попытался было разорвать ремни, которыми его привязали к больничной койке. Но без толку.

— Мы не дадимся, — процедил он.

— У вас нет выбора, — отозвался гуру. — Вы — мои пленники. Вы останетесь здесь и будете, как дойные коровки, давать мне красное молочко.

— Вампир, вот вы кто! — воскликнула Филиппа. — Мерзкий вы человек.

— С определенной точки зрения ты, разумеется, права, — согласился гуру. — Но не тревожьтесь. Вас будут хорошо кормить, о вас будут заботиться. Организм любого джинн устроен совершенно удивительно. Возможно, вы этого даже не знаете, но — в отличие от людей — джинн способны полностью восстанавливать потерянную кровь в течение нескольких дней. Намного быстрее любого человека.

Гуру Масамджхасара встал, натянул стерильные резиновые

перчатки — оказывается, иногда он все-таки обращал внимание на личную гигиену — и начал готовить оборудование для переливания крови. Джон и Филиппа в бессильной ярости наблюдали, как он закатал рукав на рубашке Дыббакса, протер спиртом кожу на его предплечье и ввел иглу в вену. Спустя несколько секунд кровь Дыббакса тихонько закапала в прикрепленный к койке пластиковый пакет.

— Ну вот. Ведь все не так плохо, верно? — сказа гуру. — В этом нет ничего страшного. Сдать кровь… ну как с бревна упасть.

— Вот тебе бы с него и упасть, — прорычал Дыббакс. — Или лучше чтобы это бревно трахнуло тебя по башке. Огромное бревно с острым концом.

Не обращая никакого внимания на проклятия Дыббакса, гуру перешел к койке Джона, повесил сбоку пакет для крови и быстро ввел иглу.

— Вы — психопат! — сказал Джон. — Вы хоть понимаете, что вы больны на всю голову? Если когда-нибудь отсюда выберусь, я… я спущу вас в сортир.

— Ты никогда отсюда не выберешься, — отрезал гуру. — Разве что через много-много лет. Вокруг нас стены в пять метров толщиной. И джинн-сила к вам в таком холоде никогда не вернется. И никто вам тут не поможет. Потому что никто добровольно не лишит себя возможности прожить двести лет да еще с джинн-силой. Быть джинн — все равно что счастливый лотерейный билет вытянуть. Причем навсегда.

— Сомневаюсь, — сказала Филиппа. — Во всяком случае, в этот раз билет оказался несчастливым.

— Опять в точку! — Гуру снова премерзко захихикал и всадил иглу девочке в вену. — У тебя неплохое чувство юмора.

Отступив на пару шагов, он восхищенно смотрел на дело своих рук: три полиэтиленовых пакета медленно наполнялись ценнейшей джинн-кровью Потом он стянул резиновые перчатки, сложил ладони в индийском приветствии и поклонился своим юным пленникам.

— Будьте счастливы в вашем новом доме, — произнес он. — Это место, где царят спокойствие и расслабление. Где живут, не прилагая усилий.

Где осознанно ничего не делают. Ибо вы свое

земное предназначение уже

выполнили.

Глава 17
Спонтанное самовозгорание

Трое джинниоров обедали в своей темнице под лабораторией гуру, бледные от холода и потери крови. Их колотил озноб. Будучи существами, сделанными из огня, джинн не переносят холода, и быстро восстанавливать потерянную кровь на холоде их организмы не способны. Для этого, как и для всего остального, им необходима жара. На самом деле дети медленно умирали, но ни они сами, ни гуру Масамджхасара этого еще не поняли. Гуру, конечно, обещал, что о детях будут хорошо заботиться, но он слишком торопился стать джинн и не замечал, что его драгоценные заключенные уже очень и очень больны.

— Опять бифштекс. — Дыббакс с жадностью проглотил кусок горячего мяса. — Мы хотя бы не голодаем.

— Ага, — отозвался Джон. — Это точно.

— Вы оба идиоты. — Филиппа отодвинула тарелку, обхватила себя руками и зябко поежилась. — Вы что, не понимаете, что нас кормят бифштексами не из любви, а потому что в красном мясе много железа. А железо необходимо для восстановления клеток крови.

— Но нам дают не только бифштексы, — сказал Дыббакс. — Еще чеснок, лук, брокколи, спаржу, авокадо и даже кокосы…

— Вот-вот. Все эти продукты богаты серой, — пояснила Филиппа. — Уровень серы в крови джинн очень высок. Ваш аппетит только помогает гуру осуществить его желания побыстрее.

— А ты хочешь, чтобы мы еще и голодом себя морили? — возмутился Дыббакс. — Кровь он у нас в любом случае откачает, так какая разница, есть в ней сера или нет? Хватит того, что нам все время холодно. Предлагаешь еще и голодать? Кстати, после еды я, пусть недолго, чувствую себя не таким замерзшим и уставшим.

— Эта усталость — от потери крови, — сказала Филиппа. — Каждый из нас сдал уже по литру, а прошло всего три дня. После следующей откачки ему уже хватит на полную замену своей мундусянской крови нашей джинн-кровью. Даже не представляю, что будет дальше.

Мальчики на мгновение притихли.

— А ты сама как думаешь, Фил? — спросил Джон. — Неужели он в самом деле может превратиться в джинн? Неужели дело только в крови?

— Не знаю, — отозвалась девочка. — Но похоже он действительно нащупал верный ход… раз устойчивость к яду кобры появилась уже после первого переливания…

— И как это мундусяне до этого раньше не додумались, — сказал Дыббакс. — В общем, это достаточно очевидно.

— Не забывай, что впервые перелить кровь — успешно перелить — люди смогли меньше ста лет назад, — сказала Филиппа. — А это всего лишь половина нормальной джинн-жизни.

— Кстати, интересно, нам-то сколько осталось? — Дыббакс вздохнул. — И сколько он нас туг продержит?

— Не очень долго, — сказала Филиппа.

— Почему ты так решила?

— По одной простой причине. Наши двойники, наши «вторые я», которых ангел Африэль сделал, чтобы они пожили у нас дома вместо нас, останутся там не навсегда, а только на одну вечность.

— И сколько длится эта ваша вечность? — спросил Дыббакс.

— Один миллион секунд, — сказал Джон. — Или одиннадцать дней тринадцать часов сорок шесть минут сорок секунд и еще что-то в периоде. Как только двойники исчезнут, мама поймет, что что-то не так, и отправится нас искать.

— Надеюсь, вы правы, — сказал Дыббакс. — Очень надеюсь. Но моя-то мама давно знает, что я исчез, ищет меня, а найти не может. Значит, это не так просто. — Он пожал плечами. — А здесь, в сердце каменной горы, тем более.

— Он прав, — сказал Джон Филиппе. — Мама может не найти нас в этом жутком месте. Надо как-то дать ей знать, где мы… — Он на мгновение замолчал. — Погодите-ка. Знаю! Нутряная джинн-почта! Может, удастся заставить Нимрода проглотить сообщение?

— Да, это ты здорово придумал, — обрадовалась Филиппа.

— Я слышал, что письма кладут в бутылки и бросают в море, — сказал Дыббакс, — но ваша идея… Бред какой-то. И вообще, Нимрод глубоко заморожен. Или вы забыли?

— Не забыли, — ответил Джон. — Но глотать он может. Я сам видел.

— У тебя есть идея получше? — спросила Филиппа.

— Откуда бы? — протянул Дыббакс.

— Тогда попробуем этот план, — сказал Джон и начал писать письмо. — И попробуем продержаться тут, пока не появится мама. Пусть даже несколько месяцев. Главное — как-то засунуть письмо для нее Нимроду в рот.

Это был неплохой план. В сущности, это был единственный

доступный для исполнения план. И он бы, конечно, сработал. Да вот беда: их мама жила теперь не в Нью-Йорке, а в Вавилоне или, точнее, в Иравотуме, тайном подземном мире Синей джинн Вавилона, которой стала отныне Лейла Гонт. Само пребывание в Иравотуме, сам воздух Иравотума с каждым днем делали ее сердце все жестче и равнодушнее, и она бы вряд ли бросилась спасать своих детей. Скорее всего, она отнеслась бы к полученному по нутряной джинн-почте посланию с полным безразличием. На самом деле у Джона и Филиппы Гонт уже не было матери, поскольку Синяя джинн Вавилона является высшим судией для всех джинн и, позабыв о естественных чувствах, живет одной лишь Логикой, которая не подчиняется естеству. Логика — госпожа жестокосердная и заботится исключительно о себе. Дети миссис Гонт об этом еще не знали. Они не знали, что той женщины, которая их растила, холила и лелеяла, их замечательной, очаровательной, любящей мамы больше нет, а их единственный теперь родитель, их отец, безутешный Эдвард Гонт, совсем забросил работу и сидит дома, нечесаный и небритый, смотрит на звезды и оплакивает потерю женщины, которая составляла весь смысл и интерес его жизни. «Вторые я» близнецов, Джон-2 и Филиппа-2, пробовали утешать мистера Гонта, но толку от них было немного. Даже настоящим близнецам вряд ли удалось бы достучаться до отца, который замкнулся в своем горе наглухо, как в бронированном черном лимузине.

Иногда незнание — это счастье. Иными словами, если бы дети, заточенные в темницу под розовым фортом гуру Масамджхасары, знали о том, что произошло с Лейлой Гонт, они лишились бы последней надежды и в сочетании с потерей крови это могло бы иметь роковые последствия для их пошатнувшегося здоровья.

Однако в мире нет ничего невозможного. Во всяком случае, в этом мире. Особенно когда ты джинн. Как сказал однажды один великий поэт: «Доступно все — лишь захотеть рискни». А потом добавил:

> Спасется только тот, кому
> не суждено пойти ко дну.

На следующий день после того, как Джон предложил воспользоваться нутряной джинн-почтой и послать через Нимрода письмо матери, детей в третий раз потащили в лабораторию, чтобы откачать из каждого еще пол-литра их драгоценной крови. На этот раз здесь дежурил Джаггернаут, облаченный, как и второй санитар, в специальный утепленный

костюм. Филиппа припомнила, как он рассказывал, что до прибытия в ашрам работал медбратом в больнице. Да, все теперь обрело свой истинный смысл…

Безмятежный криогенный сон Нимрода и господина Ракшаса все длился и длился. Зато гуру Масамджхасара был на этот раз взвинчен больше обычного и вскоре выложил причину своего возбуждения.

— Сегодня вам выпадет честь приветствовать меня в качестве соплеменника. Я стану таким же джинн как и вы сами, — заявил он. — Как только я выкачаю из вас новые порции крови, я добавлю к полученным ранее и смогу полностью заместить кровь, что течет в моих жилах сейчас.

— Нам выпадет честь? Еще чего выдумал! — возмутился Дыббакс. — В гробу я тебя поприветствую, в белых тапочках.

— Я ждал этого мгновения больше десяти лет, — сказал гуру. — И никому не испортить мой праздник. Даже тебе, мой юный джинн-друг.

— Вы хоть понимаете, что джинн отличаются от людей не только наличием джинн-силы? — обратилась Филиппа к гуру. Джаггернаут в это время наклонился к ней, ввел в вену иглу. И подмигнул. Сердце девочки бешено заколотилось.

— Продолжай говорить с гуру, — пробормотал Джаггернаут. — Долго и обстоятельно. Но слушай при этом меня, внимательно слушай.

Филиппа явственно слышала его голос, но губы его не двигались. Ах, ну да, он же рассказывал, что раньше баловался чревовещанием!

— Да, представьте, быть джинн — очень большая ответственность, — продолжала свою речь Филиппа, обращаясь к гуру. — Поэтому на джинн-силу поначалу накладываются определенные ограничения.

— Ребята, вы действительно джинны? — спросил Филиппу Джаггернаут. — Как в сказке про Аладдина? Три желания, волшебная лампа и тому подобное?

Филиппа кивнула, и Джаггернаут расплылся в улыбке.

— Классно, — сказал он. — Слушай, детка, я помогу вам сбежать. И вам троим, и папашке вашему, господину Гупте, или как его там зовут по-настоящему. Короче, который по канатам лазит. Но при одном условии.

— Если ты про зубы мудрости, Филиппа, так я их уже удалил, — сказал гуру. — Давно, когда учился в медицинском институте.

— Чтобы быть джинн, этого тоже недостаточно, — назидательно проговорила Филиппа.

— Условие такое, — чревовещал Джаггернаут. — Я помогаю вам выбраться, а вы исполняете три моих желания. Как только согреетесь на солнышке. Ладно? Три желания — как в «Тысяче и одной ночи». Договорились?

Филиппа кивнула.

— Договорились, — сказала она.

— Ты что-то сказал, Джаггернаут? — вскинулся гуру.

— Я только спросил девочку, хорошо ли вошла игла, сэр, — ответил Джаггернаут и, приладив к койке Филиппы пакет для сбора крови, перешел к Джону.

— Прости, Филиппа, — сказал гуру. — Я не расслышал. Что ты говорила?

— Только одно. Джинн-сила должна применяться грамотно и осознанно, — ответила Филиппа. — Это пучок энергии, и каждый джинн управляет им с помощью своего особого слова. Слово-фокус так и называют потому, что оно фокусирует энергию. Совсем как лупа, которая фокусирует солнечные лучи в одной-единственной точке на листе бумаги так, что лист в результате загорается Слово-фокус работает точно так же.

— Вот ты, Филиппа, меня всему и научишь, — обрадовался гуру Масамджхасара. Он улегся на больничную койку и, закатав рукав своей шубы из меха койота, подготовился к полному переливанию крови. — Да-да, отныне ты станешь моим гуру. — И он снова издал свой мерзкий смешок.

— Я — гуру? — удивилась Филиппа. — Ну уж нет, не стану я вас ничему учить.

— Понятненько. Ты предпочитаешь, чтобы у твоего дяди Нимрода во сне случайно отключилась нужная трубка? Или чтобы мистер Джалобин взял у меня урок полетов с крыши форта? Без самолетов-вертолетов? Нет уж, Филиппа, ты непременно станешь моим гуру и поведешь меня к великому прозрению, к совершенному истинному знанию. Я стану джинн и буду знать, как применять джинн-силу.

— Только истинное знание состоит не в том, *как*, а в том, *когда*, — твердо сказала Филиппа. — Надо знать, когда использовать джинн-силу. И когда лучше воздержаться.

— Поживем — увидим, — фыркнул гуру и замолчал, поскольку Джаггернаут уже собрал три свежих порции крови, достал все шесть предыдущих и начал готовиться к переливанию всей этой крови в тучное тело гуру.

Филиппа наблюдала за Джаггернаутом в надежде, что парень поймает ее взгляд и подаст какой-то знак. Как же, каким образом он собирается им помочь?

— Надеюсь, чужая кровь отравит ваш организм, — сказал

Джон, когда переливание наконец началось.

— Ты что, забыл? — сказал гуру. — Мы, джинн, устоим не только против змеиного яда, но и против любого чужеродного белка. Отравление нам не грозит.

Джон не стал с ним спорить. Он надеялся, что когда-нибудь гуру на собственной шкуре узнает, что у джинн нет иммунитета к яду пауков и скорпионов. И, что еще важнее, Джон надеялся оказаться в какой-то момент радом с Нимродом и засунуть ему в рот письмо для мамы.

— Простите, — сказал он кротко. — Я не желаю вам зла.

— Ничего страшного. Впредь думай, что говоришь.

— А могу я посмотреть на дядю? — все так же смиренно спросил Джон.

— Так ты его и с койки видишь. Вон же он, дрыхнет.

— Но я хотел бы подержать его за руку, — сказал Джон. — Просто удостовериться, что он все еще жив.

— Так ты ни в чем удостовериться не сможешь — отозвался гуру. — Рука у Нимрода холодна как льдышка. О том, что он жив, нам говорят только показания приборов на экране над его головой.

— Пожалуйста, — умоляюще сказал Джон. — Для меня это очень важно.

— Почему? Какой-нибудь трюк задумал? Все джинн такие изобретательные! — Гуру почесал себе задницу.

— Ну что вы? Никаких трюков. Да и что я могу сделать? У меня же никакой джинн-силы не осталось. И у него тоже. Ну пожалуйста!

— Однако ты наглец, юный джинн. Сам только что желал мне смерти, а теперь меня же просишь об одолжении. И не стыдно?

— Очень стыдно, — покаянно сказал Джон. — Но я извинился. И готов извиниться снова.

Гуру перестал чесать задницу и понюхал пальцы.

— Тогда я принимаю твои извинения. Можешь подержать его за руку. Но не раньше, чем мы закончим переливать кровь и по моим жилам побежит живительная джинн-сила. — Гуру захихикал, даже заквохтал, точно курица. — На самом деле это уже… уже происходит. Я чувствую себя потрясающе! Никогда не ощущал такой внутренней мощи, не испытывал такой благодати. По всему телу раскатывается тепло и радость. Неужели джинн так себя чувствуют всегда?

— Вполне возможно, — неопределенно ответил Джон. Потому что в жизни это было совсем не так. Обычно — по крайней мере, когда он не промерзал до мозга костей и не лишался половины собственной крови из-за какого-то

сумасшедшего — Джон вообще никак особенно себя не чувствовал. Как самый обычный, нормальный человек. Как все. И он добавил: — Да, наверно, вы правы.

Прошло уже больше часа, и, наконец, последняя порция джинн-крови была перелита в дряблую руку гуру. Процедура закончилась. Гуру Масамджхасара уселся, спустил ноги с койки и глубоко вздохнул, словно пробудился от долгого освежающего сна.

— Жуть как есть хочется! — Он отчаянно чесал голову и широко улыбался Джаггернауту. — Неси сюда еды! Нет, погоди. Сначала воды. У меня во рту пересохло.

— Как вы себя чувствуете, сэр? — спросил Джаггернаут, подавая гуру большой стакан воды.

— Как никогда! На миллион долларов.

— Ага, мятых и зеленых, — съязвил Дыббакс. — Красиво.

Полностью проигнорировав замечание Дыббакса, гуру добавил:

— Я чувствую себя по-новому. Совершенно по-новому. — Он почесал волосатую грудь и живот. — Внутри у меня все иначе. Словно в моей голове включилось что-то, какая-то кнопка, которая прежде была выключена.

Гуру залпом проглотил воду, взял у Джаггернаута градусник, засунул его кончик в рот и разрешил прослушать свое сердце через стетоскоп. Отдав другому санитару пустой стакан, он, не выпуская изо рта градусник, жестом попросил еще.

— Уж не знаю, почему у меня вдруг прорезалась такая жажда, но это факт. — Еле дождавшись, чтобы Джаггернаут вынул градусник, гуру жадно и торопливо проглотил еще целый стакан воды, часть которой пролилась на его длинную густую бороду. — Кстати, в Англии донорам, сдавшим кровь, обязательно наливают чашку чая. — Он засмеялся. — Чашку чая! Я всегда списывал это на причуды англичан. Но, как ни странно, я и сам бы сейчас не прочь выпить чайку. Чашку крепкого чая. Индийского, разумеется. — Он подал знак второму санитару, и тот бросился исполнять приказание.

— У вас довольно высокая температура, — сказал Джаггернаут. — Тридцать восемь и семь.

— Правда? — Гуру растерянно посмотрел на термометр, а потом взглянул на детей.

— Для человека это ненормальная температура. А для джинн?

Дети, которые прекрасно знали, что для джинн 38,7 как раз и есть норма, хранили молчание. Они испугались, что гуру и

вправду стал джинн. Наконец Филиппа, спохватившись, ответила:

— Нет, что вы! Это слишком много.

— Измерь-ка ей температуру, — велел гуру Джаггернауту. — Проверим, врет или нет.

Джаггернаут подошел к Филиппе с термометром.

— Я не собираюсь брать это в рот, — сказала она. — Сначала простерилизуйте его.

— Прости. — Джаггернаут тут же достал другой градусник и сунул его Филиппе под язык.

— Тридцать семь ровно, — сказал он спустя минуту. — Нормальная, в сущности.

Для любого мундусянина это была практически нормальная температура, но для джинн она была, конечно, крайне низкой. И Филиппа чувствовала себя отвратительно. Она прекрасно знала, в чем дело, знали об этом и мальчики, но все, не сговариваясь, решили промолчать, надеясь заронить смятение в душу гуру.

— Ваша температура должна быть ниже, — сказал Джаггернаут гуру Масамджхасаре. — Особенно учитывая, как здесь холодно.

— Допускаю, но чувствую-то я себя прекрасно. — Он сбросил с плеч шубу. — А ты уверен, что у нас не нарушена система охлаждения воздуха? Еще не хватало, чтобы кто-то из наших гостей вдруг согрелся и устроил нам тут веселую жизнь.

Тут вернулся второй санитар — с чаем. Гуру взял чашку и кивнул на какой-то сложный, вделанный в стену прибор:

— Проверьте-ка температуру в помещении.

Санитар подошел к прибору, даже постучал на случай по циферблату и пожал плечами: Температура в норме, ваша святость.

— Что это значит? — рассердился гуру. — Она не должна быть в норме! Здесь должна искусственно поддерживаться низкая температура!

— Не волнуйтесь, ваша святость, — сказал Джаггернаут. — Здесь жуткий холод. Все прекрасно, сэр.

— Кому холодно, а кому и нет, — заявил гуру. — Немедленно проверьте все приборы. Удостоверьтесь, что они работают должным образом. — Он встал, потянулся и подошел к койке Филиппы. — Что ж, гуру Филиппа. С чего начнем?

— Здесь слишком холодно, — ответила девочка. — Надо выбраться наружу, на солнце. Джинн немного похожи на ящериц. Силу им дает только тепло.

Гуру захихикал.

— Думаешь, я идиот? Если я дам тебе согреться, сам тотчас превращусь в кучку пепла. Нет, мы сделаем иначе. Ты дашь мне

несколько указаний практического свойства, а потом я сам пойду наверх и попробую ими воспользоваться. Хотя, если честно, я думаю, что у меня и здесь все получится. Я вообще не ощущаю холода. Как раз наоборот. Во мне бурлит ваша молодая кровь. Пузырится, как взболтанное шампанское. Я полон энергии. Изумительное ощущение.

— Ладно, — сказала Филиппа. — Вам надо придумать слово-фокус. Одно-единственное слово, которое вы будете использовать только для применения джинн-силы.

— Понял. Вроде мантры. Помолился — и готово.

— Нет. Все не так просто. Джинн сделаны из огня. И вы должны использовать слово-фокус, чтобы сосредоточить эту огненную силу, этот жар. Ну, я ведь уже объясняла. Слово-фокус — как лупа, концентрирующая жар солнца на листе бумаги. А тут жар не солнечный, а внутренний, он существует внутри джинн. Все ваши мысли и воля должны собраться в один пучок.

— Да, да, да, — перебил ее гуру. — Я все прекрасно понимаю. Ты описываешь то, с чем я вполне знаком благодаря трансцендентной медитации.

— Выбирайте слово подлиннее, — настаивала Филиппа. — Так, чтобы вы не могли произнести его случайно. Например, во сне. Но и забывать его нельзя.

Гуру задумался.

— Так, слово… Как пароль для компьютера… Понятно… Так, так… — Он немного помолчал. — Готово. Выбрал. Что дальше?

Филиппа попыталась повернуться на койке, но ремни не давали ей даже пошевелиться.

— Знаете, если немного ослабить эти ремни, мне было бы легче вам помогать и наблюдать за тем, что у вас получится.

— Может, и ослабим. Через минуту, — сказал гуру.

Филиппа вздохнула.

— Для начала попробуйте выбрать предмет и сделать так, чтобы он исчез, — продолжила она. — Или по крайней мере уменьшился в размерах.

— Чайную чашку, — предложил гуру и поставил чашку и блюдце на тумбочку возле койки Филиппы.

— Пожалуйста, можно и чашку. Только, если не сложно, отодвиньте ее от моей головы. Джинн-сила может быть поначалу немного непредсказуема. И взрывоопасна.

Гуру переставил чашку с блюдцем на тележку и начал сверлить ее взглядом.

— В своем воображении вы должны представить отсутствие чашки и блюдца как часть реальности, — сказала Филиппа, цитируя слова Нимрода. Именно это говорил он им с Джоном,

когда они только начинали пользоваться джинн-силой. — Отсутствие предмета — это некое допущение, и оно укладывается в рамки логики. Логика допускает любые возможности. Как только вы это представите, надо произнести слово-фокус. Вот на этом и сконцентрируйтесь.

— Ага, — сказал гуру, — значит, если я хочу заставить чашку исчезнуть, я просто должен ясно представить, что ее нет. А потом произнести свое слово. Так, что ли?

— Что можно представить, то можно сотворить, — провозгласила Филиппа.

Гуру улыбнулся.

— Начинаешь проповедовать не хуже меня.

— Точно, — сказал Дыббакс. — Сделал из нее идиотку.

— Не отвлекай, — велел гуру. — А то заморожу, как тех двоих.

Он кивнул на Нимрода с Ракшасом, которые по-прежнему лежали на койках в состоянии криогенного сна, точно мумии в древнем мавзолее. Вокруг них курился холодный туман, и можно было легко представить, что они недавно вывинтились из лампы или бутылки.

Нахмурившись, гуру предельно сосредоточился на чашке и блюдце. Прошла почти минута. И наконец он произнес слово. Детям показалось, что это просто сочетание звуков вроде:

— ФЕННИМОРВАКСПЛАМПЕРТОН. (Возможно, и существует слово, которое звучит как ФЕННИМОРВАКСПЛАМПЕРТОН, но ни в Оксфордском словаре английского языка, ни даже в Оксфордском словаре языков Индии такого слова нет.)

И тут — дети, конечно, не очень удивились, но сам гуру и его санитары просто обалдели — чашка и блюдце разбились вдребезги.

Гуру восхищенно рассмеялся. Казалось, он совершенно не осознавал, что страшно раскраснелся от предпринятых усилий, а весь пол в палате залит чаем. Гуру весь вспотел и выглядел словно только что пробежал марафон.

— Ну! Ты видел? — закричал он Джаггернауту, который совершенно потерял дар речи. — Ты это видел? У меня получилось! Чашка разбилась от действия джинн-силы.

— Для первого раза неплохо, — похвалила Филиппа. — Вам, безусловно, удалось воздействовать на молекулярную структуру чашки и блюдца. И все мы тому свидетели. Но мне кажется, что если вы хотите, чтобы предметы и вправду исчезали, надо составить более четкое представление о понятии «пустота». Пустота как таковая.

— Уф! Прямо как после трудной работы. — Гуру стер пот со

лба.

— Вначале это и вправду нелегко, — согласилась Филиппа. — Но тут как с физическими упражнениями — надо тренироваться. Сейчас мы тренируем ту часть вашего мозга, где сосредоточена джинн-сила. Джинн называют ее *нешамах*. Источник джинн-силы. Благородный огонь, который горит внутри нас, как пламя в масляной лампе. — Филиппа покачала головой. — Но я не знаю, есть ли у вас *нешамах*. Вы ведь все-таки не такой, как мы.

— Не так хорош? Ты это хочешь сказать? — вскипел гуру. — Ладно же, юная леди, я вам сейчас такой благородный огонь устрою, век будете помнить. — Он кивнул на свою шубу, которая валялась теперь на полу. — Смотрите на шубу!

Гуру и сам наклонился и вперил взгляд в собственную койотовую шубу. Его широко открытые глаза не мигали, а морщины легли поперек лба как борозды на свежевспаханном поле. Гуру ощутимо дрожал и раздувал ноздри, точно бык, который вот-вот бросится на плащ матадора. С кончика его носа с ушей и бороды капал пот, и туманные испарения от его жаркого тела висели в стылом воздухе точно мираж в пустыне.

— Ну погодите, сейчас увидите, как она исчезнет, — шептал он. — Прямо на ваших глазах.

Вид гуру, сосредоточившего всю свою волю и силы на злосчастной шубе, был ужасен. Прошла почти минута, и Филиппа поняла, что он настолько поглощен своей задачей, что уже перестал обращать внимание на то, что его окружает. Она поймала взгляд Джаггернаута, и им обоим стало ясно, что — если он и вправду хочет им помочь — лучшего времени для побега придумать трудно.

Может, Джаггернауту и удалось бы что-то сделать, но именно в этот момент шуба начала перемещаться по полу к его ногам.

— Что ж, впечатляет, — безмятежно заметил американец. — Настоящий теле…кинез. Или как это называется, когда вещи перемещаются одной лишь силой мысли.

И тут он инстинктивно отшатнулся, потому что шуба не просто продолжала двигаться, а угрожающе, по-волчьи зарычала, и это было по-настоящему страшно. Джаггернаут нервно усмехнулся и начал тесниться к двери в лабораторию, а шуба тем временем вздыбилась и обрела отчетливую форму. Собака! Нет — койот! К счастью, Джаггернаут оказался у двери вовремя. Благодаря этой мудрой предосторожности он смог увернуться от огромного свирепого койота, который налетел на него, громко рыча и клацая челюстями. Американец, а за ним и второй санитар тут же дали деру. Койот бросился за ними — к величайшему

облегчению детей, которые оставались лежать связанными.

Тем временем кожа гуру Масамджхасары приобретала странные оттенки: сначала он побагровел, потом полиловел, потом стал пепельно-серым и, наконец, совершенно, как уголь, черным. Уже одно это внушало тревогу, но дальше все стало намного хуже. Из его ушей, ноздрей и даже из-под грязных ногтей повалил дым. В следующее мгновение гуру открыл рот и — вместе с новыми клубами дыма — испустил чудовищный рев. Заодно он пнул ногой тележку, на которой лежала Королева-кобра и стоял кувшин в водой. Не разлейся эта вода, возможно, гуру мог бы вылить ее на себя и спастись, но… Пошатываясь, он побрел в дальний конец палаты и плюхнулся на стул между Нимродом и господином Ракшасом. Там он и остался, судорожно дергаясь и источая все новые клубы дыма, которые валили из-под его широкой задницы.

— Он сошел с ума! — вопил Дыббакс, стараясь, несмотря на ремни, повернуться так, чтобы получше разглядеть, что происходит с бьющимся в конвульсиях гуру.

— Не думаю, — сказал Джон. Не успел он договорить, как тело гуру окутало тонкое синее пламя, и он начал гореть, словно фитиль огромной свечи. — Похоже на спонтанное самовозгорание, я читал про это в одном журнале. Иногда люди так загораются, без всякой видимой причины.

Палату заполнила вонь паленой шерсти, и через пару секунд дети поняли, что так пахнет густая, грязная борода гуру, которую как раз объяло пламя. В ужасе, не смея отвести глаз, дети смотрели, как из горящей бороды вылетела большая навозная муха со слегка опаленными крылышками. Она шумно гудела, сожалея о своем убогом, но надежном пристанище.

— Что же тут спонтанного? — сказала Филиппа. — Сам он это и устроил. Зато выяснил, что джинн и вправду сделаны из огня. Что ж, поделом. А может, он просто слишком сильно сосредоточился на собственном *нешамах*. И добыл огонь в себе самом.

— Так или иначе, он труп, — сказал Дыббакс. — И будет горсткой пепла.

Поскольку гуру Масамджхасара не шевелился, а только потрескивал и плевался, точно раскаленный жир на сковородке, близнецам пришлось согласиться с Дыббаксом. Гуру был мертв.

Джон напрягся, пытаясь вывернуться из ремней. Но они были кожаные и затянуты накрепко.

— Ну, что будем делать? — спросил он.

— Остается надеяться, что Джаггернаут вернется и нас отвяжет, — сказала Филиппа.

Они подождали несколько минут и принялись звать на помощь.

Но все напрасно.

Синее пламя, охватившее тело гуру, сходилось над его головой в желтый трепещущий конус, а лицо, все еще отчетливо видное сквозь огонь, оставалось удивительно благостным и спокойным, будто он наконец достиг высшего знания. Так оно, в сущности, и было.

— Видно, придется полежать тут, погреться у костерка. — Дыббакс безжалостно рассмеялся, видя, что Филиппа старательно отворачивается от развернувшегося у них на глазах ужасного зрелища. А поскольку Дыббакс

был из тех, кто не преминет сделать безвкусное, пусть даже очевидное замечание, он добавил: — А ведь хорошо

горит, гад. В этом ему

не откажешь.

Глава 18
Спасение

Несколько долгих часов тело гуру Масамджхасары оставалось на стуле между Нимродом и господином Ракшасом и горело там медленным и ясным синим пламенем. Поскольку дети не могли сами расстегнуть ремни, которыми их привязали к койкам, большого выбора у них действительно не было — оставалось смотреть, как горит гуру, и ждать, чтобы Джаггернаут или какой-нибудь другой санитар выпустил их на волю. Но время шло, и стало ясно, что никто к ним особенно не спешит. Более того, они слышали в отдалении завывания койота. А раз эта зверюга еще на свободе, вряд ли кто-нибудь рискнет сейчас сунуться в лабораторию. Это могло бы повергнуть детей в глубокое уныние, но, по счастью, как раз в это время они обнаружили, что температура в палате постепенно повышается и Нимрод с Рикшасом, лежавшие совсем рядом с горящим телм, начинают оттаивать.

Под их койками образовались огромные лужи, и скоро весь пол лаборатории был залит водой, дети понимали, что старшие джинн скоро разморозятся и очнутся, но им ужасно хотелось поторопить события. Чтобы их друзья быстрее пришли в себя, они принялись кричать и шуметь, словно пребывания возле горящего трупа было недостаточно. Вскоре Нимрод и Ракшас начали дышать все заметнее, все глубже, и наконец Нимрод заскрежетал зубами, застонал, зевнул и открыл глаза.

— Нимрод! — окликнул его лежавший ближе всех Джон. — Как здорово! Ты проснулся!

Нимрод снова зевнул, поморгал, пытаясь убрать застившую глаза пелену, медленно сел и обхватил руками голову, явно мучаясь от нестерпимой боли.

— Закатай меня в бутылку! Как же отвратительно я себя чувствую! — произнес он. — Точно проспал сто лет. И где это я? И…

Тут он увидел рядом с собой горящего человека и мгновенно скатился с кровати.

— Что с ним случилось?

— Потом объясню, — сказал Джон. — Сначала расстегни эти ремни. Мы лежим тут привязанные уже целую вечность.

— Да, да, конечно, — сказал Нимрод, аккуратно обходя горящее тело гуру. — Прости, Джон, я вас и узнал-то не сразу, ни тебя, ни твою сестру. А это кто? Дыббакс? Верно, Дыббакс! Дети,

почему вы изменили цвет кожи с тех пор, как я видел вас в последний раз? Я принял вас за азиатов.

Джон подергал головой вправо-влево, как делают индийцы во время танца, и ответил на хинди:

— Если ты принял нас за жителей Индии, так мы и вправду местные. Пока.

Пока Нимрод отвязывал детей, они наперебой рассказывали ему всю историю — с самого начала и до того момента, когда гуру Масамджхасара загорелся прямо у них на глазах.

— Глупец, — вынес свой приговор Нимрод. — Я бы заранее сказал ему, чем это кончится. Но он ведь и не подумал спросить.

Нимрод подошел к господину Ракшасу, который никак не приходил в сознание. Видно, жизненных сил у старика было уже немного.

— Такая история случилась не впервые, — продолжал Нимрод. — Мундусяне и раньше пробовали вводить себе кровь джинн. Например, был в пятнадцатом веке такой польский рыцарь по имени Полоний Ворстий. Был да сплыл. Потом еще графиня Мезенская, в тысяча семьсот тридцать первом году. Оба, конечно, загорелись, как наш гуру. Именно эти две истории и породили идею о спонтанном самовозгорании. На самом деле это полная ерунда. Никто без причины не загорается. Они загорелись из-за несовместимости джинн-крови с теми бактериями, которые в огромном количестве присутствуют в человеческом организме. Дело в том, что при размножении бактерии происходит выброс тепловой энергии, возникает высокая температура. У мундусян бактерий намного больше, чем у джинн, — и на поверхности тела, и внутри. А несколько веков назад, когда люди мылись куда реже, чем теперь, бактерий на теле было еще больше. Бактерии делают человеческую кожу очень горючей. И кровь джинн действует на нее подобно спичке. Поджигает.

— Бактерии, говоришь? — подхватила Филиппа. — Ну, тогда наш гуру был обречен. Он был жутко грязный — и ноги, и ногти. У него на коже уж точно бактерий было видимо-невидимо.

— Не забудь про бороду, — сказал Джон. — Не борода, а замусоренное птичье гнездо.

— Ну вот все и выяснилось, — рассеянно пробормотал Нимрод. Его внимание привлек какой-то предмет. Он лежал под койкой господина Ракшаса и так радужно посверкивал, что Нимрод не утерпел и полез за ним. Это была Королева-кобра, которая укатилась под койку, когда гуру Масамджхасара пнул тележку.

Филиппа положила руку на плечо господина Ракшаса.

— Нимрод, а он скоро очнется? — встревоженно спросила

она. Девочка всерьез опасалась за жизнь своего мудрого друга с вечным тюрбаном на голове.

— Господин Ракшас стар. Очень стар. Глубокая заморозка в таком возрасте крайне вредна. Но, думаю, эта вещица придется тут весьма кстати. — Нимрод аккуратно протер Королеву-кобру и вложил бесценный амулет в тонкие костлявые пальцы господина Ракшаса. — Встреча с давно утраченными зубами мудрости должна ускорить его восстановление.

Не успел Нимрод договорить, как господин Ракшас открыл глаза.

— Безусловно, человек не вправе полагаться на свои глаза, если его подводит воображение, — произнес он, глядя на столпившихся у его койки встревоженных детей. — Но мне сдается, что эти трое *балбачче*[2] очень похожи на трех детишек, которые живут в Америке и которых я хорошо знаю.

— Это мы и есть, господин Ракшас, — сказала Филиппа. — Филиппа и Джон. И Дыббакс.

— Ты хочешь сказать, что вы — не *бхикхари*[3]? Это хорошо. Потому что у меня для вас никаких денег нет.

— Не волнуйтесь. Мы стали индийцами, чтобы не сильно отличаться от местных жителей.

— Это вы мудро замаскировались, — сказал господин Ракшас. — Даже леопард иногда скрывает свои пятна, чтобы остаться незамеченным. — Он искоса посмотрел на тлеющего гуру Масамджхасару. — Жаль, что этот господин так стремился на самое заметное место.

— А в итоге замаскировался под барбекю, — пощутил Дыббакс.

— Но что это? Что я держу в руках? — Господин Ракшас сел. Вздыхая, причитая и утирая слезы, рассматривал он Королеву-кобру. — Верно говорят: последний улов дня так же свеж, как первый.

— Кто бы еще понимал, что это значит, — пробормотал Дыббакс.

— Наконец я получил эту вещь, по прошествии стольких лет… — Господин Ракшас покачал головой и улыбнулся Дыббаксу. — Я уже не чаял. Это самое чудесное чудо.

— А благодарить за него надо этих детей, — сказал Нимрод. — Только сначала давайте-ка отсюда выберемся. Причем поскорее. — Он не сводил глаз с громадной трещины, которая возникла на почерневшем от копоти потолке над все еще горевшим телом гуру. — Что-то неуютно мне в этом помещении.

— Подождите, — сказал Джон. — Мы не можем уйти отсюда без мистера Джалобина. Они его тоже посадили под замок. Он

наверняка где-то здесь.

— Джалобина? — удивился Нимрод. — Он же ненавидит Индию. Что он тут делает?

— Нас охраняет, — едко ответил Дыббакс.

Нимрод усмехнулся, а потом произнес свое слово-фокус:

— ФЫВАПРОЛДЖЭ!

Но ничего не случилось.

— Бесполезно, — сказал он. — Я все еще наполовину заморожен. Надо выбираться по-мундусянски. Господин Ракшас, вы способны идти?

— Да. — Ракшас, кряхтя, спустил ноги с кровати. — Но старость — слишком высокая цена, жаль платить так много за мудрость и знания, — добавил он, пытаясь подняться на ноги. Близнецы поддерживали его с обеих сторон. Похрустывая каждым суставом, старик наконец выпрямился и проговорил: — Вот в такие-то минуты я и сожалею о том, что не умер молодым. Джон! Филиппа! Позвольте мне подержаться за вас еще немного. Один шажок, другой… Теперь для меня и такая ходьба — большой подарок!

Как только старшие джинн снова облачились в изъятую у них одежду, вся компания поспешно покинула лабораторию через раздвижные стеклянные двери. Они даже не оглянулись, когда горящий труп гуру свалился-таки наконец вместе со стулом на пол и огонь, подпитанный жиром, вытекшим из толстого тела гуру, принялся пожирать стул и труп с новой яростью.

Нимрод тревожился не напрасно: из-за жара, исходившего от горящего гуру, не только растаяли замороженные джинн, но и загорелось помещение, находившееся непосредственно над лабораторией. Теперь все подземелье было заполнено едким удушливым дымом.

— Как же мы найдем тут Джалобина? — сказал Дыббакс.

— Очень просто, — ответил Нимрод и громко позвал дворецкого.

Дети тоже принялись кричать, а потом, по сигналу Нимрода, все притихли и стали вслушиваться в тишину. Дыббакс, чей слух оказался самым острым, бросился в отходивший вбок коридор.

— Сюда! — уверенно крикнул он. — Я точно что-то слышал.

Прежде чем устремиться вслед за Дыббаксом, Нимрод захватил кислородную маску и баллончик из лабораторных запасов, поскольку знал, что, в отличие от пяти джинн, Джалобин наверняка задыхается в этом дыму.

— Сюда. — Дыббакс отодвинул защелку у какой-то двери, и они очутились в помещении, которое, видимо, служило

прачечной.

Дворецкий, пошатываясь, двинулся им навстречу.

— Слава Всевышнему! — кашляя и хрипя, проговорил он. — Воистину, слава Всевышнему. Я уже готовился стать копченым окороком. Или селедкой. Короче, блюдом с дымком. — Он снова закашлялся и кашлял не переставая, пока Нимрод не поднес к его лицу кислородную маску.

— Сэр? — Джалобин оторопел, наконец разглядев хозяина. — Живой! И господин Ракшас жив! Я и не чаял!

— Гуру похитил господина Ракшаса и меня прямо из гостиницы в Калькутте, — признался Нимрод. — Если б вы с детьми не пришли нам на помощь, мы, скорее всего, остались бы тут очень надолго.

— Где он? — спросил Джалобин. — Где этот безумный гуру?

— Увы, — сказал Нимрод. — Или не увы. Но он сгорел. И всех нас ждет та же судьба, если мы быстренько отсюда не выберемся.

Джалобин подхватил баллон с кислородом под свою новую руку и показал на уходивший дальше коридор.

— Думаю, выход там. Я слышал, как туда пробежала целая толпа. Примерно час назад.

— Джалобин, — сказал Нимрод. — Не могу не отметить, что у вас снова две руки.

— Да… ну… в общем, *defendit numerus*, — сказал Джалобин и подмигнул детям поверх кислородной маски. — Чем больше, тем надежнее, верно?

Они шли быстро — насколько позволяли силы господина Ракшаса — по задымленному коридору и, миновав несколько раздвижных дверей, наконец добрались до лифта. В отличие от подъемника, что висел над пропастью и доставлял гостей в ашрам, этот двигался не на ослиной, а на электрической тяге. Впрочем, он не работал. Дыббакс давил и давил на кнопку, но кабина все не шла. Тогда Дыббакс отправился искать поэтажный план, где был бы указан аварийный выход, но вдруг наткнулся в дыму на что-то пушистое. На полу лежал задыхающийся от дыма койот. Дыббакс взял его на руки.

— Нельзя бросать его здесь на верную смерть, — просто объяснил он. Поняв, что рядом друг, койот воспрянул духом и принялся с благодарностью облизывать лицо юного джинн. И куда только делась вся его прежняя свирепость?

— Если мы не откроем двери этой шахты… — пробормотал Нимрод. Он не договорил, но всем и так было понятно, что будет дальше. Даже джинн не могут долго дышать дымом. Да и запас кислорода в баллончике Джалобина должен был рано или поздно

подойти к концу.

— ФЫВАПРОЛДЖЭ! — громко и требовательно произнес Нимрод.

И опять без толку. Нимрод вопросительно взглянул на Ракшаса, и старый джинн покачал головой, точно подтверждая печальную правду, которую Нимрод и так уже инстинктивно знал: к старику джинн-сила пока тоже не вернулась.

— Джон? Филиппа? Дыббакс? — окликнул он. — А ваша джинн-сила восстановилась?

Все трое уныло вздохнули. Хотя коридор был полон дыма, в подземелье было еще очень холодно.

— Да какой от вас от всех прок? — возмутился Джалобин и передал Нимроду кислородный баллон, к которому по-прежнему вела трубочка от его маски. — Подержите-ка, а я займусь этой дверью. С тех пор как дети подарили мне новую руку, меня не покидает странное ощущение. По-моему, я стал необычайно сильным. Когда меня скрутили прихвостни гуру, я был уверен, что легко могу поднять их обоих и хорошенько стукнуть лбами, так чтоб искры из глаз посыпались.

— Это наша работа, — гордо сказал Дыббакс. — Мы сделали вашу новую руку сильнее, чем у нормального человека. Кстати, а почему вы, собственно, не стукнули лбами этих ребят?

— Потому что один из них наставил на меня пистолет, — сказал Джалобин. — Ты еще юнец и не понимаешь, что никаким, даже могучим рукам с оружием не совладать. Я же не пуленепробиваемый.

Джалобин просунул пальцы в щель между дверями лифта и начал раздвигать их со всей своей недюжинной силы — ну точь-в-точь Самсон в храме филистимлян.

Скрип металла, похожий на скрежет натянутой до отказа якорной цепи, разносился по задымленному подземному пространству. Несколько мгновений двери лифта сопротивлялись богатырскому натиску Джалобина, а потом внезапно уступили и, уже изрядно погнутые, раскрылись, точно створки картонной коробки.

Близнецов совершенно заворожила невиданная сила, которой они сами же наделили дворецкого. Поэтому они не сразу заметили, что лифтовой кабины за дверями нет. Там была одна только шахта.

— Зря старался, — простонал Джалобин.

Но, по счастью, на стене шахты имелась металлическая лестница, по которой рабочие, видимо, лазили ремонтировать лифт. Дым уже потянуло вверх, а значит, там — свежий воздух, свобода и солнечный свет, а, главное, тепло, что для

обессилевших джинн важнее всего на свете.

— Можно подняться по этой лестнице, сэр, — сказал Джалобин Нимроду, по-прежнему стоявшему возле него с баллоном кислорода в руках — Теперь мне это больше не нужно, сэр. — Он сорвал с лица кислородную маску и проворно полез вверх. — Лучше мне идти первым. На случай, если там кому-нибудь надо съездить по физиономии. — В душе Джалобин надеялся найти на вершине скалы кого-нибудь из садхаков или санитаров и хорошенько проучить их за то, что эти трусы сбежали, испугавшись пожара, и бросили его с джинн на верную погибель.

— Да, спасибо за предусмотрительность, Джалобин, — сказал Нимрод вслед дворецкому. Проводив его взглядом, он посмотрел на детей, скорчил мину и жалобно вздохнул. — Он будет козырять этой историей до конца своих дней. Только представьте! Один мундусянин спас жизни пяти джинн.

— Ну, сначала-то мы его спасли, — уточнил Дыббакс.

— Это верно, — согласился Нимрод. — Кстати, боюсь, койота придется оставить здесь. Без рук по такой лестнице не влезешь.

— А кто сказал, что его непременно надо таскать на руках? — возразил Дыббакс и накинул койота на плечи, точно шубу. — Вот так мы и полезем. Он же к этому привык. Еще вчера он и сам был шубой. Верно, приятель?

Лизнув мальчика в щеку, койот уютно обвился вокруг его шеи, и они полезли вверх вслед за Филиппой и Джоном.

Нимрод с тревогой взглянул на друга.

— Вы сможете подняться, господин Ракшас? По такой лестнице?

Старый джинн посмотрел вверх и кивнул.

— Кажется, сейчас это единственный способ продлить себе жизнь, — сказал он. — Но вы полезайте вперед, Нимрод. Я буду двигаться медленно и не хочу быть вам в тягость.

Нимрод взялся за прутья и поставил ногу на нижнюю перекладину.

— Хотите, я пока возьму Королеву-кобру? — спросил Нимрод у своего старинного друга. — Амулет тяжелый, без него вам будет легче подниматься.

— Нет, спасибо, — сказал господин Ракшас и засунул амулет под тюрбан. — С этой вещицей я теперь никогда не расстанусь.

Застрявшая на самом верху кабина лифта полностью перекрывала выход из шахты, но, к счастью для пяти джинн, одного человека и одного койота, этажом ниже оказался еще один выход. Джалобин перелез с лестницы на небольшой карниз и

попробовал применить свою сверхъестественную силу и к этим дверям. Однако тут задача оказалась посложнее: Джалобину приходилось действовать со всей осторожностью, чтобы не оступиться и не потерять равновесия, поскольку падение в шахту означало заведомую гибель. Но в конце концов он преуспел и выбрался в небольшой коридор под самым святилищем. Коридорчик вел в какую-то каморку — видимо, охранный пост возле выхода на улицу. Стоявший на столе телемонитор исправно показывал заполненные дымом подземные лаборатории. Охранники наверняка видели и самовозгорание гуру, и пробуждение двух взрослых джинн. Джалобин понял, что все члены ашрама попросту разбежались, опасаясь гнева разъяренных пленников.

Он прошел через весь розовый форт к башне с подъемным устройством. Осел мирно жевал овес. От перерезанной веревки остался один огрызок, корзины нигде не было видно. На миг Джалобин испугался, что им не выбраться со скалы, но тут же вспомнил, что его хозяин как-никак могучий джинн и, согревшись на горячем индийском солнце, он легко соорудит смерч, который быстро перенесет их всех обратно в Лондон.

Поигрывая бицепсами, Джалобин вернулся к святилищу и лифтовой шахте, из которой как раз вылезал господин Ракшас. Вскоре все выбрались на улицу, под благодатное палящее солнце. Нетерпеливо потирая руки — привычка, которой он был лишен столько лет, — Джалобин сказал:

— Что ж, сэр. Теперь домой? В Лондон?

— Не сразу, — отозвался Нимрод. — Мы должны сделать небольшой крюк и попасть в Калькутту. Там в гостинице остался термос с двумя довольно опасными джинн.

— Конечно, — воскликнул господин Ракшас. — Тигры-близнецы из Сундербанса. Я о них и позабыл. Да, вы совершенно правы, Нимрод. Оставлять их там негоже.

— Тигры? — Джалобин нервно сглотнул и побледнел. — Вы сказали «тигры»?

Страх Джалобина перед тиграми был отнюдь не беспочвенным, поскольку именно тигр когда-то отгрыз и сожрал его левую руку. За тиграми такое водится.

— Не волнуйтесь, Джалобин, — сказал Нимрод. — Я уверен, что вам не о чем беспокоиться. Но давайте-ка для начала проверим, как там поживает наш термос. — Он снял телефонную трубку на столе охранника и вызвал «Гранд-отель» в Калькутте. Уладив проблему с неоплаченным счетом за гостиничный номер, Нимрод справился о термосе. Вскоре стало ясно, что в их номере ничего не было найдено. Сейф оказался пуст.

— Похоже, мы опоздали, — сказал Нимрод — Кто-то украл наших тигров-близнецов. — Он потягивался и нежился на солнышке, точно кот, чувствуя, как в каждую клетку его тела возвращается джинн-сила. По счастливым улыбкам детей и господина Ракшаса было понятно, что они тоже постепенно обретают утраченную джинн-силу. Не радовался только Джалобин.

Зато он нежно поглаживал свою новую руку.

— Послушайте, сэр, — сказал он. — Если вы не против, я предпочитаю не ехать в Калькутту. Я не жажду охотиться на тигров. Мне очень не хочется снова потерять руку. Потерять одну руку в пасти тигра — большое несчастье, но потерять две — это не что иное, как обыкновенная небрежность, которой я, как известно, не страдаю.

— Нам теперь тоже нет смысла туда ехать, Джалобин, — ответил Нимрод. — Думаю, тот, кто украл термос, уже давно покинул Калькутту. — Он засмеялся. — Жаль только, я не увижу лицо этого воришки в тот момент, когда он откроет термос. Если он не примет надлежащих мер предосторожности, его может ждать весьма неприятный сюрприз. Я прав, господин Ракшас?

— За любым преступлением следует наказание, это чистая правда, — отозвался старый Ракшас. — Но существуют такие преступления, и их весьма немного, в которых наказание заложено заранее. Таким было преступление гуру Масамджхасары. И вор, укравший термос, совершил такое же. Какому вору охота, чтобы его поймали?

Этого же не просто поймают, а еще

и съедят. Так что он будет

наказан вдвойне.

Глава 19
Покупатель, будь бдителен!

Три желания, выходящие за пределы обычной человеческой жадности. Мундусянин Олиджинус, раб предводителя ифритцев Иблиса, повторял про себя эти слова на все лады. Он бы и руки потирал в предвкушении награды, не будь они заняты термосом, который он выкрал из сейфа в гостиничном номере Нимрода в Калькутте. Так или иначе, три желания ему обеспечены! Иблис будет доволен, когда Олиджинус вручит ему термос, в котором заточены близнецы.

— Три желания, выходящие за пределы обычной человеческой жадности.

Ну, во-первых, он пожелает миллиард долларов. Или два. Два миллиарда все-таки лучше, чем один.

Олиджинус только что прибыл в Лас-Вегас из Нью-Йорка, куда он направился прямиком после возвращения из Калькутты, просто чтобы проверить, за какими такими близнецами до сих пор следят люди Иблиса в доме Гонтов на Восточной Семьдесят седьмой улице. Как и подозревал Олиджинус, они оказались не настоящими близнецами, а их двойниками. Отличить «второе я» от первого достаточно несложно — при условии, что ты готов действовать решительно и безжалостно. У двойника нет души, и это означает, что его нельзя убить. Поэтому Олиджинус, чтобы доказать, что он прав, а нью-йоркские эмиссары Иблиса заблуждаются, просто-напросто угнал желтое такси и сбил этих поддельных детей на перекрестке.

Несчастный случай на Мэдисон-авеню выглядел настолько правдоподобно, что одна из оказавшихся на тротуаре свидетельниц брякнулась в обморок. На переднем буфере, там, где тела двойников соприкоснулись с такси, даже осталась вмятина. Тем не менее тел как таковых под колесами не было, они бесследно исчезли, и Олиджинус обнаружил там лишь красноватую, похожую на клубничный джем массу. Зато, подъехав к дому Гонтов на Восточной Семьдесят седьмой улице несколько минут спустя, Олиджинус увидел обоих двойников в окне третьего этажа. Впрочем, он ничуть не удивился, а только обрадовался: значит, настоящие близнецы, без сомнения, находятся в термосе.

Олидэкинус добрался до отеля «Крез» и, не обращая внимания на сотни игроков, которые в этот ранний час уже облепили игральные автоматы в надежде на хороший куш,

прошел прямо к лифту направился наверх, в пентхаус, репетируя сочи венную им историю о том, как он настиг Джона и Филиппу в Индии и использовал замечательное джинн-заклятие, которое дал ему в дорогу Иблис, чтобы заточить детей в первую попавшуюся под руку емкость.

За это время в огромном пентхаусе мало что изменилось. Из окон открывался все тот же вид на блистательный Лас-Вегас. На Иблисе была все та же черная шелковая пижама — в ней Олиджинус и видел его в последний раз. Лишь борода и ногти Иблиса заметно отросли, да крысы стали еще более жирными и мерзкими. Они яростно завизжали, когда Олиджинус вошел в спальню хозяина.

— Ба, ба, ба! — лениво произнес Иблис. — Кто бы это мог быть? Что за человеческое отродье? Уж не Олиджинус ли собственной персоной? Что ж, судя по блаженному выражению на твоем жалком лице, ты либо окончательно смирился с собственным уродством, либо припас для меня хорошие новости. Будем надеяться на второе, для твоего же блага.

Олиджинус опасливо улыбнулся, старательно игнорируя бурчание и спазмы в собственном животе. Очутившись рядом с Иблисом и его любимыми крысами, он всегда так нервничал, что хотел побежать в туалет и воспользоваться унитазом по полной программе. С этим Иблисом никогда не знаешь, чем дело кончится, даже если ты и вправду принес ему добрые вести.

— Я раздобыл их, сэр, — торжествующе объявил он и поднял вверх свой трофей, термос с заветной надписью «джинн-близнецы». — Они здесь, сэр.

— Олиджинус, не мели ерунды, — возразил Иблис. — Близнецы в Нью-Йорке. Мои люди следят за ними двадцать четыре часа в сутки.

— Нет, сэр. В Нью-Йорке живут их двойники. Я это подозревал, но чтобы окончательно удостовериться, специально украл такси и задавил их обоих на полной скорости. В лепешку. — Он пожал плечами. — А несколько минут спустя близнецы были дома, живехонькие. Скакали и веселились, словно ничего не случилось. Я сам видел.

— Занятно излагаешь, — недоверчиво сказал Иблис. — Так ты, значит, использовал джинн-заклятие, которому я тебя обучил?

— Да, сэр, — солгал Олиджинус.

Иблис осклабился. И эта медленная, жестокая улыбка была еще страшнее его обычного угрюмства.

— Олиджинус, — произнес он, — ты почти убедил меня, что для твоего бессмысленного и никчемного существования есть высшее предназначение. Давай сюда свой термос.

Иблис повелительно махнул рукой. Олиджинус приблизился к кровати, но как только он склонился перед хозяином, чтобы вручить ему флягу, одна из крыс, та, что любила Иблиса больше всех других, вдруг приревновала и набросилась на Олиджинуса, норовя вонзить зубы ему в шею. Тот невольно отпрянул и выпустил термос из рук.

— Нет! — взревел Иблис неестественно громким голосом, и из его тела вырвалось пламя испепелив на своем пути всех крыс до единой. Стена огня остановилась всего в нескольких сантиметрах от Олиджинуса. Крыса, которая одной миллисекундой ранее метила ему в шею, с унылым глухим стуком, точно обугленная черствая булка, грохнулась об пол. В ту же самую миллисекунду Иблис стряхнул с себя еще дымящихся крыс, вскочил и подхватил термос, выпавший из рук Олиджинуса.

— Со спортом ты явно не в ладах, Олиджинус, — заметил Иблис.

— Простите, сэр, — покаянно сказал Олиджинус. — Но эта крыса! Она хотела меня сожрать.

— Что ж, о вкусах не спорят, — сказал Иблис, не сводя глаз с термоса. Он прошел по мраморному полу в другой конец комнаты и поместил термос под чувствительную линзу стоявшего на баре устройства для считывания инфракрасных изображений. Покрутив настройки видоискателя, он увидел две неясные темно-красные фигуры, которые метались вверх-вниз по стеклянной колбе внутри термоса.

Иблис издал низкий сладострастный стон.

— Счастье, — пробормотал он. — Радость, удовольствие, блаженство, благодать, экстаз, эйфорию испытываю я от одной лишь мысли… — Он ласково, почти нежно погладил термос и добавил: — Отважный, стойкий сосуд! Подумать только, каких ужасных детей ты отважился принять в свое чрево!

Затем, оторвавшись от видоискателя, он снова наставил сверлящий взгляд на Олиджинуса.

— Ты неплохо поработал, — сказал Иблис, и в голосе его слышалось удивление. — Для мундусянина очень даже неплохо. Вообще-то я обыкновенно не держу обещаний, которые даю представителям низших форм жизни, таким, как ты, Олиджинус. Но и радость такая случается нечасто! Теперь я могу вдоволь поизмываться, покуражиться над этими мерзкими, гадкими, ужасными тварями, которых я так ненавижу и презираю. Так что я щедр сегодня, Олиджинус. Говори, чего ты хочешь в награду. Желаешь улучшить свой интеллект? Или только потребуешь непристойную сумму денег?

Под немигающим взглядом хозяина Олиджинус неловко

переминался с ноги на ногу.

— Вы ведь упоминали три желания, сэр? — произнес он. — Вот ваши точные слова, сэр: «Три желания, выходящие за пределы обычной, то есть беспредельной, человеческой жадности».

— Да, думаю, ты прав, — кивнул Иблис. — Так, значит, ты решил попросить денег, верно? Что ж, я ничуть не удивлен. Спросишь почему? Да я устал удивляться! Раньше меня всегда потрясало, что мундусяне, заработавшие три желания, не просят джинн дать им побольше ума. Или харизмы. И то и другое намного полезнее, чем деньги. Деньги — ничто, Олиджинус. Деньги вообще ничто. Уж поверь. Это просто числа и бумажки.

— Деньги — это мое первое, но не единственное желание, сэр, — сказал Олиджинус.

— Начинай, не тяни! Излагай свое первое желание. — Иблис поглядел на часы. Он терпеть не мог выполнять мундусянские желания. Неописуемая скука.

— Я хочу стать смертельно богатым, сэр.

Остроумец Иблис тут же стал прикидывать, как бы довести Олиджинуса до смерти, скинув ему на голову пачки денег. Но потом передумал, причем исключительно из эгоистических соображений. Олиджинус может ему еще понадобиться.

— Уточни сколько, — терпеливо потребовал он. — На всякий случай было бы неплохо знать, какую сумму ты имел в виду.

— Я хочу пять миллиардов, — сказал Олиджинус.

Иблис немного подождал — вдруг Олиджинус назовет не доллары, а какую-нибудь другую валюту, но тот молчал, и джинн, щелкнув пальцами в воздухе, произнес:

— Готово. Пять миллиардов долларов.

В руке у него, откуда ни возьмись, оказался листок, который он вручил растерявшемуся слуге.

— Это подтверждение из офшорного банка на Ямайке, где на твое имя положена сумма в пять миллиардов долларов.

Иблис умолчал только об одном: доллары были ямайские, а они намного дешевле долларов США. На самом деле ямайский доллар стоит почти в семьдесят раз меньше американского, а это означало, что пять миллиардов долларов бедняги Олиджинуса стоили всего 74 миллиона долларов США, так что по американским стандартам миллиардером Олиджинуса назвать будет трудно. Иметь пять миллиардов ямайских долларов, конечно, тоже неплохо, но… Разумеется, Иблис мог с такой же легкостью подарить ему американские доллары, но — не смог отказать себе в удовольствии. Обманул. Уж очень он любил дурить и обманывать глупых людишек. Собственно, поэтому ифритцы и держат казино: их хлебом не корми — дай кого-

нибудь обдурить.

— Спасибо, сэр, — сказал Олиджинус, изучая сумму, выведенную на банковском документе.

— Ну, а твое второе желание?

— Я хотел бы стать более притягательным, сэр.

— Ты и вправду испытываешь мое терпение, Олиджинус! Ты сам-то понимаешь, что говоришь? — Иблис тяжело, страдальчески вздохнул. Он представил, как превратит Олиджинуса в магнит, который будет притягивать разные металлические предметы, и как в этого идиота изо всех углов, точно пули, полетят куски металла. Но джинн сжалился и на сей раз. — Формулируй свои желания повнятнее. И поосторожнее. Иначе я не отвечаю за результат. Так что будем притягивать? Железки? Ты хочешь быть магнитом?

— Нет, сэр. Я хочу притягивать женщин.

— Тогда так и скажи.

— Я бы хотел быть более притягательным для женщин, сэр.

Иблис снова щелкнул пальцами в воздухе.

— Готово, — сказал он.

Олиджинус повернулся к висевшему на стене зеркалу.

— Но я выгляжу точно так же, — разочарованно протянул он.

— Поверь, — сказал Иблис, — женщины слетятся на твои пять миллиардов долларов, как мухи на мед. Ну а какое третье желание?

Олиджинус нахмурился, заподозрив обман, но с таким, как Иблис, разве поспоришь? Кстати, хозяину вся эта процедура с желаниями явно наскучила — не важно, какими успехами заслужил их его слуга.

— Я хотел бы иметь талант, сэр, — произнес Олиджинус. — Хоть какие-нибудь достоинства.

— Браво, — сказал Иблис. — Ты удивляешь меня, Олиджинус. Талант! Поскольку у тебя самого ни талантов, ни достоинств нет, выбор из бесконечного списка может затянуться. Однако я должен спешить. У меня назначена встреча с этими детьми и бутылкой серной кислоты.

— Зачем кислота?

— Чтобы капать в термос, разумеется. — Иблис улыбнулся. — По одной капле… Итак, талант. Каким талантом ты желаешь обладать? Хочешь быть душой компании? Ну, для тебя это слишком. Талант творить зло? Это у тебя, похоже, и так имеется. Талант поддерживать беседу? Мне бы, пожалуй, понравилось такое качество в мундусянине.

— Мне бы хотелось стать по-настоящему блестящим пианистом, сэр, — сказал Олиджинус. — Я всегда хотел играть на

фортепьяно.

— Превосходный выбор. Это талант, который в моих глазах действительно имеет ценность. Кстати, тебе повезло. Пожелай ты играть на гитаре, я бы убил тебя на месте, поскольку терпеть не могу тренькающих на гитаре балбесов. Я уже устроил крушения множеству самолетов, только потому что в списке пассажиров значились эти чахлые юнцы с гитарой наперевес.

Иблис щелкнул пальцами в третий раз. В углу комнаты появился огромный концертный рояль. Джинн жестом пригласил Олиджинуса сесть за инструмент.

— Что прикажете играть, сэр?

— Теперь ты умеешь играть любую музыку. Так что играй, что тебе самому по душе, — сказал Иблис, а про себя пожелал послушать «Экспромты» Шуберта.

— Хорошо, сэр. Я буду играть «Экспромты» Шуберта.

— Прекрасный выбор, — кивнул Иблис.

Он уже предвкушал, как объяснит этому остолопу, что его денежки так и будут лежать на Ямайке до скончания века, если Олиджинусу придется по-прежнему служить у Иблиса, так что третье желание стоило потратить на то, чтобы Иблис отпустил его на все четыре стороны. А так у него одна участь: подай, принеси, пшел вон, поиграй на рояле. Но над Олиджинусом он поизмывается потом. Сначала он с наслаждением изничтожит близнецов Гонт. Будет добавлять кислоту медленно, очень медленно, по одной капле, будет смаковать их страдания. Ну все, пора. Он взял термос в руки.

— Эй, вы, — громко сказал он. — Джон и Филиппа! Как же я рад нашей новой встрече. Только на сей раз тут нет дяди Нимрода и спасти вас некому. Да и я на сей раз не намерен проявлять снисхождение, как во время нашей прошлой встречи. — Ничего не услышав в ответ, он добавил: — Ну что, мариды? Что скажете? Почему не хамите? Вы меня разочаровали. — Иблис рассмеялся. — Ничего, голоса-то у вас скоро прорежутся. О пощаде молить будете.

По-прежнему ничего не слыша, Иблис сдвинул брови. Какое же удовольствие издеваться над врагами, если они при этом не стонут и не корчатся в муках? Жутковато ухмыльнувшись, Иблис принялся неистово трясти термос — как победитель гонки Гран-при бутылку шампанского.

— Вот. Надеюсь, станете немного посговорчивее, — удовлетворенно сказал он и прижал к термосу ухо. — Эй, вы там что, языки проглотили? Ну ладно, пеняйте на себя!

Иблис произнес имена близнецов и свое слово-фокус — ТЕТРАГРАММАТОНИТ. Рассчитывая, что он полностью подчинил

детей своей воле, он открыл термос и поставил его на пол. Но, к его величайшему удивлению, ничего не случилось. Дыма не было. И близнецы наружу не выскочили.

Значит, термос пуст? Иблис смерил Олиджинуса, уверенно и самозабвенно игравшего Шуберта, убийственным взглядом. Он собрался было обвинить слугу во вранье, но вспомнил, что сам видел инфракрасное изображение двух джинн, которые двигались во внутренней колбе термоса.

— Я знаю, вы внутри, — сказал он резко. — Выходите, или через пять секунд я начинаю лить в термос серную кислоту.

И тут из термоса повалил дым. Не будь Иблис так доволен собой, он бы понял, что для двух детей дыма, пожалуй, многовато. И он был намного темнее, чем следовало. Когда из бутылки или лампы выбираются мариды, дыму полагается быть белым, а облако, поднявшееся над термосом и быстро разделившееся на два облака поменьше, было почти черным.

— Вывинчиваетесь? — сказал Иблис. — Ну вот и славно.

Предводитель ифритцев по-прежнему не подозревал, что его планы могут нарушиться самым неожиданным образом Он знал, что, даже действуя вдвоем, эта малышня никогда не сможет одолеть его, Иблиса, одного из самых могучих джинн на свете. Поэтому он вел себя слегка беспечно.

— Если вы будете хорошо себя вести, может, я и не стану растворять вас в кислоте или заживо хоронить в пустыне. Но смягчение приговора надо заслужить.

Выпущенные из своей тюрьмы-термоса, два джинн-тигра выжидали, прежде чем принять свое истинное обличье. Они страдали от мучительного похмелья, жажды и безумного голода, не говоря уже о только что перенесенной встряске, и были готовы мстить, кроваво и страшно. Но, ощутив присутствие мощного джинн и поняв, что он принял их за кого-то другого, они выбрали наилучшую тактику — решили застать его врасплох.

— Вы опять испытываете мое терпение! — произнес Иблис, поскольку два облака дыма все медлили и никак не становились близнецами Гонт. — Ладно же! Но не говорите потом, что я вас не пре дупреж…

Он так и не успел договорить. На него разом накинулись сразу два громадных черных тигра, каждый чуть не полтонны весом и ростом с лошадь. Один из них вонзил клыки в руку Иблиса, а другой уже раскрыл пасть, чтобы откусить ему голову. От неожиданности Иблис даже не успел сосредоточиться и применить джинн-силу. Рыча и ревя, хищники трепали Иблиса и, возможно, вовсе бы его убили, но тут их внимание привлек перепуганный Олиджинус. Увидев, что происходит с хозяином, он

не бросился ему на помощь. Напротив — он бросился к лифту. Но Иблиса его трусость спасла, поскольку первый джинн-тигр выпустил из пасти руку ифритца и в один прыжок настиг мундусянина.

— Не ешьте меня, я — просто пианист! — вопил Олиджинус, но тигр уже отхватил ему ногу. А потом перекусил шею.

Оставшись один на один с другим тигром, Иблис улучил секунду, чтобы вздохнуть и произнести слово-фокус. Оставив свое безнадежно растерзанное тело хищникам, дух Иблиса быстро покинул пентхаус и спустился по черной лестнице в казино отеля «Крез», где у игральных автоматов сидели сотни мужчин и женщин.

И там, придя в себя от потрясения, Иблис

принялся выбирать для себя

новое тело.

Глава 20
Размышления напоследок

Пришло время покидать розовый форт и опустевший теперь ашрам. Пришло время лететь домой.

Но в каком направлении? На восток или на запад? Если лететь из Лакхнау в Нью-Йорк в восточном направлении, Палм-Спрингс вместе со всей Калифорнией окажется как раз по дороге. А если лететь из Лакхнау на запад, на пути к Нью-Йорку окажется Лондон. Решающим фактором в этом вопросе стала мама Дыббакса, Дженни Сахертort. Нимрод ужасно разволновался, узнав, что она до сих пор не представляет, где находится ее сын и жив ли он вообще. Поэтому джинн договорились, что Нимрод, господин Ракшас и Джалобин полетят на запад, в Лондон, а дети сделают себе отдельный смерч — рейсом до Нью-Йорка через Палм-Спрингс, чтобы доставить Дыббакса матери в целости и сохранности.

— Дыббакс, твоя мама себе, наверно, места не находит, — корил мальчика Нимрод. — Бедняжка и это после всего, что ей пришлось пережить! Джон и Филиппа тоже поступили не лучшим образом, но по крайней мере, благодаря двойникам, их мать не беспокоилась, пока они шастали по Индии.

— У нас в Палм-Спрингс ангелов как-то не наблюдается, — сказал Дыббакс. — Или они хорошо замаскировались. Во всяком случае, я не знаю ни одного, который согласился бы сотворить для меня «второе я». — Он горько улыбнулся. — Если, конечно, существует первое. Теперь я уже ни в чем не уверен. А вообще эта, как вы говорите, «бедняжка» сама виновата. Так что, наверно, заслужила. Нимрод смолк и задумался.

— Да, понимаю… — смущенно сказал он. — Ты про это.

Он так произнес слово «это», что близнецы поняли, что дядя об «этом» все знает, независимо от того, что «это» такое. И им очень захотелось выяснить, что же «это» могло быть.

— Значит, ты считаешь, что виновата она?

— Не только я, — ответил Дыббакс. — Многие. А вы считаете иначе?

— Давай-ка поговорим об этом наедине, — сказал Нимрод и увел Дыббакса в каморку охранников. За ними скользнул койот, и дверь захлопнулась.

— Интересно, о чем речь? — сказала Филиппа брату.

— Ты же знаешь Дыббакса. — Джон пожал плечами.

— Да нет, пожалуй, не знаю. Несмотря на все испытания,

через которые мы прошли вместе. В Дыббаксе есть что-то не совсем… правильное. Только не могу понять, что именно.

— Ты преувеличиваешь, — сказал Джон. Но в душе он понимал, что Филиппа права. В Дыббаксе и правда было нечто непростое, загадочное.

— Я преувеличиваю? Тогда что там у них с Нимродом за тайна?

Дыббакс с Нимродом вернулись минут через пятнадцать. Они ничего не объясняли, да и никто их ни о чем не спрашивал. Разговор был, похоже, очень личный, а близнецы, как бы сильно их ни снедало любопытство, умели уважать чужие секреты. Если Дыббакс сам захочет с ними поговорить, впереди у них несколько часов полета на смерче до Палм-Спрингс.

Потом Нимрод послал вниз, в подземные лаборатории, водяного элементиша — потушить пожар так, чтобы там не осталось ни одного тлеющего уголька. А сами джинн поднялись на самую высокую точку форта, на башню, где размещалось оборудование подъемника. Пора было запускать смерчи.

— Что с ним теперь станется? — Филиппа кивнула на ослика, который прежде крутил ворот с веревкой, поднимая корзину на скалу. Теперь веревка была перерезана, никого из жителей ашрама на скале не осталось, а ослик спокойно стоял в стойле, жевал сено и наслаждался отдыхом. — Кто теперь будет его кормить-поить?

— Филиппа права, — сказал Дыббакс, который ни на минуту не разлучался с койотом и, разумеется, намеревался взять его на борт смерча и отвезти в Палм-Спрингс. — Бросить тут ослика никак нельзя.

— В Ирландии, где так любят ослов, есть ослиный приют, — сказал господин Ракшас. — И живется им там, неподалеку от города Корка, вполне привольно. Можно взять его с собой, а потом переправить в Ирландию.

— Осел на смерче! — фыркнул Нимрод. — Ну и ну!

— Все когда-то случается в первый раз, — промолвил господин Ракшас. — Даже с ослами. Если ирландцы заметят, что он свалился к ним с неба, они непременно назовут его Ирландским Пегасом.

— Отлично, — сказал Нимрод. — Мы тоже будем так его называть. Поехали, Пегасик.

Все уже распрощались, но Филиппу, которая должна была управлять детским смерчем первую треть пути, внезапно остановил Джалобин:

— Эй, дети, вы ничего не забыли? Вы трое по-прежнему смуглы, как индийцы. И, что еще важнее, я тоже. Я хотел бы

обрести мой природный цвет кожи, мисс Филиппа. Хотя должен признать, что и мне самому, и моему пищеварительному тракту очень понравилась индийская еда. Вообще, это был бесценный опыт, поскольку, оказавшись в чужой стране, я не был иностранцем. Обидно, что я усвоил некоторые истины слишком поздно. Но я есть только то, что я есть: толстый, лысеющий, розовощекий юнец из Мосс-сайда.

— Я думал, что вы родом из Манчестера, мистер Джалобин, — сказал Джон.

— Мосс-сайд и есть Манчестер, сынок. Запомни это крепко-накрепко.

Дети взялись за руки, каждый произнес свое слово-фокус — и Джалобин вновь стал европейцем, а они американцами. По счастью, знание — не цвет кожи, и его нельзя отменить даже с помощью джинн-силы. Так что способность разговаривать на хинди осталась при них, а это безусловно очень *кам ка*(полезно), поскольку на хинди в мире говорит чуть ли не миллиард человек.

Джинниоры снова распрощались со своими старшими спутниками, и Филиппа, готовясь к вылету, начала закручивать смерч.

— Не летите слишком быстро, особенно над штатом Оклахома, — прокричал им вслед Нимрод, но ветер отнес его слова прочь, и дети, уже устремившиеся на восток, их не расслышали. Они просто махали сверху трем оставшимся на скале фигуркам, а те уменьшались с неимоверной быстротой.

— Я буду скучать по этим детям, — сказал Джалобин.

Господин Ракшас снял тюрбан, достал хранившуюся там Королеву-кобру и стал задумчиво ее рассматривать.

— Я этим детям обязан жизнью, — тихо сказал он.

— Что вы намерены делать с амулетом? — спросил Нимрод.

На изумрудную голову кобры упал солнечный луч. Господин Ракшас еще немного подержал амулет в руках и бережно протянул Джалобину.

— Держите, — сказал он. — Вы же сильный. Сломайте эту штуку. Отсеките змее хвост.

— Вы уверены? — спросил Джалобин.

— Вполне.

Джалобин выполнил его просьбу: разломал Королеву-кобру на три части — золотое тело, изумрудная голова и хвост из зубов мудрости — и вручил все это обратно старику.

— В Индии много бедных людей, — произнес господин Ракшас и, несколько раз подбросив изумруд точно мячик, положил его в карман. — Сделаем из одного камня полдюжины и продадим их вместе с золотом, а деньги отдадим беднякам. Что

касается моих зубов… — Он покачал головой. — Лучше всего выбросить их где-нибудь по пути домой. В Средиземное море, например. Или в пролив Ла-Манш. Чтобы они не достались больше никому. Никогда.

Филиппа управляла смерчем до Хаконе, заповедника с горячими источниками рядом с Фудзиямой, самой высокой горой Японии. В этой стране дети давно мечтали побывать и с радостью остались бы там подольше, но близнецы все-таки очень соскучились по родителям и хотели скорее попасть домой. Из Японии смерч повел Джон, и следующая посадка состоялась на острове Мауи, который находится в северной части Гавайев, примерно на середине Тихого океана. Здесь невидимый штурвал принял Дыббакс и направил смерч к Западному побережью Соединенных Штатов, в городок Палм-Спрингс.

— Даже странно как-то возвращаться домой, — признался он. — После всего, что случилось…

Филиппа кивнула, надеясь, что Дыббакс поймет и примет ее сочувствие. Она не забыла, что лучший друг Дыббакса, Брэд, и его отец были убиты в Палм-Спрингс.

— Ты готов общаться с полицией? — спросил Джон.

— Почему бы нет? — хладнокровно сказал Дыббакс. — Я же джинн, верно? — Он рассмеялся. — Если они станут задавать слишком много щекотливых вопросов, я заставлю их исчезнуть.

Филиппа и Джон переглянулись. Иногда трудно было понять, шутит Дыббакс или говорит всерьез.

— А мама-то твоя как будет рада! — оживленно сказала Филиппа, которой все-таки безумно хотелось узнать, о чем говорили сегодня Дыббакс с Нимродом.

— Угу, — неуверенно подтвердил Дыббакс и улыбнулся, только когда койот нежно лизнул его в руку. — Я назову его Колин. И поселю в своей комнате. — Он ласково потрепал зверя по холке и за ушами. — Бедняга. Столько лет был шубой. Тебя нужно хорошенько откормить. — Но койот вряд ли был голоден, поскольку едва они вылезли из лифтовой шахты розового форта на солнечный свет и Дыббакс смог наскрести хоть немного джинн-силы, он принялся кормить своего питомца, и тот уже сожрал три сочных бифштекса.

Держать койота дома, как кошку или собаку? Филиппа невольно задавалась вопросом, как отреагирует на это мама Дыббакса. Не рассердится ли? А может, Дыббакс нарочно это задумал, чтобы ее рассердить? Самой Филиппе доктор Сахерторт очень нравилась. Что же она такое сделала? Почему Дыббакс так на нее злится? И когда они наконец приземлились — прямо за

домом Дыббакса, на поле для гольфа, — она больше не могла сдерживаться и спросила его об этом напрямик.

— А разве ты никогда не злилась на родителей? — спросил он вместо ответа. Дети уже шли по зеленому газону, и Дыббакс пинал мячи для гольфа, то и дело попадавшиеся ему под ноги.

— Конечно, всякое бывало, — сказала Филиппа. — Но одно дело злиться, а другое дело мстить. Ты сказал Нимроду, что она виновата и заслужила не знать, где ты находишься. Разве это не месть?

— Послушай, Фил, — сказал Дыббакс, когда они уже подходили к дому. — Мы ведь столько пережили вместе. Мы — друзья. Да?

Близнецы кивнули.

— Так давайте не портить нашу дружбу. Не надо спрашивать о том, о чем я не готов говорить. В ашраме я сделал одно важное открытие. Я понял, как связано кое-что… некоторые события… Короче, это случилось давным-давно и имеет отношение ко мне и моей семье. Я расскажу вам об этом, обещаю. Но не сейчас, ладно?

— Ладно, — ответили близнецы и проследовали за Дыббаксом в дом, выстроенный в стиле мексиканской гасиенды.

Увидев Дыббакса, доктор Сахерторт вскрикнула и бросилась его обнимать.

— Где же ты был? — повторяла она, и из глаз ее катились слезы. — Я уже думала, что никогда тебя не увижу. Я так за тебя боялась…

Несколько секунд Дыббакс мужественно терпел материнские объятия, а потом вывернулся из ее рук и принялся рассказывать обо всем, что с ними произошло. Джон с Филиппой тоже изредка вставляли свои комментарии. Пока он говорил, доктор Сахерторт с тревогой посматривала то на койота, то на близнецов. Когда Дыббакс закончил свой рассказ, доктор Сахерторт и не подумала наказывать сына. Теперь ее, похоже, беспокоила ситуация, которая ожидала близнецов в Нью-Йорке.

— Значит, все это время вместо вас там были двойники? — уточнила она.

— Да, к сожалению… — сказала Филиппа.

— Тогда многое встает на свои места, — пробормотала доктор Сахерторт.

— Что именно? — встревожился Джон, почувствовав, что дома что-то не так.

— Нет, ничего. Но думаю, что вам, дети, тоже пора домой. Я правильно помню, что двойники существуют не дольше вечности? Одиннадцать дней еще не прошло?

— На самом деле, вечность — это одиннадцать дней тринадцать часов сорок шесть минут сорок секунд и еще что-то в периоде, — уточнил Джон и поглядел на часы. — Если верить моим часам, у нас в запасе еще сутки.

— Доктор Сахерторт, пожалуйста, не сердитесь на Бакса, — попросила Филиппа. — Это он из-за нас уехал, сначала в Лондон, а потом в Индию. Это мы виноваты.

— Не волнуйся, дорогая. — Доктор Сахерторт величественно покачала головой. — Я не стану на него сердиться. Я очень рада, что он снова дома. Да и вам пора к себе домой. Давно пора… — Она печально улыбнулась, и близнецы почувствовали, будто она чего-то недоговаривает — не о себе, не о Дыббаксе, а о них самих, о Джоне и Филиппе Гонт.

— Верно, Фил, — сказал Джон сестре. — Нам пора. — Он повернулся, чтобы попрощаться с Дыббаксом. Но того и след простыл. — Куда делся Бакс?

— Он, наверно, в своей комнате. — Доктор Сахерторт кивнула на ведущую вверх лестницу.

Дыббакс и вправду был наверху. Он смотрел в зеркало своей души. Никогда прежде близнецы не видели его таким грустным и разочарованным.

— Что там? — спросил Джон. — Что в зеркале?

Заметив в дверях комнаты близнецов, Дыббакс поспешно набросил покрывало на свой синопадос.

— Ничего. — Мягко, но настойчиво он вытолкал гостей за порог, сам вышел следом и закрыл дверь. — Значит, все? Едете? — сказал он и, с трудом улыбнувшись, пожал руку Джона и, едва касаясь, поцеловал Филиппу в щеку.

— Едем, — ответил Джон.

— Спасибо вам, — сказал Дыббакс. — Спасибо за все. Весело было, верно? Несмотря ни на что.

— Верно, — ответила Филиппа, которая теперь очень спешила домой. — Было весело.

Они летели на восток, над штатами Аризона, Нью-Мексико и Техас. Но примерно над Оклахомой Филиппа погнала смерч слишком быстро, и он в мгновение ока превратился в торнадо. В этой части Соединенных Штатов торнадо не редкость, хотя чаще всего они налетают в другое время года. Впрочем, все зависит от погоды, а для Оклахомы дни выдались необычайно теплые, да и влажность воздуха была непомерно высока… Короче говоря, управляемый Филиппом смерч создал восходящий поток, и уже через четверть часа близнецы оказались на вершине полноценного торнадо, огромного черного конуса, сметавшего

все на своем пути. Во всяком случае, он основательно перепахал несколько кукурузных полей и снес целый сарай, прежде чем близнецы смогли его обуздать.

— Поспешишь — людей насмешишь, — едко заметил Джон.

— Ты прав, я очень спешу, — искренне призналась Филиппа. — Боюсь и думать о том, что мы застанем дома. Я уверена: доктор Сахерторт от нас что-то скрыла.

— Да, она и вправду вела себя как-то неестественно, — сказал Джон. — Но если твой сын — Дыббакс Сахерторт, свихнуться немудрено. Помнишь, как он смотрел в зеркало души? Точно увидел привидение.

— Может, он вспоминал своего друга Брэда? — сказала Филиппа. — Друзей-то у Дыббакса не так много. Наверно, он скучает без Брэда. — Она пожала плечами. — Ну а чем еще объяснить его странности?

Однако эти доводы даже самой Филиппе показались не очень убедительными. Она смолкла и не произнесла ни слова до самого Нью-Йорка. Там, под прикрытием темноты, она посадила смерч в Центральном парке, прямо рядом со статуей Алисы в Стране чудес. Оттуда было уже рукой подать до дома семь на Семьдесят седьмой улице — небольшая прогулка по Парк-авеню и Мэдисон-авеню.

Джон открыл дверь своим ключом, и они осторожно прокрались внутрь — чтобы не попасться на глаза родителям или миссис Трамп одновременно со своими «вторыми я». В доме было как-то неестественно тихо, только стоявшие в прихожей старинные часы тиканьем нарушали тишину. Дети на цыпочках прошли наверх и уже с площадки седьмого этажа увидели за открытыми дверями комнат своих двойников. Джон-2 сидел в любимом кресле Джона и читал книгу, Филиппа-2 сочиняла стихотворение. Оба выглядели безупречно чистыми и опрятными, точно куклы из коробки. Близнецы зачарованно наблюдали за самими собой в течение нескольких минут, но в конце концов Джон заскучал и вошел в свою комнату.

— Привет, — сказал он.

Джон-2 оторвался от книги. К своему ужасу, Джон увидел, что Джон-2 читает Библию.

— Неужели ты это читал? Все время? С самого моего отъезда? — спросил он.

— Только по вечерам, — ответил Джон-2.

Джон потрясенно выдохнул. — Но я такого в жизни не делаю! — сказал он. — Я не говорю, что Библия — это плохо. Просто я сам не такой… хороший.

Филиппа была потрясена не меньше брата.

— В это время я всегда смотрю телевизор, — сказала она Филиппе-2. — Уж не знаю, что ты там пишешь, но я бы так не смогла.

— Я пишу стихи, — ответила Филиппа-2. — Точнее, хокку или хайку. Это такие японские стихи. — Она отдала листок Филиппе. — Тут в трех строчках ровно семнадцать слогов. Пять, семь и пять. Ну как, нравится?

Филиппа прочитала хайку вслух:

Рыба видит джинн.
И просит лишь об одном:
«Дай мне быть рыбой».

Девочка пожала плечами.

— Очень мило, — вежливо сказала она. — Но Джон прав. Мы совсем не такие хорошие и правильные, как вы. Даже странно, что мама не вызвала Дженни Сахерторт. Это наша джинн-доктор.

— Вашей мамы тут нет, — сказала Филиппа-2. — Ее нет.

— Что значит «нет»? Где она? — Филиппа разволновалась. — Она куда-то уехала?

— Уехала. Навсегда.

— Не может быть! — воскликнул Джон. — Она никогда бы не уехала, не сказав нам.

— Она сказала нам, — ответил Джон-2.

— Полагаю, она думала, что говорит это вам, — добавила Филиппа-2.

— Ага, значит, я не ошибся! Тут и правда кто-то беседует! — С лестницы донесся знакомый голос, и, оглянувшись, близнецы увидели дядю Нимрода. — Боюсь, что двойники правы. Ваша мать действительно полагала, что все вам рассказала.

— Что рассказала? О чем? — сказал Джон. — В чем дело, Нимрод?

— К сожалению, я сам узнал об этом только в Лондоне, — тихо ответил дядя. — А как узнал, сразу вскочил на другой смерч и помчался сюда. Айша, Синяя джинн Вавилона, умерла, и теперь ее место заняла ваша мама.

Близнецы смолкли. Внезапно многое из того, что случилось с ними в Ираке всего несколько месяцев назад, обрело совсем иной смысл. Стало понятно, почему Филиппа так легко выбралась из Иравотума.

Нимрод кивнул.

— Я вижу, вы уже сообразили, что это — единственное возможное объяснение многих странностей и тайн. Ваша мама согласилась занять место, которое Айша предназначала тебе,

Филиппа. Лейла согласилась стать следующей Синей джинн. Именно поэтому ее здесь нет. Насколько я понимаю, она уже там. В Иравотуме.

— Мы отправимся следом, — твердо сказала Филиппа. — Мы найдем ее и вернем домой.

— Нет, — ответил Нимрод.

— Почему нет? Джон же приехал и спас меня. Он доказал, что это возможно. И время в запасе еще есть. Я все про это знаю! Ведь тридцати дней еще не прошло! Нужно не меньше тридцати дней, чтобы твое сердце совсем закалилось, зачерствело и ты стала настоящей жестокосердной Синей джинн. — Филиппа посмотрела на Джона. — Мы ведь можем туда добраться? Ну, Джон, ответь? Можем?

Джон, который сам пережил все тяготы путешествия в Иравотум, мрачно кивнул.

— Это будет непросто, — сказал он. — Совсем непросто. Но я уверен, что у нас получится. Мы сможем ее вернуть.

— Боюсь, что нет, — сказал Нимрод. — На сей раз нет. Ваша мама ведь умная женщина. Очень умная.

— Что ты имеешь в виду? Что она сделала?

— Она сделала так, чтобы вы не смогли покинуть Нью-Йорк, — сказал Нимрод. — Как минимум тридцать дней. — Он вздохнул. — Ну а потом, естественно, будет уже слишком поздно.

— Как она может нас остановить? Если мы твердо решим ехать, нас никто не остановит, — настаивала Филиппа.

— Идемте со мной, — сказал Нимрод, ступив на лестницу. — И готовьтесь. Вы еще не все знаете.

Нимрод распахнул дверь в кабинет мистера Гонта и вошел: Джон с Филиппой последовали за ним. Их глазам предстало странное зрелище. В кожаном кресле за столом сидел старик в шелковом халате. Джон подумал, что ему, должно быть, лет восемьдесят, а Филиппа решила, что даже больше. Детям он знаком не был, хотя сам старик, казалось, их узнал. Прошла минута, другая… И тут до них наконец дошло.

— Папа? — задохнувшись, окликнула его Филиппа.

Старик слабо улыбнулся, но ничего не ответил — похоже, он вовсе утратил дар речи. Перепуганные близнецы подошли ближе… Да, сомнений не было. Этот старик — их отец, Эдвард Гонт.

— Папа, что с тобой случилось? — Со слезами на глазах Джон схватил отца за худую, в пятнышках, руку.

Эдвард Гонт невнятно хмыкнул и пустил слюни.

— Прежде чем уехать, ваша мать наложила на него заклятие

Мафусаила, — объяснил Нимрод. — Это заклятие усиливает метаболизм и ускоряет процесс старения. Одновременно она объяснила вашим двойникам, что в их — то есть в ваших — силах предотвратить быстрое старение отца, но для этого нужна ваша джинн-сила и личное присутствие. Каждый день без вас будет стоить ему двадцати лет жизни. Разумеется, она не знала, что говорит не с собственными детьми, а с их «вторыми я». Потому-то ваш отец так сильно состарился всего за несколько дней.

— А ты можешь это как-то остановить? — спросила Филиппа.

— Увы… Заклятие наложила Лейла, и мне не положено вмешиваться.

— Что же делать? — воскликнула Филиппа.

— Мы сами виноваты, — сказал Джон. — Если бы мы не поехали в Индию, папа остался бы таким, как раньше.

— Послушайте, — строго сказал Нимрод. — Если бы вы не поехали в Индию, мы с господином Ракшасом до сих пор лежали бы, замороженные, в подземелье. Очень вероятно, что мы остались бы там на долгие-долгие годы. Пока гуру Масамджхасара охотился бы за Королевой-коброй.

Нимрод ласково погладил тонкую, почти пергаментную руку Эдварда Гонта.

— Однако я уверен, что этот процесс ускоренного дряхления вполне обратим. Иными словами, ваш отец может снова помолодеть и вернуться в свое нормальное состояние. Постепенно. При условии, что ни один из вас не покинет дом и не поедет вслед за матерью. Надо просто ждать. Терпеливо ждать. — Нимрод на мгновение смолк. Он был явно чем-то опечален.

И Филиппа догадалась чем. — Прости, Нимрод, — сказала она. — Ты, наверно, думаешь, что мы большие эгоисты. И очень плохо воспитаны. Айша ведь была твоей матерью…

— Да, Нимрод, — сказал Джон. — Мне тоже очень жаль…

— Спасибо, Филиппа, — ответил дядя. — Спасибо, Джон.

Нимрод достал из кармана пальто огромную сигару.

— Что ж… — Он вздохнул и выпустил большое облако дыма. — Сами видите. О том, чтобы ехать в Иравотум за Лейлой, не может быть и речи. Во всяком случае, сейчас. Вы оба должны оставаться здесь не меньше месяца и заботиться об отце. Иначе он состарится еще больше.

— Но с мамой-то что будет, Нимрод? — с тоской спросил Джон. Ему очень не хватало матери. Уже не хватало. Дом был без нее как чужой.

— Она выполнит свое предназначение, Джон. Вот и все. Всем нам суждено выполнить свое предназначение.

Филиппа покачала головой.

— Я даже представить не могу, что она — там. В том жутком дворце. Совсем одна.

— Она пробудет там только тридцать дней, — сказал Нимрод. — Потом переедет в Берлин Вы сможете видеться с ней в ее официальной резиденции, хотя — заранее предупреждаю — она очень переменится. Очень. Кстати, в Иравотуме она не одна.

— А кто с ней? Мисс Угрюмпыль?

— Полагаю, мисс Угрюмпыль возвратилась в Соединенные Штаты. А именно в Северную Каролину. Нет, я имею в виду кое-кого другого.

— Кого? — хором спросили близнецы.

— Помните мальчика со свалки, из Французской Гвианы, которого Иблис связал заклятием-диминуэндо? Мальчика, который освободил Иблиса из флакона, куда заточили его мы с вами?

— Конечно, — сказал Джон. — Его звали Галиби Маганья, и из-за Иблиса он стал вроде как живой куклой.

— Мама хранила его в коробке, на верхней полке шкафа, — сказала Филиппа. — Время от времени она его вынимала, смотрела на него и обещала когда-нибудь вернуть к нормальной жизни. Так значит, она взяла его с собой?

— Полагаю, именно это и произошло, — отозвался Нимрод. — Сильно подозреваю, что Лейла рассчитывает использовать власть Синей джинн, чтобы снять заклятие-диминуэндо и вернуть мальчику детство.

— Неужели она сможет? — спросил Джон. — Она преодолеет силу Иблиса?

— Она — Синяя джинн. И в сущности, может сделать все, что захочет.

— И Галиби станет ее компаньоном? Как мисс Угрюмпыль? — Филиппа говорила сердито и обиженно. Раздраженно тряхнув головой, она добавила: — Интересно, что со мной не так? Я тоже могла бы составить ей компанию.

— И я, — сказал Джон.

Нимрод покачал головой.

— Вам бы это не понравилось. И естественно, она не хотела для вас такой судьбы. А вот для Галиби это будет наилучшим вариантом. Это же веселее, чем лежать на верхней полке шкафа. Или жить на свалке. Мальчик сможет получить образование и надежду на лучшее будущее. Когда он станет старше, Лейла наверняка что-нибудь для него придумает. Может, найдет ему работу. Или выполнит три желания. Кто знает?

— Как же теперь жить? — произнесла Филиппа и взяла отца за руку. — Знаешь, Нимрод, это очень… очень больно… — Она

вытерла слезы и отвернулась к окну.

— Бывает и хуже, — сказал Нимрод. — Думаю, чтобы пройти через это испытание, надо все время повторять себе: бывает и хуже.

— Что может быть хуже? — Джон совсем помрачнел. — Нас бросила мать. Не знаю, что может быть хуже.

Нимрод решил на время оставить детей в покое. Джон прав. Когда мать бросает родной дом, ничего хуже просто не придумаешь. Нимрод прекрасно помнил, как ушла в Иравотум его собственная мать, Айша, и как больно было им с Лейлой еще долгие месяцы и годы. Даже ее смерть не вызвала у него в душе такой горечи и боли, какие он испытал когда-то в детстве. Лишиться матери, если она умерла, — это одно. А чувствовать себя покинутыми, брошенными — а именно так они с Лейлой себя и чувствовали, когда Айша ушла в Иравотум, — о это совсем, совсем другое… Он решил остаться у Гонтов на ночь.

Утром двойники исчезли.

— Я рад, что они ушли, — признался Джон. — А то они уже давили мне на психику.

— Вы сразу могли попросить их уехать, — сказал Нимрод. — Насколько я помню, кроме просьбы ничего не требуется.

— Мы не хотели, — ответила Филиппа. — Все равно что велеть исчезнуть себе самому. Ты пробовал?

— Э… гм… нет, — признался Нимрод.

— Это не так легко, — подтвердил Джон.

— Так сколько они здесь пробыли? — спросил Нимрод.

— Вечность, — сказал Джон. — Одиннадцать дней тринадцать часов сорок шесть минут сорок секунд и…

— Знаю-знаю, — сказал Нимрод, прерывая Джона. — Я знаю, сколько длится вечность.

— Во всяком случае, Африэль обещал, что именно столько они будут существовать.

— Ангелы всегда отвечают за свои слова, — сказал Нимрод. — Поэтому если уж они появляются в нашей жизни, их всегда стоит слушать. Конечно, некоторые из них чересчур серьезны. И чересчур добродетельны. Но прислушиваться к ним, безусловно, следует. Они знают то, что для нас, джинн, совершенно неведомо. Великие тайны. Тайны вселенной. Да, кстати… Какое впечатление произвел на вас Дыббакс, когда вы расставались?

— Очень странное, — сказала Филиппа. — Как всегда.

— Нет, — сказал Джон. — Не как всегда. Он вел себя необычно. Когда мы улетали, он смотрел в зеркало своей души. И

похоже, мы ему просто мешали.

— А вы что-нибудь заметили? — спросил Нимрод. — Ну, может, заглянули в его зеркало? Хотя бы мельком?

Близнецы покачали головами.

— Он его закрыл, — сказал Джон. — Прежде чем мы успели что-нибудь заметить.

— Но это очень важно. А он не рассказал, что именно отразилось в синопадосе?

— Нет, — сказал Джон. — Но что бы это ни было, особой радости оно ему не доставило. По-моему, ему было тяжело туда смотреть.

— Интересно, — пробормотала Филиппа.

— Что именно? — спросил Нимрод.

— Интересно, что же он увидел в собственной душе? И почему это было для него так тяжело? — задумалась девочка. — Ну, вредина он, конечно. Злым бывает. Капризным. Даже иногда немного жестоким. Но он ведь еще ребенок. Я думаю, ничего действительно плохого в нем нет. Ну, такого, что могло бы отразиться в зеркале души…

— Я вам когда-то рассказывал, что существует шесть кланов джинн, — сказал Нимрод. — Но строго говоря, их семь. Потому что иногда рождается нечистокровный джинн, и он не может принадлежать ни клану Марид, ни клану Ифрит. Он не Джинь, не Джань, не Гуль и не Шайтан. Он — гибрид. Например, в Дыббаксе течет кровь маридов и ифритцев.

— Не понимаю, — сказала Филиппа. — Мистер Сахерторт — марид, я точно знаю. И доктор Сахерторт — тоже.

— В этом ты совершено права, — сказал Нимрод. — Но вот какое дело… Непростое… Особенно для Дыббакса. Мистер Сахерторт ему не отец. Все это выяснилось сравнительно недавно. Именно поэтому они с Дженни Сахерторт больше не живут вместе.

— Значит, Дыббакс — наполовину марид, наполовину ифритец? — уточнил Джон.

Нимрод кивнул.

— Боюсь, что так, Джон. В Дыббаксе много хорошего. Но много и плохого. Именно это он и видит, когда заглядывает в свой синопадос. За светом и красотой таится что-то темное и отвратительное. И в душе Дыббакса постоянно идет борьба, борьба между добром и злом. Поэтому я рад, что вы с ним подружились, дети. Я уверен, что с вашей помощью в этом мальчике восторжествует добро.

— Бедный Дыббакс, — сказала Филиппа. — Но как это случилось? Дженни Сахерторт ведь такой хороший, достойный

человек.

— Иблис наложил заклятие на мистера Сахерторта и принял его обличье.

— Ты хочешь сказать, что отец Дыббакса — Иблис? — изумился Джон.

— К сожалению.

— И Дыббакс об этом знает?

— Да, конечно, — сказал Нимрод. — Это — большой секрет. Тайна, покрытая мраком. Кроме членов семьи, в нее никто не посвящен. На самом деле, я даже не уверен, знает ли об этом сам Иблис.

— А ты-то откуда знаешь? — спросила Филиппа. — Раз это такой страшный секрет.

— Помните историю про изгнание джинн из тела человека? Ну, помните, почему наш гуру Масамджхасара вознамерился стать джинн?

— Конечно помню, — ответил Джон. — Ты изгнал джинн из тела премьер-министра Великобритании. Им завладела какая-то джинниорка. Девочка лет двенадцати.

— Это была Фаустина, — сказал Нимрод. — Сестра Дыббакса.

— Та, что пропала без вести? — уточнила Филиппа.

— Ты знаешь об этом? — удивился Нимрод.

— Мы даже видели ее портрет, — сказала Филиппа. — В доме у бабушки Дыббакса. На острове Баннерманна.

— Вы и там успели побывать?

— Дыббакс там прятался, — объяснил Джон. — Когда его искали приспешники гуру. Похоже, Дыббакс был очень привязан к Максу, дворецкому его тети. Макс был гориллой.

— Да-да… — Нимрод замолчал и задумался, будто рылся в закоулках памяти.

— Ты рассказывал о Фаустине, — напомнила Филиппа.

— Да, так вот… — сказал Нимрод. — Фаустина считалась очень одаренным ребенком. Золотым ребенком. Например, в джиннчёт она играла даже лучше тебя, Филиппа. Все джинн отзывались о ней очень хорошо. Замечательный ум. Потрясающая логика. Сильный характер. Я и сам это почувствовал, когда изгонял ее из тела премьер-министра. В то время Сахерторты жили в Лондоне, и Дженни, которая только что родила Дыббакса, была страстной поклонницей премьер-министра. На расстоянии. Они никогда не встречались. Когда Фаустина узнала об Иблисе, она решила его обязательно наказать. Наслушавшись похвал, которые ее мать постоянно расточала премьер-министру, Фаустина решила, что он — тот единственный человек, который сможет заточить Иблиса в темницу. Потому она и вселилась в его

тело. Она была очень своенравным ребенком. И в этом они с Дыббаксом схожи. Конечно же, ее затея не удалась. Она вселилась в чужое тело впервые — даже странно, что она так долго в нем продержалась. Главной ее ошибкой было то, что она не изменила голос. Она говорила своим собственным голосом, и это выдало ее мгновенно. Ну а дальше все и вовсе пошло наперекосяк. Сначала ее опьянило ощущение собственной власти. А поняв, что премьер-министр помочь ей ничем не может, она на него рассердилась. Ну и на собственную мать заодно. Тогда-то я и появился на Даунинг-стрит и, совершенно не понимая, с кем именно имею дело, изгнал Фаустину из тела премьер-министра. Только когда премьер пришел в себя, я узнал, что за джинниорка побывала в его теле. И пошел искать Фаустину. В конце концов я нашел ее тело в Музее восковых фигур мадам Тюссо. Я ждал и ждал, но душа Фаустины так и не явилась, чтобы востребовать свое тело. Так я, по крайней мере, решил поначалу. Только недавно, в Индии, я понял, что это произошло из-за анализа крови, который доктор Варнакуласурия — именно так звался тогда гуру Масамджхасара — взял у премьер-министра. Он взял кровь еще до моего прихода, когда осматривал премьера. Для джинн, находящегося в чужом теле, это крайне опасно. Вышло так, что крошечная часть души этой девочки оказалась потеряна навсегда. Потому она и не смогла собрать себя в целости и сохранности, чтобы вернуться в собственное тело. Она изменилась, пока была вне его. — Нимрод пыхнул сигарой. — Когда мы были в Индии, Дыббакс тоже все это выяснил. Он свел концы с концами и понял, что гуру Масамджхасара рассказывал о его родной сестре. Сестре, которую он никогда не видел.

— Бедный Дыббакс, — произнес Джон.

— Бедная Фаустина, — поправила его Филиппа. — Что же с нею случилось?

— Ее тело перевезли в близлежащую частную джинн-больницу, — сказал Нимрод. — Где она, видимо, до сих пор и пребывает, в глубокой коме. Что касается ее души… — Он пожал плечами. — Я искал ее по всему Лондону. И Дженни Сахерторт тоже. Но мы так ничего и не обнаружили. Обнаружить призрак вообще нелегко. Даже нам, джинн, это не всегда по силам. Призрак Фаустины никуда не наведывался, он не был замечен ни в одном доме. Думаю, он и поныне блуждает где-то… совершенно неприкаянный…

— Какой ужас! — проговорила Филиппа.

— Да уж… — рассеянно пробормотал Нимрод. И замолчал. Потому что его сердце вдруг екнуло и заметалось, словно птица в клетке. Как же он сбросил со счетов Фаустину? Ну конечно!

Фаустина! Она спасет их всех. Надо, разумеется, проконсультироваться с господином Ракшасом. И послать запрос в частную больницу в Лондоне, где до сих пор живо бесчувственное тело Фаустины. И если он, Нимрод, сможет разыскать ее потерянную душу, то существует крохотная, микроскопическая, совершенно смутная и почти несбыточная вероятность — далекая, как отдаленный писк летучей мыши, — что в один прекрасный день он сможет сделать так, чтобы его сестра Лейла вернулась в свой чудесный дом к своей любимой семье. Но он не хотел будить в близнецах надежду. Еще не время. А если ничего не получится? Это было бы слишком несправедливо. Слишком жестоко. Вдруг все-таки ничего не выйдет? Нет, пока лучше помолчать. По крайней мере, в течение какого-то времени. Пусть Джон и Филиппа пока учатся мириться с нынешней ситуацией, пусть закаляют характер…

— Занятно, не так ли? — сказал Нимрод. — Как все в этом мире взаимосвязано. Одно ведет к другому, третье проистекает из второго, а потом ведет нас назад, к началу. Ничто не существует само по себе.

Близнецы промолчали. Нимрод полагал, что они все еще думают о бедной Фаустине и о Дыббаксе. Но на самом деле они думали о своей матери, лишенной детей, мужа, друзей, оторванной от всех. Не важно, что говорит Нимрод про предназначение, не важно, что она там не одна. Все равно — одна. Совсем одна, точно призрак. И детям было невыносимо от этой вопиющей несправедливости.

А еще через несколько минут они стали думать о том, как однажды изменят ход событий и вернут маму домой навсегда. Ну, не навсегда, конечно… Но на то «навсегда», которое им всем отпущено. Даже не шевеля губами, Дети лампы прочитали мысли друг друга и дали общую, телепатическую клятву, какую могут дать только близнецы. Они сделают это любой ценой — чем бы это ни обернулось для мира джинн и мира людей.

— Полагаю, мне придется пожить с вами. По крайней мере, пока жизнь не войдет в свою колею. — Нимрод пожал плечами, понимая по ожесточенным, горьким взглядам близнецов, что жизнь в этом доме уже никогда не будет прежней. — Ну, ладно, хоть чуть-чуть-то она наладит-ся? — продолжал Нимрод, но дети молчали. — Ну будь по-вашему, ничего не наладится, я и сам понимаю! Но все-таки я с вами какое-то время поживу. И помогу чем могу. Джалобин тоже приедет, если вы не против. И господин Ракшас. Мы будем с вами, дети. Независимо от того, хотите вы этого или не хотите, — решительно закончил он.

Первой заговорила Филиппа:

— Все-таки странно… Вот мы — настоящие джинн, а собственное желание выполнить не можем. Одно-единственное. Даже не верится…

— Я сейчас произнесу слова, которые господин Ракшас сказал когда-то мне самому, — начал Нимрод. — Много лет назад. Мне этот совет всегда казался очень полезным. Думаю, это и вправду верно, причем для всех. Не важно, джинн ты или мундусянин. Итак, слушайте. Мечты и желания хороши, но не подменяйте ими труд и волю. Иногда надо принять мир таким, каков он есть. Признать, что факты неумолимы и никакие наши желания его уже не переделают. Только несмышленые дети без конца пытаются изменить мир в соответствии со своими желаниями.

— Но мы и есть дети, — возразил Джон.

Нимрод улыбнулся и ласково потрепал макушки Джона и Филиппы.

— Уже нет, Джон, — тихо сказал он. — Уже нет.

notes

Примечания

1

Сокр. от *quod erat demonstrandum* — что и требовалось доказать (*лат*).

2

Дети (*хинди*).

З

Нищие (*хинди*).